

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/99

ISSN 0131—2812

К юбилею Российской
Академии наук.
Отечественное японоведение

К 50-летию образования КНР:
Отношениям с КНР - полвека
Путь китайских реформ

Южная Корея:
кризис, преодоление

Китайский классик в России

2-е экз.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

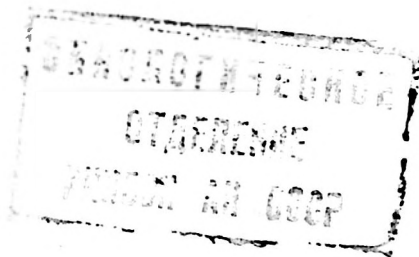
4/99

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

К 275-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

- Юбилейное заседание Ученого совета Института Дальнего Востока..... 3
В.Павлятенко, А.Семин. Российское японоведение..... 6

К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

- Г.Карасин.* Отношениям с КНР - полвека14
В.Портяков. Путь китайских реформ.....18
Посланник дружбы (По страницам книги Гао Мана "Повесть об
Архипове").....29

ПОЛИТИКА

- Джозеф И.С.Чэн.* Политика Китая в отношении АСЕАН в
1990-х гг.: подталкивание к многополярности.....42
А.Копков. Модернизация кадровой политики в КНР в условиях
рынка.....55

ЭКОНОМИКА

- А.Нестеренко.* Южная Корея: кризис, преодоление (заметки
некорееведа).....64
Р.Шепенко. Законодательное регулирование бюджетного
процесса в КНР.....74
П.Мозиас. Либерализация инвестиционного режима: опыт Китая.....84

<i>И.Наумов.</i> Проблемы обеспечения природными ресурсами экономического развития Китая в XXI веке.....	99
<i>С.Алексахина.</i> Новые моменты в развитии сельского хозяйства КНР (Письмо из Китая).....	109

ИСТОРИЯ

<i>В.Бармин.</i> Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1918-1931 гг.....	113
--	-----

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

<i>А.Волохова.</i> Некоторые архивные материалы о корейской войне (1950-1953).....	123
--	-----

РУССКИЕ В КИТАЕ

<i>Е.Таскина.</i> Харбин - продукт контактов стран-соседей.....	132
<i>И.Кирсанов.</i> Продолжая тему.....	138

КУЛЬТУРА

<i>В.Сорокин.</i> Классик новой китайской литературы в России (К 100-летию со дня рождения Лао Шэ).....	140
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Профессор Гао Ман - Почетный доктор Института Дальнего Востока РАН.....	149
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>А.Сенаторов.</i> Коалиционная политика. Свидетельства очевидцев.....	151
<i>А.Волохова.</i> Шин В.А. Китай и корейские государства во второй половине XX столетия.....	156

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН, 1999 г.

К 275-летию Российской Академии наук

Юбилейное заседание Ученого совета Института Дальнего Востока

26 мая 1999 г. состоялось заседание Ученого совета Института, посвященное 275-летию Российской Академии наук.

Открывая заседание, директор Института, член-корреспондент РАН Титаренко М.Л. сказал: "Академия наук является гордостью российской культуры, является неотъемлемой частью мировой культуры и она внесла огромный вклад в развитие мировой науки, мировой цивилизации как в области технических, естественных наук, так и в области общественно-гуманитарных наук. Институт Дальнего Востока является органической частью Российской Академии наук. Китаеведение и востоковедение в целом были одними из наиболее ранних гуманитарных наук, которые сложились в рамках РАН". М.Л.Титаренко подчеркнул, что Институт Дальнего Востока наследует и продолжает традиции русского китаеведения и востоковедения, отличительной особенностью которых было сочетание фундаментальных исследований культуры, истории, экономики наших соседей с научным поиском оптимального решения проблем развития отношений и взаимопонимания между Россией и странами Востока.

Сквозь призму этих традиций М.Л.Титаренко рассмотрел научно-исследовательскую деятельность Института. Акцентируя внимание на научных разработках 80-90-х гг., докладчик отметил, что они помогали и помогают нормализации и развитию отношений между Россией и Китайской Народной Республикой, урегулированию пограничной проблемы; поиску новой модели отношений с Японией, которая исключала бы территориальные споры между нашими странами; объективному пониманию процессов на Корейском полуострове, необходимой в наши дни активизации связей России с Корейской Народно-демократической Республикой, развитию отношений России с Республикой Корея и т.д.

Докладчик высоко оценил работу научных подразделений Института, конкретно отметив достижения отдельных коллективов и ведущих исследователей. Он выделил заслуги экономической школы института в создании цельной картины развития народного хозяйства Китая как в экономическом (реформа в промышленности и сельском хозяйстве, инвестиционная политика, продовольственная проблема и т.д.), так и в социально-политическом аспекте (строительство социализма с китайской спецификой); отметил успехи истори-

ческой школы в разработке объективной концепции новейшей истории Китая, а также достижения юридического направления в исследовании правовой культуры Китая; подчеркнул актуальное значение работы корейского и японского научных направлений, и недавно созданного направления, изучающего отношения России и АТР.

В своем выступлении докладчик назвал ряд выполненных в ИДВ фундаментальных монографических исследований - труд проф. Л.С.Переломова "Конфуций: "Лунь юй" и др., а также Энциклопедический словарь "Китайская философия", многотомные сборники документов по истории российско-китайских и советско-китайских отношений и публикацию серии сборников документов "ВКП(б), Коминтерн и Китай".

Академик С.Л.Тихвинский поделился с собравшимися некоторыми размышлениями об истории и судьбе отечественного китаеведения. В этой связи он затронул историю Института китаеведения АН СССР. Эта история началась с выступления А.И.Микояна на XX съезде партии в 1956 г., где он подверг критике состояние востоковедной науки в нашей стране. Одним из результатов этой критики и стало создание Института китаеведения АН СССР.

В институт пришли китаисты из ИВАН, МГУ, ЛГУ и других востоковедных научных и учебных заведений. Институт стал центром "собирания земель" отечественного китаеведения, но это продолжалось недолго. В начале 60-х гг. в беседе с представителем советского посольства в КНР один из китайских руководителей выразил недовольство тем, что "у вас в стране ведают Востоком и Китаем", интерпретируя таким образом названия институтов востоковедения и китаеведения. Из посольства была послана в Москву соответствующая телеграмма, с которой ознакомился Н.С.Хрущев. По его указанию был ликвидирован Институт китаеведения, сокращенный до рамок Отдела Китая Института народов Азии.

Только в 1963 г., по предложению руководства Отделом ЦК КПСС ввиду ухудшения наших отношений с Китаем, было решено создать в АН СССР научное подразделение, занимающееся изучением проблем современного Китая. Так был создан Отдел истории Института экономики мировой социалистической системы. На базе этого Отдела в 1966 г. был организован Институт Дальнего Востока АН СССР.

Академик Мясников В.С. в своем выступлении охарактеризовал основные вехи развития нашей национальной школы китаеведения. Он отметил, что основы научного изучения Китая были практически заложены в Пекинской духовной миссии почти одновременно с созданием Российской академии наук, которая играла большую роль в постановке проблем, которые должны были изучать ученики при миссии. С этого и началось формирование национальной школы китаеведения, открывшего период накопления знаний о Китае, о его языке, культуре, истории, государственном устройстве, хозяйственном укладе жизни и т.д. Прорыв в научном осмыслении феномена Китая был сделан Н.Я.Бичуриным (монахом Иакинфом), который в 1828 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии. В своем труде "Китай в гражданском и нравственном состоянии" (1848) он первым поставил проблему межцивилизационных различий России и Китая, различий европейской и китайской цивилизаций.

Второй качественно новый вехой развития отечественного китаеведения, стало осмысление его положения в мировой синологии. Первым, кто соотнес наше китаеведение с мировой наукой и поставил проблему развития российского китаеведения как части мирового китаеведения, был академик В.М.Алексеев. Он считал, что китаеведение создавалось долгими и упорными

трудами ученых разных стран. Василий Михайлович активно стремился к тому, чтобы российские китаеведы осознавали себя частью мировой науки о Китае, включая западное китаеведение и труды китайских ученых.

Советское китаеведение, несмотря на репрессии в сталинский период, волюнтаризм и субъективизм последующих лет, нанесших серьезный урон отечественной науке, продолжало развиваться в русле мировой синологии.

В созданном в 50-е годы Институте китаеведения были заложены принципы комплексного изучения Китая. В то время в мире не было таких крупных как Институт китаеведения научных центров. Институт под руководством А.С.Перевертайло и особенно С.Л.Тихвинского начал устанавливать эффективные отношения с Академией наук КНР, с ее институтами истории, философии, экономики и др. Несмотря на свою короткую историю, Институт китаеведения заложил добротную основу для возрождения нового научного сообщества в виде Института Дальнего Востока. Научный коллектив Института Дальнего Востока сумел сделать новый качественный шаг в отечественной и мировой синологии. Он перешел не только к комплексному изучению Китая, но и региона в целом, к сочетанию исследований по классическому Китаю с исследованиями по современному Китаю и другим странам Дальнего Востока. Качественно новое развитие получили и международные связи Института с учеными и научными учреждениями Китая, Японии, Кореи, Европы и Америки.

В заключительном слове директор Института, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко сказал: "Как отмечали наши уважаемые коллеги, наша наука действительно развивается и стоит на передовых позициях. Упорный труд, энтузиазм, служение научной истине, которые проявляют наши ученые, являются предметом нашей гордости. Я уверен, что трудные времена и испытания, которые выпали на нашу долю, мы переживем и наша наука послужит фактором и источником возрождения нашей страны".

Российское японоведение

© 1999

В.Павлятенко, А.Семи́н

У российского японоведения давняя история. В ней нашлось место и драматическим событиям и славным именам. Оно зарождалось задолго до установления (1855 г.) дипломатических отношений между Россией и Японией, еще при царе-реформаторе Петре I. В соответствии с его указом от 16 октября 1705 г., японцу Денбею повелевалось "учить японскому языку и грамоте"¹. Так в Санкт-Петербурге, при Навигационной академии, была открыта первая в России (и в Европе) школа японского языка. Появились и первые учебные пособия: словарь, фразеологический сборник, хрестоматия.

Позднее, с 1736 г., школа японского языка действовала при Сенатской конторе в северной столице, а в 1753 г. была переведена в Иркутск. Там преподавание вели японцы из числа потерпевших кораблекрушение в северной части Тихого океана и спасенных русскими моряками. В 1761 г. школа обрела статус специального учебного заведения по обучению японскому языку, просуществовала она до 1816 г.

Первая русская книга о Японии (на основе переводов С.Коровина-Синбиренина и И.Горлицкого) появилась в 1734 г., и была переиздана в 1768 г. под названием "Описание о Японии". Изданный в 1745 г. "Атлас России" с картами приграничных земель, составленный на основании походов русских землепроходцев и мореплавателей, рассказов японских моряков, потерпевших кораблекрушение, а также по материалам российских экспедиционных исследований, явился крупным вкладом в изучение географии Японии. В 1773 г. была опубликована книга профессора Московского университета И.Рейхеля "История о Японском государстве, из достоверных известий собранных". В 1782 г. иркутским автором Андреем Татариновым был составлен словарь - "Лексикон российско-японский".

Конец XVIII и начало XIX вв. в российском японоведении отмечены мощным влиянием географических открытий на Дальнем Востоке. Отечественная и мировая наука в целом обогатилась ценнейшими сведениями о Японии, в частности, в таких областях, как этнография, география, геология, ботаника. Большие заслуги в этом принадлежали русским исследователям И.Ф. Крузенштерну, В. Берингу, В.М. Головнину, А.К. Лаксману, П.И. Рикарду. На основании личных наблюдений А.К.Лаксмана был подготовлен первый полностью русского авторства труд о Японии - "Известие о первом российском посольстве в Японию под началом поручика Адама Лаксмана" (1792-1793). Эта

Павлятенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Японии ИДВ РАН.

Семи́н Анатолий Васильевич, кандидат политических наук, заместитель руководителя Центра исследований Японии ИДВ РАН.

публикация представила собой значительный вклад в познание Японии, особенно острова Хоккайдо.

Огромное, непреходящее значение и по сегодняшний день вызвали изданные в 1851 г. "Записки" В. Головнина о его пребывании в плену у японцев в 1811-1813 гг.²

В 1855 г. была опубликована "История Японии" Н. Горлова, написанная на основе сведений, полученных от проживавших в России японцев. Яркое описание Японии было дано известным писателем И. А. Гончаровым³, участником экспедиции адмирала Е. В. Путятина в Японию на фрегате "Паллада" в 1853 г., результатом которой было заключение первого русско-японского договора в 1855 г.

С "открытием" русскими Японии появилось больше возможностей для ее изучения "изнутри". В середине XIX в. усилиями российских исследователей, в первую очередь естественников, существенно пополнились представления о природе, населении Японии. Среди них - выдающийся русский ботаник К. И. Максимович, географ и гидролог Л. И. Шренк, известные географы М. И. Венюков, А. И. Воейков, А. Н. Краснов, Л. И. Мечников, филолог И. А. Гошкевич и др.

Вместе с тем, практически вплоть до начала XX в. уровень научных исследований в России проблем Японии отставал от требований жизни. Недостаточно уделялось внимания изучению японской экономики, политики, истории. Эти объективные обстоятельства во многом объясняют тот факт, что на уровне науки и практической политики не удалось предвидеть развитие военно-политической ситуации на Дальнем Востоке, приведшее царскую Россию к войне с Японией (1904-1905) и к военному поражению. К тому времени японоведение еще не было поставлено на твердую материальную и организационную основу, отсутствовала прочная государственная поддержка. Изучение страны велось нецеленаправленно, охватывало лишь отдельные аспекты. Частные достижения базировались главным образом на энтузиазме самих ученых.

Начало систематизированного изучения Японии в целом и японского языка в частности можно с полным основанием отнести ко времени включения в 1870 г. в программу Петербургского университета преподавания японского языка. В дальнейшем, в 1888 г., в университете был создан Восточный факультет, с тех пор ставший надолго главной базой развития японоведения в России. Выпускниками этого факультета, наряду с плеядой известных российских востоковедов, были и всемирно признанные авторитеты - Н. А. Невский и Н. И. Конрад.

В 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт, где наряду с другими востоковедческими науками важное место заняло японоведение. Первым директором института стал известный востоковед А. М. Позднеев, автор глубоко научных исследований по истории и географии Японии, первого в России японо-русского иероглифического словаря. С Восточным институтом связаны имена таких российских японоведов, как Е. Г. Спальвин, В. П. Веселовский, Н. В. Кюнер. В рамках программы института японоведение выделилось в отдельное педагогическое и научное направление. Учебное заведение располагало ценнейшей в России коллекцией материалов по Японии, а также по Китаю, Маньчжурии, Тибету, Корее, ставшей богатейшей источниковедческой базой для последующих исследований как в области японоведения, так и российского востоковедения в целом.

Поражение в русско-японской войне стало мощным катализатором развития японоведения в России как самостоятельной части российского востоковедения в целом. Помимо целого ряда работ на тему о русско-японской

войне⁴, были опубликованы фундаментальные исследования по вопросам внешней политики, истории, политической географии Японии. Именно в этот период неоценимый вклад в российское японоведение был сделан учеными, ставшими впоследствии всемирно известными - Л.Я. Штернбергом, Д.Н. Ануциным, Л.С. Бергом, В.В. Бартольдом и др. Крупный научный вклад в изучение японского языка, политической географии и истории Японии, истории ее внешней политики на Дальнем Востоке, рабочего и аграрного движения в Японии был сделан А.М.Позднеевым, К.А. Харнским, Я.Н. Петровым, О.В. Плетнером. В этот же период начинается яркая научная и научно-педагогическая деятельность Н.И. Конрада. Им были подготовлены такие исследования, как "Вопросы японского феодализма", "Очерки японской истории с древнейших времен до "революции Мэйдзи", "Надельная система в Японии", "Лекции по истории Японии" и др. Широта охвата проблем, комплексный подход ученого к изучению истории, культуры Японии уже тогда заложили основы будущей научной "школы Конрада", которая поныне живет в его учениках и последователях.

В послеоктябрьский период Петроград (позднее Ленинград) продолжал играть роль ведущего центра японоведения в стране. В 20 - 30 гг. при активном участии Н.И.Конрада были созданы отделения японского языка и литературы - в Петроградском Университете и японского языка - в Институте живых языков.

Важнейшим этапом дальнейшего развития японоведения стало создание в 1930 г. Института Востоковедения АН СССР, образованного на базе четырех академических востоковедных учреждений: Азиатского музея, Коллегии востоковедов, Института буддийской культуры и Тюркологического кабинета. Одним из важных направлений деятельности института стало изучение древней культуры Японии. Основу работы исследователей составило богатое собрание древних рукописей и книг, главным образом, Азиатского музея. В Институте Востоковедения в тот период были сосредоточены лучшие специалисты по Японии, велась планомерная подготовка научных кадров. Позднее они составили ядро японоведческих кадров страны, многие из них заслужили мировую известность, а часть из них была удостоена высших наград Японии за выдающийся вклад в развитие японоведения как науки. В эти годы в стенах института были написаны крупные научные работы Е.М. Жукова "История Японии. Краткий очерк" (1939), Х.Т. Эйдуса "Япония" (1936, переиздана в 1939). В поле зрения научного коллектива института во второй половине 30-х гг. были вопросы наращивания Японией своей экономической и военной мощи, ее экспансионистская стратегия в Восточной Азии, агрессия против Китая, военные приготовления в прилегающих к советским границам районах⁵.

В 40-е годы центр японоведческих исследований стал формироваться в Москве. Здесь в 1941 г. был учрежден Московский Институт востоковедения АН СССР. Затем был основан Институт восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки при Московском Государственном Университете), который в дальнейшем сыграл существенную роль среди учебных заведений страны, готовивших японоведов. ИВЯ послужил в качестве базы при создании еще одного важного учебного заведения - Московского государственного института международных отношений, являющегося по настоящее время ведущим центром подготовки японоведов-практиков.

После кратковременного сокращения масштабов японоведческих исследований в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), в 50-е годы отмечается активизация деятельности научных центров и прежде всего

академических центров, занятых изучением Японии и подготовкой новых поколений японоведов. В определенной мере этому способствовал доступ ко многим документам предвоенного и военного периода развития Японии, составившими обширную трофейную источниковедческую базу. Уже тогда появился целый ряд исследований по новейшей истории Японии, подготовленных сотрудниками академических учреждений, часто в сотрудничестве с преподавателями ВУЗов: "Очерки новейшей истории Японии" (Жуков Е.М., Варшавский А.В., Гальперин А.Л., Топеха П.П., 1957), "Очерки новой и новейшей истории" (Эйдус Х.Т.), "Государственный строй Японии" (Латышев И.А., 1956) и др.⁶

В 60-80-е гг., в результате целенаправленной государственной политики, японоведение как самостоятельное направление востоковедения в нашей стране обрело весьма солидный потенциал. В этот период оформились новые научные направления в ряде академических центров. В Академии наряду с Институтом востоковедения, японоведческие подразделения были созданы в Институте мировой экономики и международных отношений, Институте Дальнего Востока АН СССР. Изучением проблем Японии занимались научные коллективы в Ленинграде, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке, на Сахалине. В сети научно-исследовательских и образовательных учреждений аккумулировались традиции, знания, высококвалифицированные специалисты.

Существенное внимание исследователями уделялось анализу внутриполитической обстановки и деятельности политических партий Японии. Широкое признание у специалистов получили такие научные работы, как "Правящая Либерально-демократическая партия Японии и ее политика" (Латышев И.А., 1967 г., в 1968 г. издана на японском языке), и "Конституционный вопрос в послевоенной Японии" (Латышев И.А. 1959 г., в 1962 г. издана на японском языке), "Сока Гаккай - Комэйто (Религиозно-политическое движение в послевоенной Японии)" (Державин И.К.) и др.

Заметное место в японоведческих исследованиях послевоенного периода заняли проблемы, связанные с историей и тенденциями возрождения японского милитаризма. Были опубликованы: "Возрождение милитаризма в Японии" (Сергиенко И.С.), "Японский милитаризм. Военно-историческое исследование" (Мажоров С.Т.). Большое внимание ученых уделялось анализу межклассовых отношений в Японии, истории рабочего, крестьянского движения в стране. Этим вопросам были посвящены такие исследования, как "Вопросы единства профсоюзного движения в современной Японии" и "Рабочее движение в Японии" (Топеха П.П. 1964г. и 1969г.), "Положение рабочего класса Японии после второй мировой войны" (Хлынов В.Н. 1958г.), "Рабочее и демократическое движение в Японии" (Петров Д.В. 1961г.), "Земельная реформа и аграрные отношения в Японии после второй мировой войны", "Крестьянское движение в Японии после второй мировой войны" (Попов В.А. 1958г.) и др.

Важной качественной характеристикой развития советского японоведения в послевоенный период стало исследование советскими учеными проблем внешней политики Японии с введением в научный оборот значительного массива новых архивных материалов как послевоенного, так и предшествующего периодов. В свет вышли "Очерки дипломатической истории русско-японской войны" (Романова Б.А., 1947г.), "Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия" (Аверин В.Я., 1952г.), "Англо-японский союз" (Гальперин А.Л., 1947г.), "Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895 гг." (Нарочицкий А.Л., 1956г.), "Колониальная экспансия Соединенных Штатов Америки в Японии" (Петров Д.В., 1954г.). Це-

льный ряд исследований был посвящен анализу двусторонних отношений Японии с другими странами, среди них: "Япония и США: партнеры и конкуренты" (Игнатущенко С.К. 1970г.), "Японо-американский военно-политический союз" (Вербицкий С.И. 1972г.), "Японская агрессия в Китае и позиция США" (Бедняк И.Я.), "Китай и Япония" (Сладковский М.И. 1971г.)². Особое место среди этих исследований занимала тематика российско-японских и советско-японских отношений: "Русско-японские отношения в 1867-1875 гг." (Файнберг Э.Я. 1960г.), "История советско-японских дипломатических отношений" (Кутаков Л.Н. 1962г.), "СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после второй мировой войны" (Эйдус Х.Т. 1964г.), и др.

Важным направлением советского японоведения в послевоенный и в последующий период становится исследование проблем экономического развития Японии. Уже в первые послевоенные годы и в последующий период выходят в свет такие фундаментальные исследования как "Финансы Японии" (Болдырев Г.И. 1946г.), "Монополистический капитал Японии в годы второй мировой войны и после войны" и "Экономика Японии после второй мировой войны" (Певзнер Я.А. 1950 и 1955гг.), "Монополии и финансовая олигархия в современной Японии" (Пигулевская Е.А. 1996г.), "Очерки экономики современной Японии" (Динкевич А.И., 1972 г.). Важную роль в этом отношении сыграли отделы Японии, развернутые в ИВ АН и ИМЭМО АН.) Обстоятельное исследование "Япония" в серии "Экономика и политика стран современного капитала" было выполнено в Институте мировой экономики и международных отношений (1976). Различные аспекты социально-экономического развития Японии рассматривались в целой серии работ японоведов ИМЭМО, вышедших в 70-е - 80-е годы.

Немало интересных научных исследований было посвящено японской культуре, существенный вклад в изучение которой внесли академики Конрад Н.И. и Окладников А.П., член-корреспондент АН Федоренко Н.Т., известные исследователи Арутюнов С.А., Воробьев М.В., Искандеров А.А., Николаева Н.С. и многие другие.

Ведущие позиции в мировом японоведении принадлежали нашим японоведам-филологам, признанием чего явились награды правительства Японии, врученные Конраду Н.И. за "Очерки японской литературы", "Синтаксис японского национального литературного языка", "Японская литература. От "Кодзики" до "Токутоми"; Глускиной А.Е. - перевод трехтомной антологии "Манъёсю"; Григорьевой Т.П. и Логуновой В.В. - "Японская литература" и др.

Следует указать, что до начала 90-х гг. ситуация в ряде направлений советского японоведения во многом отражала положение в общественных науках в целом. Монополия одной идеологии, ограничения на свободный обмен мнениями, известный догматизм стали серьезным препятствием для дальнейшего развития японоведения, причиной сохранения в нем оценок и стереотипов весьма далеких от японских реалий. К их числу следует отнести тезисы о несправии и угнетенности широких народных масс, о ведущей исторической роли рабочего класса Японии, о всевластии монополистического капитала, о неразвитости японской демократии и диктатуре Либерально-демократической партии, о высоком уровне милитаризации Японии и др.

Существенным изъяном советского японоведения была чрезмерная политизация его некоторых секторов. Об этом, в частности, свидетельствует анализ тем кандидатских диссертаций по проблемам Японии, защищенных в 1970-1990 гг. Из 140 работ 112 (80%) - по истории (в основном по вопросам политики и международных отношений) и экономике, лишь 20% общего числа - по литературе, искусству, языку, философии. Среди докторских диссертаций

за весь послевоенный период было лишь одно исследование по философии и одно по искусствоведению⁸. В 1977г. из 81 известных советских японоведов 60% (49) были заняты проблемами политики, международных отношений и экономики⁹.

В 90-е гг. уже российское японоведение развивалось под воздействием противоречивых факторов. Неуверенные попытки демократизации научной жизни все же имели положительные результаты, в частности, в основном были преодолены вышеуказанные стереотипы, шел поиск новых форм и методов научной деятельности, расширялся круг исследуемых тем, перестраивалась работа коллективов. Позитивное влияние на ситуацию оказало расширение, особенно в начале 90-х гг., международных научных связей, обусловленное благоприятными переменами окончания холодной войны.

Особую роль в этом процессе играла позиция японской стороны. В частности, поддержка российского японоведения стала осуществляться на государственном уровне в рамках деятельности Японского фонда. В 1991 г. между Академией наук СССР (ныне Российская академия наук) и Японским фондом было заключено 5-летнее Соглашение о поддержке и развитии японоведческих исследований, пролонгированное на следующие 5 лет в 1997 г. На основании этого Соглашения был создан Центр по изучению современной Японии (ЦИСЯ), объединивший в себе три исследовательских японоведческих центра ведущих институтов РАН - Института Востоковедения РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН и Института Дальнего Востока РАН. При финансовой поддержке Японского Фонда ЦИСЯ осуществляет публикацию части своих исследований и ежеквартально издает журнал "Знакомьтесь - Япония". Залогом успешной работы ЦИСЯ во многом является и активная помощь со стороны Посольства Японии в РФ.

Однако переживаемый российским государством тяжелейший кризис не мог не сказаться негативно на работе коллективов ученых. Обострилась проблема кадров, высокую актуальность приобрела задача обеспечения преемственности поколений в японоведении, сохранения научных школ.

И все же, несмотря на трудности, все эти годы в японоведческих центрах продолжалась активная научная жизнь, обеспечивался высокий уровень исследований. По-прежнему в России изучением японской проблематики занимается значительное число научно-исследовательских и образовательных центров (учреждений), важнейшими из них являются: Центр японских исследований Института востоковедения РАН, Центр исследований Японии Института Дальнего Востока РАН, Центр тихоокеанских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, Санкт-Петербургское отделение Института востоковедения РАН, сектор исследований Японии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН (Владивосток), сектор международных проблем АТР и экономических проблем Японии Института экономических исследований ДО РАН (Хабаровск), а также Институт стран Азии и Африки при МГУ, Санкт-Петербургский университет, возрожденный в 1991 г. Восточный институт во Владивостоке, Московский государственный институт международных отношений, Сахалинский государственный университет. Ведущую роль среди них играют московские центры, координирующие свою деятельность в рамках Центра современных исследований Японии.

Центри японских исследований ИВ РАН занимается изучением политики, экономики, культуры, древней истории Японии. В последние годы в центре подготовлен ряд коллективных монографий, в том числе: "Япония: конец века. Последние тенденции трансформации" (1996г.), "Размышления о япон-

ской истории" (1996г.), "Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы" (1998г.), "Япония 90-х: кризис системы или временные сбои?" (1998г.).

Центр исследований Японии ИДВ РАН проводит исследования по вопросам внешней и военной политики, внутривластного положения Японии, роли страны в обеспечении безопасности и в процессах интеграции в АТР, по вопросам финансовой политики Японии. В центре в последние пять лет подготовлены следующие коллективные монографии: "Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации" (1994г.), "Эволюция политической системы Японии" (1995г.), "Опыт Японии в решении социально-экономических проблем" (1995г.), "Япония и проблемы безопасности в АТР" (1997г.), монография Хлынова В.Н. "Японские "секреты" управления персоналом" (1997г.); готовы к печати "Япония и региональная интеграция" (1999), "Комплексная безопасность Японии" (1999г.), монография Бунин В.Н. "Японо-американский союз безопасности: история и современность. (К сорокалетию истории создания)" (1999г.). Коллективом центра ежегодно издается сборник научных докладов под названием "Актуальные проблемы современной Японии".

В Центре тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН сделаны новые крупные шаги по углубленному изучению проблем экономики, внешней и внутренней политики Японии, ее взаимоотношения с США, Китаем, другими странами АТР. В последнее время центром выпущены такие ценные коллективные труды, как: "Япония: полвека обновления" (1995г.), "Япония: в поисках новых рубежей" (1998г.), "Япония: переворачивая страницы" (1998г.), "Япония и глобальные проблемы человечества" (1999г.).

К достижениям российского японоведения последних лет следует отнести создание Ассоциации российских японоведов (1993г.), общественной организации, объединившей около 500 специалистов по проблемам Японии. Ассоциация берет на себя оказание помощи японоведам старшего и молодого поколений, предоставление стипендий студентам, просветительскую деятельность, издает специализированный сборник "Японский опыт для российских реформ" (6 номеров в год).

В целом, сегодня российское японоведение, с его давней историей и глубокими традициями, переживает непростое время. Но не снижается, а скорее возрастает его роль в установлении взаимопонимания и налаживании стабильных добрососедских связей между двумя народами. Славная многовековая история российского востоковедения дает все основания утверждать, что японоведение как составная часть российской науки, в конечном итоге выдержит нелегкие испытания, получит дальнейшее развитие и внесет свой вклад в дело дальнейшего развития и углубления добрососедских и взаимовыгодных российско-японских отношений. В журнальной статье, понятно, физически невозможно дать полную оценку российскому японоведению, перечислить все заметные работы и просто упомянуть всех ученых-японоведов, завоевавших своим трудом мировую славу российскому японоведению и востоковедению в целом. Отдавая себе в этом отчет, авторы искренне поздравляют всех японоведов (как в России так и в странах СНГ) со славной юбилейной датой Российской Академии наук.

1. Полное собрание законов Российской империи. IV. № 1800.
2. Головин В.М. Записки Василия Михайловича Головина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах и жизнеописание автора. Спб., 1851. Чч. 1-3.

3. Гончаров И.В. Русские в Японии в конце 1853 и начале 1854 годов (Из путевых заметок). Спб., 1855.
4. Коростовец Н. Дневник секретаря Витте. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. № 1-3.
5. См: Библиография Японии. Литература, изданная в СССР на русском языке с 1917 по 1958 гг.: Издательство восточной литературы. М., 1960.
6. См: Тихвинский С.Л. Некоторые вопросы истории Японии в современной советской историографии // Вопросы истории, 1967. № 4. С. 143-156.
7. См: Тихвинский С.Л. Успехи советского японоведения // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 2. Сс. 32-35.
8. Подробнее см.: Anatoly V. Syomin. The Study of Japan in Russia // Nichibunken Newsletter/ Kyoto, 1996/. № 16. P. 4-6.
9. См. Миллибанд С.Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1977.

К 50-летию образования КНР

Отношениям с КНР - полвека

© 1999

Г.Карасин

Провозглашенная 1 октября 1949 года Китайская Народная Республика продолжает историю одной из древнейших в мире цивилизаций, которая насчитывает несколько тысяч лет и представлена сегодня самой многочисленной нацией планеты.

Дипломатические отношения между Москвой и Пекином были установлены 2 октября 1949 года буквально в считанные часы после создания нового Китая. Таким образом, 50-летие наших отношений практически совпадает с 50-летием КНР. Взаимосвязь этих дат символична, она подчеркнута поручением Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина Правительству России о подготовке программы мероприятий, посвященных обоим юбилеям.

За эти полвека Китай прошел сложный путь, на котором были спады и подъемы в экономике, периоды дружбы и конфронтации с соседями. Сегодня Китай значительно укрепил свои позиции. Многократно увеличился экономический потенциал страны, достигнуты успехи в социальной области, возросли международный авторитет и влияние КНР. Обстановка в стране стабильна, темпы развития экономики остаются высокими. Китай стремится строить добрые отношения со всеми странами мира в целях обеспечения экономического развития и продолжения крупномасштабных реформ.

Наиболее впечатляющие результаты достигнуты за последние 20 лет, когда политика реформ и открытости внешнему миру, направленная на формирование социально ориентированной рыночной экономики и интеграцию страны в мировое хозяйство, радикально преобразила Китай. В эти годы темпы развития - около 10% - были одними из самых высоких в мире, валовый внутренний продукт увеличился в 5 раз, а в расчете на душу населения - в 3,4 раза. Страна по абсолютным масштабам развития экономики вышла на седьмое место в мире. Сегодняшний Китай - мировой лидер по производству угля, цемента, хлопка и хлопчатобумажных тканей, зерновых, мяса и телевизоров, он находится на второй позиции по производству стали, электроэнергии и химических волокон.

По объему внешнеторгового оборота - 324 млрд.долл. - Китай вошел в первую десятку стран, его доля в мировой торговле возросла в 4 раза. Много

лет КНР удерживает второе место в мире после США по размерам ежегодных прямых иностранных инвестиций.

Набор этих статистических данных создает внушительное впечатление, не правда ли?

Социально-экономический прогресс сопровождался значительными сдвигами в общественной жизни, в самой атмосфере китайской внутренней политики. Заложено фундамент правового государства, возросла роль центральных и местных представительных органов, широко внедряется выборность органов власти, усилилась самостоятельность регионов.

Успехи в экономике, развитии социальной сферы в сочетании с шагами по адаптации политических механизмов позволяют добиваться высокого уровня общественной стабильности и поддержки населением курса руководства страны.

Конечно, - и это признают в Китае - страна все еще остается сравнительно бедной, особенно по абсолютным душевым экономическим и социальным показателям. КНР предстоит решать сложнейшие проблемы, связанные с жестким демографическим давлением, узостью ресурсной базы, деградацией окружающей среды, низкой эффективностью экономики, маркетизацией госсектора, финансов и социальной сферы, межрегиональными диспропорциями, разрывом в уровнях развития города и деревни, безработицей, преступностью, особенно коррупцией, и т.д. Но важно то, что в Китае отчетливо осознают все эти проблемы и стремятся принимать адекватные меры по их разрешению. С учетом накопленного за 20 лет реформ потенциала поставленная руководством страны цель к 2010 году удвоить ВВП по сравнению с 2000 годом, значительно повысить благосостояние народа, завершить формирование рыночной экономики представляется вполне реальной.

Предстоящий юбилей станет центральным событием внутренней жизни страны в текущем году. Он будет ознаменован возвращением в декабре 1999 года под китайский суверенитет Аомэня (Макао) - португальского колониального владения. Таким образом, с учетом состоявшегося в 1997 году возвращения Гонконга, завершится многолетний этап колониальной истории Китая.

За истекшие столетия отношения между нашими странами прошли непростой путь. В них было всякое - и то, чем мы можем по праву гордиться, и то, что сейчас невозможно вспоминать без огорчения и досады. Сегодня мы можем сказать: наши отношения выдержали испытание временем. Они вырастают на прочной основе глубинных интересов народов Китая и России.

Принципиально новый этап наступил десять лет назад. Наверное, закономерно, что его начало совпало с серьезными переменами ориентиров в обеих странах, переоценкой ценностей.

В результате последовательных целенаправленных усилий за эти годы создан и отработан уникальный механизм взаимодействия на всех уровнях, включающий регулярные, не реже одного раза в год, встречи глав государств и правительств, постоянные контакты министров иностранных дел. Плодотворно развиваются межпарламентские обмены, связи между регионами. Сейчас нет такой сферы общения, где бы у России с Китаем не было равноправного, доверительного диалога.

В 1996 году Россия и Китай согласились строить свои взаимоотношения на основе равноправного, доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке, основная цель которого - способствовать утверждению многополюсного, справедливого и рационального мироустройства, способного обеспечить мир, стабильность и безопасность на планете, развитие всех стран.

Совсем недавно нам удалось решить задачу исторической важности - осуществить пограничное урегулирование. Оно стало результатом непростых переговоров, длившихся с перерывами почти три с лишним десятилетия.

Российско-китайские соглашения по политическим, военным и пограничным вопросам¹ кардинальным образом укрепили безопасность наших стран, создали в районе их общей границы зону мира и стабильности.

Эти документы имеют большое военно-политическое значение и являются первыми такого рода в азиатско-тихоокеанском регионе. Их главное политическое содержание подтверждает отсутствие у Российской Федерации, Китая и других участников переговоров каких-либо агрессивных намерений в отношении друг друга, снятие опасений угрозы, которая может исходить от другой стороны, создание системы мер доверия, которая делает транспарентной любую военную деятельность в районе общей границы. Следует подчеркнуть, что партнерские отношения между нашими государствами не имеют характера военно-политического союза. Подобные союзы, как известно, предполагают наличие общего врага. Мы же себе врагов не ищем. Как это разнится с политикой некоторых стран, которые идут по пути расширения и укрепления военных блоков!

Россия и Китай тесно координируют усилия на международной арене, что в полной мере проявилось во время косовского кризиса. Как постоянные члены СБ ООН они выступают за новый, справедливый и демократический мировой порядок. В основе их взаимодействия на международной арене лежит понимание того, что новое мироустройство может и должно устанавливаться только совместными равноправными усилиями всех народов мира, что нет и не может быть деления наций и государств на тех, кто самочинно взялся осуществлять "руководство" и "лидерство" на планете, и тех, кого намереваются "осчастливить" таким образом.

Высокий уровень политических отношений между Россией и Китаем формирует благоприятные условия для сотрудничества во всех областях - в экономике, науке и технике, образовании, культуре и т.д. Для его развития заложена солидная правовая база, насчитывающая десятки межправительственных и межведомственных соглашений. Мощный импульс российско-китайским экономическим связям придало создание в декабре 1996 года механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая.

Перед нашими странами стоит задача существенного укрепления взаимодействия в экономике. Наши страны приступили к разработке серии крупных долгосрочных проектов в топливно-энергетической сфере, которые будут иметь важное значение для хозяйственного развития восточных регионов России и северо-восточных провинций КНР. Мы заинтересованы в сотрудничестве с Китаем и в поставках российской высокотехнологичной продукции, такой, как энергетическое оборудование и гражданская авиатехника, в передаче Китаю российских передовых технологий с целью организации совместных производств, работающих на рынки как России и КНР, так и третьих стран.

В Китае, как и в России, создается рыночная экономика. Строя экономические связи между двумя странами, мы не можем не исходить из рыночных принципов, предполагающих коммерческую взаимовыгодность сделок, равноправный подход к партнерам, строгое соблюдение законов и условий контрактов.

Для создания благоприятной рыночной среды товаропроизводителям двух стран также необходимо развивать рекламное и информационное обес-

печение, четкое взаимодействие банков, отлаженную систему арбитража и исполнения арбитражных решений и т.п.

Правомерно говорить, что новым явлением, характерным для XX века, и особенно второй его половины, стало превращение "межгосударственных" отношений, традиционно бывших прерогативой профессиональных политиков и дипломатов, в подлинно "международные", демократизация этих отношений. Российско-китайские связи - живой тому пример. Так, мероприятия, проводимые в нашей стране в честь юбилея КНР и 50-летия двусторонних отношений, охватывают не только государственные структуры, но и широкие круги общественности.

Здесь хотелось бы особо отметить роль созданного в ноябре 1997 года Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития. Среди его задач - содействие осуществлению разнообразных проектов двустороннего сотрудничества как по государственной, так и по общественной линиям, выявление узких мест и нахождение перспективных направлений взаимодействия.

Россия и Китай подходят к полувековому юбилею своих отношений с солидным багажом. Обе страны настроены на дальнейшее повышение уровня доверия и взаимопонимания, на более тесное сотрудничество в новом тысячелетии. Все предпосылки для этого налицо.

-
1. Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части (16 мая 1991 г.), Соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Западной части (3 сентября 1994 г.), Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы (26 апреля 1996 г.), Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы (24 апреля 1997 г.), Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о предотвращении опасной военной деятельности (12 июля 1994 г.), Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о взаимном ненацеливании стратегических ядерных ракет, находящихся под их соответствующим командованием (3 сентября 1994 г.) и ряд других.

Путь китайских реформ

© 1999

В.Портяков

В последней четверти XX столетия поистине глобальный характер приобрел переход от планово-распределительной экономики к экономике рыночной, затронувший подавляющее большинство стран, некогда сознательно или в силу исторических обстоятельств вставших на социалистический путь развития. В их число входит и самое многонаселенное государство мира - Китайская Народная Республика, важнейшие отличительные особенности реформ рыночного типа в которой обусловлены, во-первых, их проведением в условиях сохранившейся официальной приверженности социализму и, во-вторых, преобразованием хозяйственного механизма одновременно с решением задач индустриализации и модернизации страны.

Дореформенный период позволил Китаю накопить лишь крайне ограниченный опыт преобразований хозяйственного механизма, как правило, не выходящий за рамки перераспределения управленческих функций в пользу главенства либо центра и министерств, либо провинций. Хотя ставший точкой отсчета политики экономических реформ и внешнеэкономической открытости в Китае 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) и зафиксировал решимость приступить "к серьезной реформе системы экономического управления и методов хозяйствования", четких представлений о том, что именно надо делать и в каком направлении двигаться, в стране в тот период не было.

Непростое экономическое положение в начальный период преобразований, масштабность задач, недостаточная ясность направления и конечных ориентиров замышляемой трансформации, усугубляемая на первых порах очевидным "разномыслием" в высшем эшелоне китайского руководства, предопределили, вместе взятые, очень неровный ход трансформационного процесса в Китае, а также отчетливое тяготение к экспериментальной проверке основных реформаторских новаций, воплощенное в образном выражении "переходить реку, нащупывая камни", которое стало своего рода символом постепенности китайских реформ.

В то же время нельзя недооценивать и весомое теоретическое начало в преобразованиях хозяйственной системы в Китае, ту кропотливую фундаментальную работу, которая была проделана учеными-экономистами страны по расчистке идейно-теоретических завалов, нагроможденных многолетним засильем левачества, по осмыслению национальных особенностей Китая и поиску адекватных им целей, стратегии и тактики реформ, наконец, по анализу и освоению наработок мировой экономической науки.

В концепции экономической реформы и тесно корреспондирующей с ней практике преобразований в Китае достаточно четко выделяется ряд качественно различных этапов.

В период 1979-1983 гг. цель реформы виделась в дополнении остающегося абсолютно преобладающим планового регулирования экономики регулированием рыночным. Практика начального этапа преобразований вобрала в себя эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, создание специальных экономических зон, оживление индивидуального и коллективного укладов в народном хозяйстве, первые попытки внедрения рыночных принципов в ценообразование и сбыт продукции машиностроения и ненормируемых бытовых товаров. Наиболее крупным прорывом начального этапа преобразований стало во многом стихийное распространение семейного подряда в деревне, обусловившее скоротечный демонтаж просуществовавшей более двадцати лет системы сельских народных коммун.

В 1978 г. 180 млн. крестьянских дворов Китая были объединены в 52,7 тысяч коммун, подразделявшихся на 690 тысяч больших производственных бригад и 4,8 млн. производственных бригад. А к концу 1984 г. в стране осталось лишь 249 коммун, 7 тысяч больших производственных бригад и 128 тысяч производственных бригад, тогда как 97,9% крестьянских дворов перешли на подворный семейный подряд. В связи с этим обвально сократилась доля доходов, полученных крестьянами от коллективного хозяйства: с 66,3% в 1978 г. до 21,5% в 1982 г. и 11,6% в 1983 г.¹

В целом, однако, приоритетными для периода 1979-1983 гг. были задачи не реформы, а так называемого урегулирования народного хозяйства, состоявшего в выправлении наиболее острых структурных диспропорций в экономике страны и в приведении общих масштабов расширенного воспроизводства в соответствие с реальными ресурсными возможностями Китая.

Урегулирование 1979-1983 гг. позволило создать благоприятную макроэкономическую среду для ускорения реформ, сигналом к которому послужило Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы от 20 октября 1984 г. Провозглашенная в Постановлении задача создания системы *“социалистического планового товарного хозяйства”* в период 1984-1991 гг. играла роль официальной целевой модели экономической реформы в Китае.

Контуры *“социалистической хозяйственной системы нового типа”* впервые были четко обрисованы в Предложениях ЦК КПК о 7-ом пятилетнем плане экономического развития КНР на 1986-1990 гг. Речь шла о таких трех тесно взаимосвязанных аспектах, как, во-первых, усиление жизнеспособности крупных и средних государственных предприятий, превращение их в самостоятельно хозяйствующих, самостоятельно отвечающих за прибыли и убытки социалистических товаропроизводителей; во-вторых, развитие социалистического товарного рынка, постепенное формирование системы рынков средств производства, капиталов и т.д.; в-третьих, переход от прямого контроля государства за низовыми экономическими агентами к главным образом косвенному, создание системы социалистического макроэкономического управления.

В период 1984-1988 гг. в Китае была предпринята попытка форсированного проведения реформ в планировании, материально-техническом снабжении, системе закупок зерна, ценообразовании. Хотя не все задуманное удалось осуществить в полной мере (так, реформу ценообразования пришлось притормаживать дважды - в 1985 и 1988 гг.), тем не менее был фактически найден небеспроблемный, но вполне реальный путь перехода от старой хозяйственной системы к новой, состоящий в так называемой *“двухколейности”*, которая представляет собой достаточно длительное сосуществование двух гетерогенных хозяйственных систем: демонтируемой планово-распределительной и нарождающейся рыночной, осторожное, дозированное увеличение доли

рынка и параллельное свертывание сегмента экономики, регулируемого главным образом директивным планом с сопутствующей этому процессу заменой централизованного распределения материальных ресурсов их приобретением на формирующемся рынке средств производства. Широко понимаемая двухколейность включает в себя и заметное сокращение доли государственного сектора при увеличении доли экономики других форм собственности, сосуществование регулируемых государственных цен и постепенно занимающих доминирующие позиции свободных цен.

К 1988 г. доля сельхозпродукции, реализуемой по твердым государственным ценам, составила 24%, по направляющим (индикативным) государственным ценам — 19%, а доля продукции, реализуемой по рыночным ценам, достигла 57%. В общественном розничном товарообороте доля реализации по твердым государственным ценам составила 29, по направляющим — 22 и по рыночным ценам — 49%. В обороте средств производства и сфере услуг доля твердых государственных цен снизилась до 50% (В 1978 г. по твердым государственным ценам было реализовано 100% средств производства, 97% розничного товарооборота и 92,2% закупок сельхозпродукции²).

Серьезным побочным эффектом функционирования “двухколейного” хозяйственного механизма явилось нарастание разрыва между совокупным общественным спросом и предложением, породившее потребительский ажиотаж и всплеск инфляции. Политика “оздоровления и упорядочения экономики”, проводившаяся в Китае в 1989-1991 гг. и направленная на борьбу с “перегревом” народного хозяйства, ознаменовалась попытками части китайского руководства реанимировать приоритетную роль директивного планирования и ограничить регулируемую роль рынка только микроуровнем экономики.

Однако крушение социализма в Восточной Европе и распад Советского Союза, ставшие прямым вызовом общественно-политическим устоям Китая, ускорили окончательный выбор страны в пользу реформ рыночного типа.

В 1992 г. выдвигается, а в 1993 г. концептуально формулируется программа создания в стране в течение нескольких десятилетий системы “социалистической рыночной экономики”, означающей прежде всего признание за рынком базовой роли в распределении общественных ресурсов под макроконтролем государства.

Окончательный поворот к рынку прямо способствовал существенному наращиванию в период 1992-1997 гг. масштабов внешнеэкономической открытости Китая и росту объемов привлеченных страной прямых иностранных инвестиций (196,8 млрд.долл. из 220,1 млрд.долл., привлеченных Китаем за весь период 1979-1997 гг.³). Была проведена достаточно радикальная реформа налоговой и банковской систем, системы валютного регулирования. Активизировалось создание рынков ценных бумаг, недвижимости, рабочей силы. Намечены принципиальные пути реформирования государственных предприятий и системы социального обеспечения в стране.

За два десятилетия реформ Китай заметно продвинулся вперед на всех направлениях преобразований.

Кардинально изменилась структура народного хозяйства по формам собственности. На смену моноукладной экономике в предреформенный период, представленной государственным сектором в городе и коллективным - в деревне, пришла по-настоящему многоукладная экономика. В 1997 г. доля индивидуального и частного сектора в валовой продукции промышленности достигла 16%. Доля предприятий с иностранными инвестициями в объеме реализованной промышленной продукции в 1996г. составила 18,7 и 41% в экспорте

(1997 г.). Доля госсектора в ВВП страны (с учетом государственного пая в акционерных компаниях) не превышает в настоящее время 40%⁴. (См. таблицу 1)

Таблица 1.

Структура ВВП Китая в 90-е годы
(в разбивке на государственный сектор и негосударственные уклады, %)

	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Государственный сектор, всего	44,32	45,13	43,09	38,71	36,98
В том числе:					
Первое подразделение общественного производства	0,67	0,58	0,59	0,59	0,56
Второе подразделение	23,35	24,96	19,57	16,16	14,64
Третье подразделение	20,30	19,59	22,93	21,97	21,78
Негосударственные уклады, всего	55,68	54,86	56,91	61,29	63,02
В том числе:					
Первое подразделение	23,24	20,61	20,38	19,99	19,68
Второе подразделение	24,84	26,80	27,66	32,20	34,36
Третье подразделение общественного производства	7,60	7,45	8,86	9,09	8,97

Источник: Чжунго цзинцзи ды “жуань чжаолу” — Вого хунгуань дяокун цзинъянь ды чубу цзунцзе (“Мягкая посадка” китайской экономики — первичное обобщение опыта макрорегулирования в нашей стране). — Шанхай, 1998, с. 266.

Важно подчеркнуть, что в период реформ государственный сектор КНР неуклонно рос количественно, причем достаточно высокими по общемировым критериям темпами. Кроме 1981 г., “застойными” можно считать только 1989—1990 гг. с приростом производства в государственной промышленности в 3,9 и 3%. Во все остальные годы прирост здесь регулярно превышал 5%, а четырежды — 12%⁵.

Существенную трансформацию претерпел микроуровень экономики. Во многом изменилось само содержание понятия “низовые экономические агенты”, расширившееся за счет появления хозяйственных субъектов не-обобществленных форм собственности и новых видов экономической деятельности (операции с недвижимостью, ценными бумагами и т.п.), возникновения многочисленного отряда управленцев-менеджеров (в китайском варианте - хозяйствующие лица - “цзинъинцзя”) и предпринимателей (“циецзя”). По мере укрепления и расширения рыночных начал в народном хозяйстве страны эволюционировали и конкретные цели реформы на уровне предприятий: на смену задаче расширения их прав пришла задача преобразования предприятий в полноценных социалистических товаропроизводителей, самостоятельно отвечающих за прибыли и убытки, а в дальнейшем — в современные предприятия, организационно представляющие собой компании различных типов, способные нормально функционировать в конкурентной рыночной среде.

Расширение хозяйственной самостоятельности предприятий в 80-е годы нашло воплощение главным образом в увеличении доли оставленной предприятиям прибыли, самостоятельном принятии решений по вопросам производства. В 1992 г. предприятия были официально наделены 14 видами хозяйственных прав, из которых, как показало обследование Всемирного банка в середине 90-х годов, высшестоящими властями наиболее удовлетворительно соблюдались права на самостоятельную покупку средств производства,

производственные решения и сбыт продукции (94—97% обследованных предприятий), несколько хуже — права на установление цен, распоряжение собственными доходами, определение организационной структуры предприятия (73—78%) и наименее удовлетворительно — права на отказ от дополнительных платежей сверх установленных правительством (как правило, сборы на местные нужды — 21%), на распоряжение имуществом (37%) и на ведение экспортно-импортных операций (39%)⁶.

В условиях проведения во второй половине 90-х годов различных экспериментов по созданию системы современных предприятий особое значение приобрело надлежщее использование предприятиями прав по управлению персоналом, распоряжению имуществом, определению собственной организационной структуры, на объединение с другими хозяйственными субъектами. В частности, эти права самым активным образом используются в эксперименте по “оптимизации структуры капитала”, в ходе проведения которого в 18 городах страны в 1996 г. было осуществлено банкротство 1099 и слияние 1192 предприятий, высвобождено 1,23 млн. человек (с 1997 г. эксперимент расширен на 111 городов Китая)⁷.

Значительно более диверсифицированный характер обрела структура доходов и расходов экономически активного населения страны. Так, в 1995 г. около 5% базовых доходов крестьян составили поступления от “трансферта и использования имущества”, то есть от возмездной передачи права пользования подрядной землей. В чистом доходе крестьян абсолютно преобладали доходы от семейного хозяйствования (1125 юаней из 1577, или свыше 71%), в том числе доходы от растениеводства составили в среднем 775 юаней (около 50%), от животноводства 111 юаней (7%). Доходы, полученные в качестве оплаты за труд в различных предприятиях и организациях, составили 353 юаня (свыше 22%), в том числе доходы от работы в коллективных организациях — 68,7 юаня (4,3%)⁸.

В качестве одного из центральных звеньев реформы в Китае выступает *постепенное создание целостной системы рынка*. В 80-е годы наибольшее внимание уделялось “взрачиванию” рынков предметов потребления и средств производства. В 90-е годы сформировалась разветвленная сеть общегосударственных оптовых рынков средств производства (в том числе 13 комплексных, 10 — стального проката и цветных металлов, 9 — стройматериалов и т.д.). Бурное развитие получил рынок ценных бумаг: объем торговли акциями на двух китайских биржах ценных бумаг — в Шанхае и Шэньчжэне — превысил 2 трлн. юаней в 1996 г. и 3 трлн. в 1997 г. по сравнению с всего 4,3 млрд. юаней в 1991 г.⁹ Быстро росший в первой половине 90-х годов рынок недвижимости (объем операций здесь с 22 млрд. юаней в 1990 г. вырос до 173 млрд. юаней в 1995 г.¹⁰) первым ощутил на себе сдерживающее воздействие спросовых ограничений. После двух лет стагнации новая попытка оживить рынок недвижимости была предпринята в Китае в 1998 г.

Важные реформы проведены в системе макроэкономического регулирования.

Доля промышленного производства в рамках директивного планирования сократилась до 12% в 1992 г. и до 4% в 1997 г. По подавляющему большинству видов продукции директивный план был заменен госзаказом. Изменилось и содержание годовых государственных планов. Главное место в них ныне занимают не натуральные показатели, как раньше, а макроэкономические — прирост ВВП, денежной массы, уровень роста цен и т.п.

Перечень товаров и услуг, цены на которые устанавливаются государством, с начала 1994 г. составляет всего 33 позиции (централизованно распределяемые энергоресурсы, тарифы на транспорт и т.п.).

В 1996 г. по рыночным ценам было реализовано 92,5% общественного розничного товарооборота, тогда как по государственным ценам — лишь 7,5% (6,3 по твердым и 1,2% по индикативным). В реализации средств производства доли рыночных, твердых и индикативных государственных цен составили соответственно 81,1, 14 и 4,9%, а в закупках сельхозпродукции — 79, 16,9 и 4,1%¹¹. Рыночный механизм ценообразования на подавляющее большинство товаров и услуг закреплен в Законе КНР о ценах, вступившем в силу с 1 мая 1998 г.

Наряду с налогами, все более активно используется в Китае такой классический инструмент регулирования рыночной экономики, как политика учетной ставки по депозитам и кредитам. Ее уровень в 1993 г. дважды повышался в целях противодействия инфляции, а со второй половины 1996 г. неоднократно снижался для стимулирования экономической активности.

Среди преобразований во внешнеэкономическом комплексе Китая выделяется создание специальных экономических зон, сыгравших важную роль в накоплении опыта взаимодействия с мировым хозяйством, так и в экспериментальной проверке множества реформаторских новаций, как правило, распространявшихся в последующем на всю страну.

В середине 90-х годов в повестку дня встали задачи освобождения государственных предприятий от непомерного бремени выплат социального характера (расходы на пенсии, медицинское обслуживание и жилье для работников), унификации системы социального обеспечения в городах страны и ее приведения в соответствие с рыночными принципами функционирования экономики.

Проведение реформы системы социального обеспечения не в последнюю очередь продиктовано и быстрым ростом числа лиц пенсионного возраста. Ожидается, что в 2000 г. в целом по Китаю количество граждан, достигших 60-летнего возраста, превысит 128 млн. человек, а к 2030 г. составит 340 млн. человек. В городах отношение числа пенсионеров к числу работающих с 3,31% в 1978 г. возросло до 21,63% в 1996 г. (общее количество пенсионеров превысило 32 млн. человек), а общая сумма выплат на социальное обеспечение выросла за этот период с 7,8 млрд. юаней до 272,5 млрд. юаней (при росте пенсионных выплат в госсекторе с 1,6 до 128,5 млрд. юаней)¹².

Возрастающую часть расходов социального характера отныне предполагается покрывать за счет средств самого населения. В частности, с 1997 г. вводится унифицированная система личных накопительных пенсионных счетов, отчисления в которые самого работника постепенно вырастут с 4 до 8% его заработной платы. Введены также платежи в фонды медицинского обслуживания и страхования по безработице.

Сам ход экономической реформы в Китае постепенно выявил довольно заметное опосредующее *воздействие* на этот процесс *исторически сформировавшихся общественных традиций*. Это воздействие наглядно проявилось в тяготении как реформаторов, так и реформируемого общества к постепенно-поступательным темпам внедрения рыночных принципов, не создающим угрозы серьезной социально-политической дестабилизации, в стремлении жестко контролировать на макроуровне функционирование рынка и подчинить его реализации считающихся более высокими целей — модернизации страны, процветанию китайской нации, преодолению отставания Китая от развитых стран и т.п.

Многоплановое взаимодействие экономической реформы и экономического роста в Китае особенно заметно проявилось, во-первых, в ускорении темпов реформы при возникновении благоприятной макроэкономической среды (например, в период 1984-1988 гг., 1992-1994 гг.) и, во-вторых, в прямом влиянии реформенного процесса на формирование кратко- и среднесрочных циклов экономического развития страны в последние 20 лет. По сути дела, и сама по себе сформировавшаяся в 80-е — 90-е годы современная модель развития Китая явилась в определяющей степени продуктом взаимодействия градуалистской по тактике, но достаточно радикальной по содержанию реформы хозяйственной системы и преимущественно экстенсивного экспортно-ориентированного типа экономического роста.

В обобщенном виде ведущие качественные характеристики данной модели состоят в следующем:

— Высокая динамика экономического роста, вытекающая из задачи модернизации страны и преодоления в сжатые сроки ее исторически сложившегося отставания от развитых государств мира и соседей из региона Восточной Азии по уровню развития производительных сил, социальным и научно-техническим параметрам.

— Преимущественно экстенсивный, ресурсозатратный капиталоемкий тип экономического роста, ставящий экономическое развитие в целом в жесткую зависимость от поддержания высокой нормы накопления и обуславливающей низкую по международным критериям эффективность экономики.

— Аномальная цикличность развития с чередованием фаз быстрого роста и последующего “урегулирования” при общей тенденции предпочтения высоких темпов роста структурной сбалансированности.

— Целостный структурный набор отраслей народного хозяйства при объективно высокой доле трудоемких и инфраструктурных отраслей.

— Ярко выраженный неравномерный, несбалансированный характер развития в отраслевом и территориальном разрезе, обусловивший заметный региональный, межотраслевой и внутриотраслевой разрыв в достигнутом уровне модернизации.

— Сохраняющееся противоречие между среднестатистическими и абсолютными экономическими показателями страны, затрудняющее однозначную оценку достижений и перспектив экономического развития Китая.

— Растущее взаимодействие национальной экономики с мировым хозяйством, остающееся в то же время далеко не всеохватывающим и регулируемым.

— Все более чувствительные ресурсные, экологические, спросовые ограничения экономического развития, диктующие необходимость перехода к интенсивному типу экономического роста, заметного повышения доли наукоемкой, ресурсосберегающей продукции, более гибкой и маневренной структурной политики.

— Нахождение примерно в срединной точке рассчитанного на несколько десятилетий перехода от командно-административной системы хозяйствования к рыночной.

— В целом постепенный, градуалистский характер перехода к главенству рыночных принципов хозяйствования, соотнесение темпов рыночных преобразований с общей социалистической ориентацией общественного развития страны и ее традициями.

— Формирование многоукладной структуры экономики по формам собственности, незавершенность реформы отношений собственности.

— Постепенно растущая степень маркетизации экономики, активный процесс формирования — вслед за рынком потребительских товаров и средств производства — рынков ценных бумаг, научно-технических достижений, недвижимости, отчасти — рынков информации и рабочей силы.

— Поддержание сильной макрорегулирующей роли государства при заметной трансформации его экономических функций, падении роли в перераспределительных процессах и переходе от прямых административных к косвенным экономическим методам регулирования народного хозяйства.

— Противоречивый характер социальной политики, порождаемый попытками совместить социалистические представления о социальной справедливости с постепенным приведением социальной сферы в соответствие с рыночными принципами функционирования экономики.

— Сохранение ограничительного воздействия политической системы на ареал распространения и динамику развития рыночных процессов.

В международном плане модель социально-экономического развития Китая в 80—90-х годах во многом напоминает модель развития восточноазиатских стран, прежде всего Тайваня и Южной Кореи периода 70-х — 80-х годов, отличаясь в то же время очевидной самобытностью в силу многонаселенности и общих масштабов экономики, специфики экономического наследия в виде предварившего перенос акцента на трудоемкие отрасли почти тридцатилетнего курса на преимущественное развитие производства средств производства, принципиально более важной роли внутреннего рынка и внутренних источников развития. “Китайская модель” по своим базовым параметрам, безусловно, является моделью “догоняющего развития”, когда целевыми ориентирами экономического роста и социального прогресса выступает достижение в исторически сжатые сроки того или иного уровня развития техники и технологии, абсолютного и среднедушевого производства валового национального продукта, объема доходов и структуры потребления населения, уже достигнутых другими странами. Вместе с тем сохранение Китаем собственной системы ценностных ориентаций, и прежде всего дополнение задачи модернизации производительных сил задачей строительства высокоразвитой духовной культуры выгодно отличает Китай от многих других стран, также вставших на путь рыночной трансформации.

Наиболее сильными сторонами модели социально-экономического развития Китая стали ее ориентация на стратегические, долгосрочные цели развития, способность решать крупномасштабные проблемы, достаточно высокая степень учета объективных условий страны, умелое использование ее сравнительных преимуществ в факторах роста, неплохая адаптируемость к изменению внутренних и внешних условий функционирования.

К числу недостатков данной модели следует отнести крен к односторонней погоне за темпами роста экономики в ущерб сбалансированности, слабую опору на научно-технический прогресс в экономическом росте, половинчатость многократных попыток совершенствования структуры народного хозяйства, порождаемую незавершенностью перехода к рынку, гетерогенность, противоречивость экономической системы. Хотя реально сложившаяся в 80-е — 90-е годы модель социально-экономического развития Китая далека от оптимальной, тем не менее по многим общепризнанным в мире критериям ее следует признать достаточно результативной. (См. таблицу 2).

Таблица 2.

Динамика экономического развития Китая до и после реформы

Наименование	1952 г.	1978 г.	1997 г.	1978/1952 гг.		1997/1978 гг.	
				Рост, %	Ср. год. прирост, %	Рост, %	Ср. год. прирост, %
Валовой внутренний продукт, млрд.ю.	67,90	362,40	7477,20	466,20	6,10	592,00	9,80
Экспорт, млрд.долл.	0,82	9,75	182,70	1189,00	10,00	1873,80	16,70
Импорт, млрд.долл.	1,12	10,89	142,36	972,30	9,10	1307,20	14,50
Финансовые доходы государства, млрд.ю.	18,40	113,20	865,10	616,40	7,20	764,00	11,30
Финансовые расходы государства, млрд.ю.	17,6	112,20	923,40	637,60	7,40	822,90	11,70
Валовая продукция сельского хозяйства, млрд.ю.	46,10	139,70	2458,80	199,80	2,70	335,10	6,60
Валовая продукция промышленности, млрд.ю.	34,90	423,70	11373,30	1659,00	11,40	1398,40	14,90
Производство энергоносителей, млн.т у.т.	48,70	627,70	1319,90	1288,60	10,30	210,30	4,00
Общественный розничный товарооборот, млрд.ю.	26,30	126,50	2729,90	369,10	5,40	566,80	9,60
Доходы крестьянских семей, юаней/чел.	57,00	134,00	2090,00	235,00	3,30	437,40	8,10
Потребление населения страны, юаней/чел.	76,00	184,00	2936,00	177,00	2,20	374,50	7,20
Сбережения населения, млрд.ю.	0,86	21,06	4627,98	2448,80	13,10	21975,20	32,80

Источник: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1998. Пекин, 1998, с. 857.

Примечание. Относительные показатели роста ВВП, валовой продукции сельского хозяйства, промышленности, розничного товарооборота рассчитаны в сопоставимых ценах. Остальные стоимостные показатели приведены в текущих ценах.

По объему валового внутреннего продукта, исчисленному по методу паритета покупательной способности национальных валют, Китай в 1995 г. занял второе место в мире вслед за США (3500 и 7247 млрд.долл. соответственно), опередив Россию (796 млрд.долл.) в 4,4 раза. В 90-е годы Китай также вышел на второе место в мире по привлечению прямых иностранных инвестиций, на 10-е — по внешнеторговому обороту по сравнению с 32-м в дореформенном 1978 г., а его доля в мировом экспорте увеличилась с менее 1% до 2,9%.

В то же время, в деле реформирования экономической системы Китая преодолел далеко не все препоны, решил отнюдь не все проблемы.

Серьезное беспокойство в контексте азиатского финансового кризиса вызывает состояние банковского сектора. На конец 1996 г. доля собственных капиталов в активах ведущих банков страны составляла всего 3% при международно признанном нормативе в 8%. Стремительно нарастает безработица, уже в 1997—1998 гг. выдвинувшаяся на позиции главного дестабилизирующего социального фактора в Китае. Обе эти и многие другие проблемы в экономике страны в решающей степени обусловлены неудовлетворительным функционированием государственных предприятий (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Некоторые показатели функционирования государственных промышленных предприятий в период реформ

Годы	Убытки, млрд.ю.	Прибыль, млрд.ю.	Соотношение убытков и прибыли	Прибыль и налоги, млрд.ю.	Соотношение убытков и суммы прибыли и налогов
1981	4,596	57,97	1:12,6	92,33	1:20,1
1982	4,757	59,77	1:12,6	97,23	1:20,4
1983	3,211	64,09	1:20,0	103,28	1:32,6
1984	2,661	70,62	1:26,5	115,28	1:43,3
1985	3,244	73,82	1:22,7	133,41	1:41,1
1986	5,449	68,99	1:12,7	134,14	1:24,6
1987	6,104	78,70	1:12,9	151,41	1:24,8
1988	8,192	89,19	1:10,1	177,49	1:21,7
1989	18,019	74,30	1:4,1	177,31	1:9,8
1990	34,880	38,81	1:1,1	150,31	1:4,3
1991	36,700	40,22	1:1,1	166,12	1:4,5
1992	36,927	53,51	1:1,4	194,41	1:5,3
1993	45,264	81,73	1:1,8	245,41	1:5,4
1994	48,259	82,90	1:1,7	287,63	1:6,0
1995	54,061	66,56	1:1,01	287,42	1:4,49
1996	79,068	41,26	1:0,52	273,71	1:3,46
1997	74,444	45,09	1:0,6	288,25	1:3,87

Источник: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1998 (Экономический ежегодник Китая 1998). Пекин, 1998, с. 807.

Главная задача, стоящая перед страной в обозримой перспективе, заключается в завершении двух начатых стратегических поворотов: от в основном экстенсивного к преимущественно интенсивному типу экономического роста и от планово-распределительной системы управления народным хозяйством к главенству рыночных принципов распределения общественных ресурсов. По китайским оценкам, экономика страны в настоящее время "маркетизирована" примерно на две трети. В ближайшей и среднесрочной перспективе главными объектами реформы будут выступать наиболее явно отстающие от общего уровня маркетизации сегменты народного хозяйства: крупные и средние государственные предприятия, банковская система, система социального обеспечения, рынок труда. Следует ожидать и активизации преобразований в сфере собственности, перемещения рынка ценных бумаг (прежде всего рынков акций и облигаций государственного займа) на центральные позиции в экономической жизни страны. Вместе с тем вопрос о темпах преобразований остается открытым. Китай вступил в полосу социально болезненных реформ, и каждый шаг здесь отныне будет сопровождаться крупными социальными издержками. Задача поддержания приемлемого баланса между реформами, развитием и социально-политической стабильностью становится на ближайшие годы особенно актуальной для КНР.

Заключая вышеизложенное, можно констатировать, что экономическая реформа в Китае — при всей справедливости частых ссылок на специфику страны — представляет собой неотъемлемую составную часть общемирового процесса рыночной трансформации. Китайский вариант преобразований оказался в определенной мере альтернативным "шоковой терапии", апробиро-

ванной в России и ряде стран Восточной Европы. Не идеализируя результаты реформ в Китае, отметим вместе с тем, что должный учет — в концептуально-философском плане — плюсов и минусов китайского варианта перехода к рынку еще может многое в последующих российских реформах сделать более результативным для экономики России и менее болезненным для ее граждан.

1. Чжунго тунци няньцзянь 1981. Пекин, 1981. С. 131; Чжунго цзинци няньцзянь 1985. Пекин, 1985. С. III—13; Чжунго тунци няньцзянь 1986. Пекин, 1986. С. 673.
2. 20 нянь цзинци гайгэ: хуйгу юй чжаньван (20 лет экономической реформы: ретроспектива и перспективы. Под редакцией Чжан Чжоюаня, Хуан Фаньчжана, Ли Гуаньяня). Пекин, 1998. С. 113.
3. См.: Чжунго тунци чжайяо 1998. Пекин, 1998. С. 138.
4. Подробнее см.: Портяков В.Я. Реформа отношений собственности в КНР. // Проблемы Дальнего Востока. Москва, 1998. № 6. С. 52—67.
5. См.: Чжунго тунци чжайяо 1998. С. 99.
6. См.: China Embraces the Market. Canberra, 1997. P. 350.
7. 1998 нянь Чжунго шэхуй синши фэньси юй юйцэ (Китай в 1998 г.: анализ и прогноз социальной обстановки). Пекин, 1998. С. 31.
8. Данные и расчет по: Чжунго тунци няньцзянь 1996. Пекин, 1996. С. 301.
9. Подробнее см.: Портяков В.Я. Рынок акций. в Китае. // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 55-67.
10. Лю Пэйцюн. Чжунго цзинци да цюйши (Мегатенденции китайской экономики). Сянган, 1997. С. 109.
11. 20 нянь цзинци гайгэ: хуйгу юй чжаньван. С. 211.
12. См.: Fan Gang, David O'Connor, Maria Rosa Lunati. Labour Market Aspects of State Enterprise Reform in China — National Economic Research Institute, China Reform Foundation. Peking. Working Paper Series. № 1998—02.

Посланник дружбы

(По страницам книги Гао Мана "Повесть об Архипове")

Иван Васильевич Архипов.

Фото из семейного архива, любезно предоставленное Архиповой Е.Д.

Книга известного китайского писателя, знатока русского языка и литературы Гао Мана основана на материалах долгих бесед автора с И.В.Архиповым и его женой Екатериной Дмитриевной, с многочисленными советскими и китайскими специалистами, которые работали вместе с ним в Китае, с переводчиками, через которых Иван Васильевич общался с широким кругом людей - рабочими, техниками, инженерами, директорами предприятий и руководителями партии и правительства Китая. Автором были использованы также различные письменные свидетельства.

"Повесть об Архипове" вышла в Китае в конце 1996 г. (в Хэбэйском издательстве для детей и юношества). Наши коллеги-китаисты О.Васьков, К.Крючкова, В.Ульянов, работавшие вместе с Иваном Васильевичем в 50-х гг. в КНР, перевели "Повесть" на русский язык. Иван Васильевич с большим интересом прочитал рукопись перевода. Произошло это за несколько месяцев до его кончины 28 февраля 1998 г.

В память об Иване Васильевиче Архипове и его славных делах на благо дружбы и сотрудничества России и Китая, ставших яркой страницей полувекковой истории КНР, ниже публикуются отрывки и краткое изложение отдельных фрагментов из этого перевода.

* * *

"В начальный период образования нового Китая, - пишет во введении автор, - советский народ и советское правительство оказали нашей стране огромную помощь в восстановлении народного хозяйства и строительстве социализма... В те времена Архипов, будучи главным экономическим советником нашего правительства, все свои помыслы, свое сердце отдавал делу строительства нашего государства".

После возвращения в 1958 г. на Родину "Архипов занимал важные посты в советском правительстве. Сталкиваясь с реальностью ухудшения отношений между двумя странами, Архипов, тем не менее, сохраняя трезвость ума, все время неизменно верил в то, что народы должны жить в атмосфере дружбы, что между Китаем и Советским Союзом отношения должны складываться на основе добрососедства, и ради этого он неустанно трудился в течение длительного времени".

С огромной радостью и удовлетворением воспринял И.В.Архипов полную нормализацию отношений между СССР и КНР в 1989 г. Он внес свой вклад в восстановление добрососедских отношений нашей страны с Китаем.

* * *

В результате советско-китайских переговоров 14 февраля 1950 г. был подписан исторический документ - "Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи". Договор и соглашения предусматривали широкое экономическое сотрудничество двух стран, а также содействие Советского Союза в восстановлении и развитии экономики КНР. В ходе переговоров И.В.Архипов, как опытный специалист в области экономики и управления народным хозяйством (в это время он был зам. наркома цветной металлургии) участвовал совместно с руководителями и членами китайской правительственной делегации (председателем Финансово-экономического комитета правительства КНР Чэнь Юнем и его заместителем Ли Фучунем) в разработке программы советско-китайского экономического сотрудничества. Это обстоятельство во многом предрешило дальнейшую судьбу Ивана Васильевича.

Еще в январе того же года состоялся знаменательный разговор секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова с Архиповым. "Товарищ Архипов, - обратился секретарь ЦК к собеседнику, - товарищ Мао Цзэдун выразил надежду на то, что мы направим группу специалистов в Китай, чтобы помочь китайским товарищам восстановить производство и развивать экономику. Политбюро ЦК партии на своем заседании специально изучило просьбу китайских товарищей. Товарищ Сталин надеется, что Вы сможете взять на себя выполнение этой задачи, станете главным ответственным лицом в группе советских специалистов в Китае.

Пожалуйста, подумайте. Нам еще нужно получить согласие китайских товарищей, и тогда будет вынесено окончательное решение".

Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай одобрили кандидатуру И.В.Архипова и решение было принято. Правительство КНР назначило Ивана Васильевича своим главным экономическим советником.

Приехав в феврале 1950 г. в Пекин Архипов прежде всего встретился с премьером Чжоу Эньлаем и Чэнь Юнем, ведавшим финансами и экономикой. Затем он начал обдумывать, как организовать работу специалистов. В тот период в Пекине работало примерно сто советских специалистов, другая группа была сосредоточена на северо-востоке страны. Некоторых специалистов Иван Васильевич знал уже на Родине, но с большинством еще не встречался. Эти специалисты приехали в Китай раньше него. В СССР они были кадровыми работниками уровня начальника управления или заместителя министра, были рекомендованы министерствами.

21-23 марта 1950 г. в Пекине главный экономический советник провел рабочее совещание специалистов.

"Неотложной задачей в то время являлось восстановление производства, а ключевым вопросом в восстановлении производства - знание текущей

ситуации в различных районах Китая. Это должно было найти отражение в статистических данных, однако в тот период статистика в молодой республике находилась почти на нуле.

Поэтому в начале совещания Архипов прежде всего попросил ответственного за статистику Ежова познакомить с положением по данному вопросу. В СССР Ежов был заместителем начальника статистического управления и имел богатый опыт работы. Он отметил, что в настоящее время китайские товарищи уже стали понимать важность статистических данных, и начали готовить соответствующие кадры. Они организовали для этого специальные учебные курсы и наши специалисты читают там лекции". В заключение Ежов подтвердил: "Статистика - это в настоящее время самая важная работа.

Затем были заслушаны отчеты советника министерства финансов Кутузова (в СССР он был заместителем министра финансов РСФСР), советника-плановика Федотова (заместителя председателя Госплана СССР), руководителя группы специалистов-металлургов Победоносцева (министерство черной металлургии УССР), руководителя группы специалистов-угольщиков Стугарева (заместителя министра угольной промышленности СССР), специалиста по банковскому делу Коровушкина (заместителя управляющего Государственным банком СССР), руководителя северо-восточной группы специалистов Никонова (Госплан СССР), специалиста по ирригации Букова, специалиста-медика Харитоновича и других. Каждый из них познакомил со своей работой. Всем было ясно, что проблемы, требующие решения, и для советских специалистов были не из легких.

Заслушав выступления специалистов, Иван Васильевич сказал: "Проблем очень много и нужно решать их одну за другой. У китайских товарищей в этом деле не хватает опыта, недостаточно квалифицированных работников, поэтому и пригласили нас для оказания помощи. Мы приехали в Китай чтобы работать не за страх, а за совесть, чтобы со всей искренностью помогать китайскому народу... При этом каждый из нас на своем посту каждый раз, прежде чем предложить свои рекомендации, обязательно должен провести тщательное изучение и исследование, выяснить фактическое положение дел. Ни в коем случае нельзя решать вопросы с ходу, без тщательной подготовки, делать поспешные выводы. Наша работа не позволяет нам допускать ошибки".

Совещание акцентировало внимание специалистов на восстановлении и развитии главных предприятий важнейших отраслей промышленности. Так, руководитель северо-восточной группы специалистов Никонов, рассказывая о положении на Аньшаньском металлургическом комбинате, выразил крайнюю озабоченность: "АМК - это самое крупное металлургическое предприятие Китая. В настоящее время оборудование устарело, к тому же сильно разрушено необходима серьезная реконструкция. Чем раньше будет восстановлен АМК, тем быстрее увеличится мощь Китая, и на это нужно обратить самое серьезное внимание. К сожалению, в настоящее время АМК находится на грани остановки работы, и не потому, что не хватает сырья (высококачественная железная руда совсем рядом), а потому, что не хватает оборудования".

Слушая его выступление, главный экономический советник почувствовал, что ситуация действительно требует срочного решения. Он понимал, что необходимо побывать на АМК и на месте изучить вопрос. Несколько дней назад Чэнь Юнь тоже высказал ему подобное предложение. И.В.Архипов подумал: "Это хорошо, что наших специалистов могут волновать те же вопросы, что и китайских братьев".

Руководитель группы специалистов при Министерстве железнодорожного транспорта К.С.Силин прибыл в Китай в тот период, когда еще не завершилась освободительная война. Он подробно рассказал о работе по восстановлению нескольких тысяч километров железнодорожных путей, сотен разрушенных мостов. Это способствовало развитию наступления народных вооруженных сил и освобождению страны.

Главный советник, с большим интересом выслушав обстоятельный доклад Силина, рассказал собравшимся о новых планах:

- В настоящее время самая главная задача - это продвижение к отдаленным окраинным районам, строительство новых железных дорог, чтобы связать воедино северо-западные районы, приморские города с основными магистралями, с центром. Китай крайне нуждается во всестороннем восстановлении производства, те районы ждут освоения. Самое лучшее - это заранее подготовиться, продумать несколько вариантов, предложить конкретный план. - В самом конце Иван Васильевич улыбаясь сказал: - Условия у министра железнодорожного транспорта Тэн Дайюаня значительно лучше, чем у других министров - в соглашении о сотрудничестве, подписанном Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, восстановление железных дорог поставлено на первое место.

Трехдневное совещание вселило в главного советника уверенность в том, что он сможет выполнить поставленную перед ним задачу. Это чувство передалось и всем другим участникам обсуждения. В конце совещания советские специалисты высказали пожелание встретиться с китайским руководством и послушать его анализ экономической ситуации. Иван Васильевич сказал, что уже подумал об этом и связался с соответствующими товарищами.

Время для встречи советских специалистов с приглашенными И.В.Архиповым председателем Финансово-экономического комитета Центрального Народного правительства Чэнь Юнем и его заместителем Ли Фучунем было определено - 25 марта 1950 года, суббота, 2 часа дня. Место встречи гостиница "Международная" ("Гоцзи")

В назначенный день ожидающему почетных гостей Архипову сообщили, что машина, в которой находились китайские руководители, уже подъехала к входу в гостиницу. Из машины вышел премьер Чжоу Эньлай. Иван Васильевич поспешил ему навстречу и крепко пожал руку. Чжоу Эньлай по выражению лица Архипова увидел, что тот в недоумении по причине столь внезапного приезда и пояснил: "Слышал, что Главный советник провел совещание руководителей групп советских советников и специалистов, а после совещания на встречу с ними были приглашены два товарища - Чэнь Юнь и Ли Фучунь с целью познакомить участников совещания с обстановкой. Когда я услышал эту новость, решил тоже приехать, и теперь - Ваш внеплановый гость". Архипов сразу же сказал: "Знаем, что премьер очень занят, потому не решились беспокоить Вас...". Чжоу Эньлай, не дожидаясь, когда он закончит фразу, добавил: "Познакомить советских специалистов с ситуацией в нашей стране - это наша прямая обязанность". Продолжая говорить, он направился в гостиницу: "Мы собираемся обратиться с просьбой к некоторым ответственным работникам периодически знакомить товарищей специалистов с политической обстановкой в Китае, проводимыми в стране политическими установками. Мы готовимся также к тому, чтобы переводить на русский язык различные документы правительства, связанные с политическими установками, и предоставлять их специалистам в качестве справочного материала. Таким образом, вы будете знать действительную ситуацию в стране... Он остановился

Архипов И.В. и Чжоу Эньлай в кругу советских специалистов. 50-е гг.

ненадолго, затем продолжил: "Мы, конечно, хотели бы постоянно слышать Ваше, Иван Васильевич, мнение и мнение других специалистов".

Состав участников совещания в тот день был расширен, были приглашены все находящиеся в Пекине советские специалисты. После того, как они собрались, выступил Чжоу Эньлай. Прежде всего он рассказал о деятельности председателя Мао Цзэдуна во время его визита в Советский Союз, о значении этого визита, затем дал краткий анализ международной обстановки, сказал о важности заключенного с Советским Союзом Договора о дружбе и союзе в ситуации, когда империализм всеми возможными способами осуществляет блокаду Китая. Говоря об экономическом положении в Китае, Чжоу Эньлай, совершенно не скрывая, сказал, что в настоящее

время экономическое положение нового Китая очень плохое - сказываются последствия войны... Когда гоминьдановские войска в панике бежали, они получили приказ: разрушить все, что только поддается разрушению. И теперь нужно не только восстановить промышленность, пути сообщения, но и заново построить народное хозяйство в целом, чтобы Китай превратился в богатую и мощную державу. Чжоу Эньлай привел целый ряд цифр, касающихся различных сторон народного хозяйства. Он особенно подчеркнул, что в настоящее время необходимо организованно и планомерно провести работу по восстановлению экономики страны. Премьер сказал: "Товарищ Архипов сообщил мне, что находящиеся в Китае советские специалисты уже активно готовят свои рекомендации. Благодарю советских специалистов за искреннюю помощь. Китайские товарищи из Финансово-экономического комитета также изучают эти вопросы".

Затем выступили Чэнь Юнь и Ли Фучунь. Архипов чувствовал, что китайские руководители оказали ему в работе огромную помощь и поддержку. Исполнился только месяц с тех пор, как он приехал в Китай, а премьер Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь и Ли Фучунь лично присутствовали на совещании советских специалистов, познакомили их с положением в Китае, откровенно поделились своими размышлениями. В конце совещания он обратился к присутствующим советникам и руководителям групп специалистов со словами: "В настоящее время мы оказываем содействие китайским товарищам в выработке плана на восстановительный период. Цель нашего приезда в Китай - отдать свои знания и опыт молодой Народной республике". Мы должны оправдать доверие по отношению к нам со стороны китайского правительства, оправдать надежды, возлагаемые на нас китайским народом".

По программе китайско-советского экономического сотрудничества было определено 156 крупных объектов, в сооружении которых Советский Союз

оказывал помощь; они явились центром тяжести промышленного строительства периода первой пятилетки Китая. В целях успешного проведения работы на этих объектах И.В.Архипов в сопровождении советских и китайских специалистов побывал почти на всех строительных площадках. Они интересовались всем - от разведки недр, выбора заводской площадки, технического проектирования, машин и механизмов, строительства и монтажа до подготовки кадров, запуска пробного производства, - и давали конкретные указания. Для того, чтобы не допускать ошибок в процессе руководства, главному экономическому советнику необходимо было проводить тщательное, доскональное обследование и изучение ситуации на месте. Однако, когда под приветственные возгласы, аплодисменты и песни проводились торжественные собрания в связи с пуском производства на новом заводе, часто Иван Васильевич не имел возможности на них присутствовать. И дело было не в его желании, а в том, что новые задачи требовали от него присутствия на других строительных площадках. Он побывал во многих местах Северо-Восточного, Северо-Западного, Центрального и Южного Китая, во многих приморских районах. Во всех местах, где строились крупные объекты. Его деятельность была связана с реконструкцией и расширением старых заводов, проектированием и строительством новых.

Премьер Чжоу Эньлай как-то сказал Архипову: "У правительства слишком много работы. Хотелось бы, что бы Вы уделяли больше заботы и внимания некоторым из тех объектов, в строительстве или реконструкции которых помогает Советский Союз. Эти объекты, по существу, Ваши дети и вы должны постоянно заботиться о них". Иван Васильевич был глубоко тронут таким отношением премьера к его работе.

Вот некоторые зримые шаги индустриализации, в которой вместе с китайским народом принимали участие советские специалисты во главе с И.В.Архиповым.

В 1953 г. на северо-востоке, северо-западе и в других районах Китая было построено шесть современных текстильных предприятий, в том числе льно-текстильная фабрика в Харбине, оснащенная самым высококласным оборудованием. На северо-востоке и северо-западе вводились в строй новые крупные электростанции. К концу года на Аньшаньском металлургическом комбинате вступил в строй крупный прокатный стан, начали давать продукцию завод бесшовных труб и 7-ая автоматизированная домна. Введение в строй этих предприятий стало большим событием, более всего вдохновившим людей в первый год пятилетки.

В 1954 г. на АМК вступил в строй автоматизированный завод листового проката, в этом же году в небо поднялась первая партия построенных в Китае самолетов.

В 1955 г. вступил в строй первый в Китае завод по производству точных механизмов и инструмента - Харбинский завод измерительного и режущего инструмента. В Шанхае было успешно освоено производство турбогенераторов мощностью в 6 тысяч киловатт. В том же году по всей стране находилось в эксплуатации уже более 140 тысяч километров шоссейных дорог - почти в два раза больше, чем в 1949 г.

В 1956 г. дал ток первый турбогенератор на Гиринской ТЭЦ - первой в Китае ТЭЦ с электронной автоматикой. Тогда же было освоено в экспериментальном порядке производство реактивных самолетов нового типа, а также закончено строительство первого автозавода в Чанчуне. В этом году металлургическая промышленность досрочно - на год и один месяц раньше срока - выполнила пятилетний план.

В 1957 г. на Даляньском заводе подъемного оборудования был в экспериментальном порядке произведен выпуск крана грузоподъемностью в 140 тонн. Тогда же было завершено создание целостной системы телеграфно-почтовой связи. В этом году принят в эксплуатацию мост через реку Янцзы в районе Ухани, осуществив мечту многих поколений о соединении ее берегов.

В 1958 г. в Тяньцзине был произведен первый в Китае дизельный трактор с двигателем мощностью 40 л.с. В этом году началось строительство самого крупного в то время Уханьского металлургического комбината и еще многих других объектов.

За годы 1-ой пятилетки число советских технических специалистов в Китае временами достигало более 3 тысяч человек. Руководить таким большим отрядом специалистов, быть в курсе огромного числа строек было нелегко. Однако главный советник работал с полным сознанием ответственности и никогда не жаловался. Наоборот, у людей складывалось впечатление, что чем больше работы, тем интереснее казалась ему жизнь.

Для того, чтобы план шаг за шагом становился реальностью, чтобы заработали заводы, чтобы оснащать цеха новыми современными машинами, нужно было выполнить огромную подготовительную работу. Главный советник постоянно помогал китайским и советским предприятиям наладить между собой связи, отработать взаимодействие. Для того, чтобы Китай как можно раньше начал производство бесшовных труб, нужно было заранее организовать труд многих инженеров, связанных с оказанием помощи в проектировании новейшего оборудования. Он был в курсе всего процесса проектирования и постоянно его контролировал. После завершения проекта нужно было организовать работу более 30 заводов Москвы, Ленинграда, Свердловска и других городов по производству оборудования и своевременно на поездах и самолетах доставить его в Китай. Для строительства Уханьского моста через Янцзы нужно было заказать в СССР стальные листы. Эти листы по своим размерам превосходили стандартную номенклатуру листа, а для изменения первоначального проекта потребовались бы значительные затраты. После неоднократных консультаций с участием И.В.Архипова было принято решение переналадить технологическое оборудование под производство нестандартного листа.

Еще более радикальным и новаторским было решение И.В.Архипова и К.С.Силина установить опоры моста, доселе не применявшимся "безкессонным методом"*, разработанным и предложенным последним. Он позволял значительно сократить сроки строительства, снизить себестоимость, обеспечить качество и безопасность работ. После изучения "метод Силина" поддержал Чжоу Эньлай. И потому ответственность за успех эксперимента еще более возросла. В связи с этим всегда оптимистичный Архипов невесело пошутил: "Если что-нибудь случится, нам вдвоем останется только прыгнуть в Янцзы в самом глубоком месте...". Опасения были напрасны. Красавец-мост прочно стоит и поныне.

Главный советник с уважением относился к тому принципу, которого придерживался китайский народ в экономическом строительстве - в основном возрождать народное хозяйство собственными силами. В своей работе он постоянно учитывал китайскую действительность и всемерно стремился к тому, чтобы выполнять возникающие задачи в соответствии с традицией китайского народа - строить государство исходя из трудолюбия и бережливости. Его работа заслужила доверие народа Китая, а с китайскими руководителями у

* Позднее за разработку и внедрение метода безкессонного строительства опор К.С.Силин получил Ленинскую премию.

него сложились отношения искренней дружбы. Это - славная страница в истории советско-китайских отношений, и на этой странице навечно будет вписано имя И.В.Архипова.

Летом 1958 г. истек срок пребывания Ивана Васильевича в Китае. В общей сложности он проработал в Китае восемь лет. За эти годы народное хозяйство Китая прошло путь от возрождения из руин до создания мощной базы современной индустрии.

За несколько дней до возвращения И.В.Архипова на Родину Чжоу Эньлай устроил прощальную церемонию и банкет. Премьер обратился к нему со словами благодарности, затем вручил подписанную им от имени правительства грамоту и прикрепил к его груди медаль "Китайско-советской дружбы". Иван Васильевич не мог тогда и подумать, что через три года он получит приказ снова лететь в КНР и сделать то, что шло в разрез с его собственными желаниями.

В самом конце 50-х гг. в отношениях между Советским Союзом и Китаем произошел поворот в худшую сторону, от дружбы - к разногласиям, от разногласий - к противостоянию.

В 1961 г. в Пекине советская правительственная делегация во главе с первым заместителем председателя Госкомитета СССР по внешнеэкономическим связям Архиповым должна была подписать протокол об аннулировании всех соглашений между двумя странами.

В ходе более чем двадцатилетнего противостояния между Китаем и Советским Союзом Архипов все время придерживался той точки зрения, что два соседних государства должны жить в мире, что необходимо продолжать традиции искренней дружбы между народами двух стран. В соответствии с этим убеждением он в течение длительного времени не покладая рук трудился над тем, чтобы заново восстановить дружеские связи между СССР и КНР. Эти усилия в конце концов дали положительный результат.

В ноябре 1982 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Ю.В.Андропов. И.В.Архипов изложил ему комплекс мер по улучшению советско-китайских отношений. Андропов согласился с предложениями Архипова, но, к сожалению, вскоре умер. В феврале 1984 г. его место занял Черненко. В том же году ЦК КПСС принял решение послать И.В.Архипова в Китай в качестве гостя посла СССР в КНР. Иван Васильевич не мог и подумать, что ответ китайской стороны будет следующим: "Архипов - старый друг китайского народа, будем рады его приезду как первого заместителя Председателя Совета Министров СССР в Китай в качестве руководителя правительственной делегации".

Ивана Васильевича хорошо знали в Китае, у него были тесные личные связи с китайскими руководителями старшего поколения, и советское правительство сочло, что его визит мог бы послужить улучшению отношений между двумя странами.

Утром 21 декабря 1984 г. самолет с советской правительственной делегацией во главе с И.В.Архиповым приземлился в Пекинском аэропорту. Ее встречами заместитель премьера Яо Илин, заместитель министра иностранных дел Цянь Цичэнь и другие официальные лица.

На второй и третий день визита состоялись два раунда переговоров между первым заместителем Председателя Совета Министров СССР И.В.Архиповым и заместителем премьера Госсовета КНР Яо Илинем. Участники проинформировали друг друга об экономическом строительстве в своих странах, обменялись мнениями по вопросу о дальнейшем развитии сотрудничества двух стран в области экономики, торговли, науки и техники, а также по международным проблемам, которые затрагивают интересы обеих стран и по

вопросам двусторонних отношений. В итоге было подписано соглашение между правительствами Китая и Советского Союза об экономическом сотрудничестве, соглашение о научно-техническом сотрудничестве и соглашение о создании советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. Накопившийся за длительное время лед начал таять.

На четвертый день предстояла встреча Ивана Васильевича со своими старыми друзьями.

*Архипов И.В., Чэнь Юнь и Бо Ибо.
Декабрь 1984 г.*

Утром 24 декабря Чэнь Юнь прибыл в Чжуннаньхай для встречи с И.В.Архиповым. Он пригласил также Бо Ибо и Яо Илня. Чэнь Юнь было уже 79 лет, у него было слабое здоровье, передвигался он только с посторонней помощью. И несмотря на это, он настоял на том, чтобы встретить гостя у входа. Иван Васильевич издали увидел Чэнь Юня и быстро пошел навстречу. Двое пожилых людей крепко обнялись. Подошел Бо Ибо. Прошло более 20 лет, за это время в их судьбах и в их странах произошли огромные изменения, было немало пережито. И вот сегодня они увиделись вновь!

Вы - наш старый друг, - с душевным волнением произнес Чэнь Юнь. - Сегодня вместе с нами - товарищи Бо Ибо и Яо Илнь, они хорошо знакомы Вам.

Вспоминая о начале их совместной работы, Чэнь Юнь сказал: "В 50-е годы, в процессе составления и осуществления первого пятилетнего плана мы прекрасно сотрудничали. Помощь, которую оказали в прошлом, как в период революционной войны, так и в период мирного строительства, советское правительство и советский народ не забгга китайским правительством и китайским народом". Он немного помолчал и затем добавил: "И никогда не будет забгга".

С первых же слов друзья почувствовали полное взаимопонимание. Иван Васильевич кратко рассказал о том, что основной задачей его визита является развитие сотрудничества в сфере экономики, науки и техники. Затем перешел к главному вопросу, который было поручено ему обсудить с руководителями КНР. "Руководство Советского Союза в настоящее время, - сказал он, - также придает большое значение контактам с Китаем и надеется, что сможет найти путь к построению добрососедских, дружеских отношений между двумя странами".

Чэнь Юнь с большим вниманием отнесся к этому заявлению И.В.Архипова и сказал в ответ: "И в Китае, и в Советском Союзе осуществляется плановая экономика, к тому же мы - страны-соседи, и поэтому возможно и совершенно необходимо дружеское сосуществование. Нормализация советско-китайских отношений - в интересах народов двух стран, а также в интересах народов всего мира". - Затем он подчеркнул: - Для того, чтобы два государства - Китай и Советский Союз достигли нормализации отношений, необходимо устранить три больших препятствия. Это принципиальный вопрос и мы не можем не настаивать на этом. Хотя он не стал далее разъяснять, Иван Васильевич знал: эти три больших препятствия подразумевают следующее: отвод войск из Монголии и от советско-китайской границы; вывод войск из Афганистана; прекращение агрессии Вьетнама в Кампучии. Чэнь Юнь про-

должал: "Только это не означает, что два соседних государства - Китай и Советский Союз не могут улучшать и развивать отношения по некоторым другим вопросам. Три больших препятствия сразу не устранить, их можно отложить в сторону, и тем временем всемерно развивать торгово-экономические отношения". Чэнь Юнь считал, что "за эти несколько лет торговля развивается быстро, существует также небольшой обмен по линии науки, техники и культуры. В будущем можно продолжить развитие отношений в этих областях.

Иван Васильевич взвешивал каждую фразу, каждое слово Чэнь Юня. Он знал, что Чэнь Юнь отражает позицию компартии и правительства Китая. Он чувствовал, что эта беседа проходит в чрезвычайно благоприятной обстановке, в благожелательной атмосфере.

В ходе встречи И.В.Архипов познакомил Чэнь Юня и других своих старых друзей с экономическим положением Советского Союза и проблемами, которые предстоит решить. Чэнь Юнь, знакомя его с реформой экономической системы, осуществляемой в Китае, сказал: "Мы хотим коренным образом перестроить ту экономическую систему, которая сковывает развитие производительных сил, создать экономическую систему социализма с китайской спецификой, наполненную жизненной силой. Такая система прорвет традиционные воззрения, противопоставляющие плановую экономику рыночной. Китайская социалистическая экономика - это плановая товарная экономика на основе общественной системы собственности". Методы начатого в Китае реформирования экономической системы вызвали у Ивана Васильевича живой интерес и он заметил: "Это великое дело, требующее от реформаторов дальновидности, смелости, энергии, опоры на массы". Ему очень хотелось посмотреть фактическое положение дел в особом экономическом районе Китая, где проводится экономическая реформа.

Заместитель министра иностранных дел Цянь Цичэнь, в течение всего визита сопровождавший И.В.Архипова и членов делегации, сообщил, что они уже продумали, куда поедет делегация, это - Гуанчжоу, Шэньчжэнь и Ухань.

После возвращения из поездки по стране в Пекин И.В.Архипов был принят Председателем Постоянного комитета ВСНП Пэн Чжэнем. Они встретились как старые друзья.

"Китай и Советский Союз - социалистические страны, - заявил Пэн Чжэнь, подтвердив тем самым свою позитивную оценку СССР. - Однако отношения между странами не нормальные. Я знаю, что вы успешно провели переговоры и подписали новые соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Необходимо и далее совершать большие дела.

Визит советской правительственной делегации во главе с И.В.Архиповым в КНР, его переговоры, встречи и беседы со старейшими руководителями страны (Чэнь Юнем, Бо Ибо, Пэн Чжэнем, Яо Иллинем) оказали, как отмечается в книге, "положительное влияние на китайско-советские отношения".

В 1986 г. в возрасте 79 лет Иван Васильевич Архипов ушел с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР. Вскоре он активно включился в работу Общества советско-китайской дружбы и был избран его почетным председателем.

В 1989 г. делегация Общества советско-китайской дружбы во главе с И.В.Архиповым была приглашена в Пекин на празднование 40-летия Китайской Народной Республики.

Вечером 30 сентября состоялся по этому случаю праздничный прием, на который были приглашены Иван Васильевич и члены делегации. В разгар торжества к И.В.Архипову с бокалами в руках подошли Генеральный Секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь, Председатель КНР Ян Шанкунь, Премьер Госсовета КНР

*Архипов И.В., Цзян Цзэминь и Ли Пэн на трибуне Тянаньмыня.
1 октября 1989 г.*

Ли Пэн. Каждый из них на хорошем русском языке пожелал Ивану Васильевичу здоровья и успехов. Он был глубоко тронут таким вниманием.

Вечером 1 октября во время праздничного салюта на площади Тянаньмынь на правительственной трибуне состоялась встреча Ивана Васильевича со своими старыми китайскими друзьями. Архитектор китайской реформы Дэн Сяопин, крепко пожимая ему руку, напомнил Архипову, как они 40 лет назад разрабатывали ряд соглашений между СССР и КНР, и пожелал, чтобы в настоящее время дружба между народами Китая и Советского Союза непрерывно развивалась.

На трибуне рядом с И.В.Архиповым были также Чэнь Юнь, Пэн Чжэнь и Ли Сяньнянь. Они вспоминали о славных 50-х годах.

Каждый раз, посещая Китай, Иван Васильевич живо интересовался успехами экономической реформы, развитием особых экономических зон, современными индустриальными новостройками. И в 1989 г. сразу после праздничных торжеств в Пекине делегация была приглашена на строящийся Баошаньский металлургический комбинат под Шанхаем. И.В.Архипов был поражен масштабами новостройки, современным оборудованием, введением новой технологии плавки, управляемой электроникой. При расставании он, пожимая руку директору Баошаньского металлургического комбината, сказал: "Вы планируете поднять мощности по выпуску стального проката до 10 млн. тонн в год и эта цель является вдохновляющим стимулом для людей. Желаю Вам как можно скорее добиться успеха". Позднее Иван Васильевич не раз говорил: "Мне нравится Баошаньский металлургический комбинат! Вызывает зависть применяемая на этом комбинате технология, их опыту следует учиться".

В 1993 г. Архипов во второй раз посетил Шэньчжэнь, который со времени его первого приезда в 1984 г. "превратился в новый современный город.

Насыщенные мероприятиями дни, проведенные в Шэньчжэне, наглядно показали Ивану Васильевичу разницу в экономических структурах: здесь были обеспечившие работой многих людей предприятия с иностранным, а также смешанным капиталом, которые использовали передовую технологию в области легкой и электронной промышленности.

Выслушав пояснения хозяев о методах привлечения иностранного капитала, он сказал, что они произвели на него большое впечатление: "Китайские руководители использовали собственный опыт и успешно создали особые экономические районы. Это означает, что социалистическое государство может заимствовать капиталистический опыт и развивать себя".

В своих поездках по Китаю Иван Васильевич, внимательно всматриваясь в разительные перемены в китайской экономике, всегда думал о том, что можно взять сегодня России из опыта КНР. Своими мыслями об этом он делился с китайскими друзьями. Так, в одной из бесед с Бо Ибо в начале 90-х годов он признался, что "понял огромную значимость социалистического пути с китайской спецификой. Раньше вы учились у Советского Союза, а сейчас выросли, стали сильными. Многие из вашего опыта заслуживают того, чтобы у нас его тщательно изучали и заимствовали".

Тот же лейтмотив звучал в последнем разговоре И.В.Архипова со своим самым близким товарищем - Чэнь Юнем в октябре 1991 г.

* * *

День 1 мая 1996 г. в Пекине был необычным для Ивана Васильевича.

Праздничным утром на торжественном заседании Президиума Китайского Народного общества дружбы с зарубежными странами Иван Васильевич Архипов был удостоен звания "Посланник народной дружбы".* Председатель Президиума КНОДЗ Ци Хуайюань, вручая ему специальное удостоверение и медаль, отметил вклад И.В.Архипова в восстановление экономики Китая и осуществление 1-го пятилетнего плана. "Свой ум, талант и знания он бескорыстно отдал делу строительства, которое вел китайский народ, - сказал он. - В ходе его 8-летней работы в Китае, у него сложились глубокие искренние отношения со старшим поколением руководителей Китая - например, с Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином, Чэнь Юнем, Ли Фучунем, Бо Ибо и другими, эта работа привела также к тесной связи его с Китаем. В течение более 40 лет, независимо от того, как изменялись отношения между странами, и независимо от того, какую он занимал должность, он с самого начала и до конца твердо защищал дело дружбы между двумя странами - Китаем и Россией, неустанно трудился во имя укрепления и развития традиционной дружбы между народами двух стран. Сегодня мы здесь присваиваем товарищу Архипову звание "Посланник народной дружбы", чтобы отметить его выдающийся вклад в строительство нашей страны и в дело дружбы между народами двух стран - Китая и России. В то же время мы хотим этим сказать, что китайский народ никогда не забудет старых друзей".

Иван Васильевич, глядя на такие знакомые, такие близкие лица людей, с которыми связывала его долгая дружба и совместная работа, сказал: "Дорогие друзья! Много лет своей жизни я провел в Китае, моя зрелость, убеждения, мои чувства связаны воедино с давними китайскими друзьями.

* К.С.Силин был вторым россиянином, удостоенным почетного звания "Посланник народной дружбы".

Много событий прошло перед моими глазами. Сам Бог пожелал, чтобы наши два народа стали друзьями. Между друзьями возможны и случаи взаимного непонимания, недоразумений, это - обычное явление. Но главное в том, что мы - друзья по жизни, друзья по делу, друзья, которые делят друг с другом радость и горе, вечные друзья! За все эти годы, особенно за последние 10 с лишним лет я своими глазами увидел, как далеко вы шагнули вперед. Лишь организованное государство может сделать такой шаг. Вы достойны звания коммуниста! Вы выбрали правильный путь, вы, в ситуации, когда народ несет минимальные издержки, самыми быстрыми темпами продвигаетесь вперед. Это не только ваше счастье, это также и счастье народов разных стран". У него немного перехватило голос, возможно, что перед его глазами всплыла сегодняшняя ситуация на его родине. "Наша страна переживает трудный период. Народ России - сильный, умный, добрый. Народ России в конечном итоге сможет восстановить достойное великой страны положение своей матери-Родины в мире. Он сможет одолеть все трудности и добиться победы. Россия и Китай - друзья и должны быть всегда друзьями, жить в дружбе и поэтому быть не может! Спасибо вам! Желаю вам счастья и исполнения всех ваших желаний".

Слова Архипова задели сердца и души собравшихся людей.

Политика Китая в отношении АСЕАН в 1990-х гг.: подталкивание к многополярности*

© 1999

Джозеф И.С.Чэн

1. Введение

Китайские лидеры часто указывают на важную роль третьего мира, но в своей реальной внешней политике они сосредотачиваются на отношениях Китая с США, Россией и другими крупными державами. Так было уже в 1970-х гг., хотя эта тенденция стала более заметна в процессе модернизации китайской дипломатии в 1980-х гг. и в попытке ускорить переход к многополярности в 1990-х гг. Но АСЕАН была исключением. За последние два десятилетия китайские лидеры оценили хорошие отношения со странами этой ассоциации. В силу их впечатляющего экономического развития и роста международного влияния эксперт китайской Академии общественных наук в 1997 г. охарактеризовал АСЕАН как один из полюсов в многополярной силовой конфигурации в АТР.

Открыто признав провал маоистской стратегии развития, Китай более не мог претендовать на то, чтобы считаться привлекательной моделью социально-экономического прогресса, являющейся успешной альтернативой для третьего мира. С конца 1970-х гг. стратегия экономического развития КНР походила на стратегии других развивающихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Китай также конкурировал с другими странами третьего мира за получение помощи и займов от международных организаций таких, как, например, Всемирный банк, а также правительств стран Запада и Японии. После того как Китай выразил желание участвовать в Генеральном Соглашении по тарифам и торговле, он также вступил в жесткий спор по экспортным квотам с развитыми странами и начал конкуренцию с развивающимися странами, особенно Восточной и Юго-Восточной Азии.

Заключение китайско-японского договора о мире и дружбе в августе 1978 г., установление официальных дипломатических отношений с США в декабре того же года и ограниченная война с целью "наказать" Вьетнам в начале 1979 г. умножили общие интересы Китая и стран АСЕАН. Доверие послед-

Джозеф И.С.Чэн, профессор, Центр исследований современного Китая, Столичный Университет Гонконга.

* Статья печатается в сокращенном варианте.

них к Китаю укреплялось благодаря тому, что Китай вступил в псевдоальянс с США и Японией, чтобы не допустить глобальной экспансии СССР. Между тем торговля между Китаем и странами АСЕАН быстро расширялась, и когда китайский премьер-министр Чжао Цзыян подвел итоги китайской независимой внешней политики в 1986 г., отношения между Китаем и АСЕАН уже имели прочную основу.

Во время визита в Таиланд в ноябре 1988 г. премьер-министр Ли Пэн обобщил четыре принципа отношений между Китаем и АСЕАН: а) строго следовать пяти принципам мирного сосуществования в межгосударственных отношениях; б) отстаивать принцип противостояния гегемонизму при любых обстоятельствах; в) в экономических отношениях отстаивать принципы равенства и взаимной выгоды, а также совместного развития; и г) в международных делах следовать принципам независимости и опоры на собственные силы, взаимного уважения, тесного сотрудничества и взаимной поддержки.

Дипломатические инициативы Китая в Юго-Восточной Азии дали удовлетворительные результаты в течение двух-трех лет после тяньаньмэньских событий. В августе 1990 г. Китай нормализовал отношения с Индонезией. Как и ожидалось, двумя месяцами позже он установил дипломатические отношения с Сингапуром. Нормализация китайско-вьетнамских отношений была достигнута в 1991 г., вслед за чем в декабре 1992г. последовали визит во Вьетнам премьер-министра Ли Пэна и переговоры по пограничным проблемам. С 1992 г. Китай также сыграл конструктивную роль в облегчении мирного урегулирования в Камбодже.

II. Взгляд на мир китайского руководства

Незадолго до смерти Дэн Сяопина Цзян Цзэминь подтвердил дэновскую линию во внешней политике - "не привлекать внимания и не выделяться", сосредоточиваясь на внутренних делах Китая. В его заявлениях по китайской внешней политике сразу же после ухода Дэна неоднократно делался акцент на преемственности и на политике мира. Такие высказывания, очевидно, адресовались странам АСЕАН как важным объектам. Китаю нужна мирная международная среда и он будет прилагать все усилия, чтобы обеспечить такую обстановку в обозримом будущем. Стремление к мирной международной обстановке, несомненно, включает в себя установление дружественных отношений с соседями и избежание конфликтов с ними. Это, вероятно, является наиболее важной целью внешней политики Китая с 1982-83 гг., и в 1990-х гг. он достиг удовлетворительных результатов в этом вопросе. Это означает, что обеспечение китайских национальных интересов силой или угрозой силы обошлось бы стране дорого.

Китайские лидеры воспринимали начало 1990-х гг. как переходный период от биполярности к многополярности и считали, что такой переход займет продолжительное время. США оказались в конечном счете победителями в "холодной войне" и остались единственной сверхдержавой в мире. С распадом Советского Союза и роспуском Варшавского Договора Китай больше не мог эксплуатировать "стратегический треугольник". После "холодной войны" он освободился от прямой военной угрозы со стороны России. Как Россия, так и США обладают военными возможностями покорить Китай, но у них нет поводов для этого в обозримом будущем.

В начале 1998 г. китайское руководство оказалось более заинтересованным в поддержании тенденции к многополярности. Китайские лидеры, очевидно, считали, что их усилия по стимулированию глобальной многопо-

лярности дают результаты. В совместном коммюнике, опубликованном во время визита российского президента Б.Ельцина в Китай в апреле 1996 г., обе страны "провозгласили свою решимость развивать равноправное стратегическое партнерство, обращенное в XXI столетие." В апреле следующего года президент Цзян Цзэминь посетил Москву, где была подписана совместная декларация о глобальной многополярности и установлении нового мирового порядка.

В мае 1997 г., когда французский президент Жак Ширак посетил Китай, обе стороны зафиксировали в совместной декларации, что они разделяют "тождество взглядов" относительно необходимости установления "всеобъемлющего партнерства". Цели этого "всеобъемлющего партнерства" ясно и подробно изложены в преамбуле совместной декларации: "обе стороны решили способствовать движению в направлении многополярности..., чтобы внести вклад в установление нового международного политического и экономического порядка, который как справедлив, так и рационален и противостоит любым попыткам доминирования в международных делах."

Многополярный мир еще только начинает складываться и формирование нового баланса сил будет в конечном итоге зависеть от способности конкурировать в области "совокупной национальной мощи", основные компоненты которой - экономическое и технологическое могущество. Китаю необходимо будет ориентироваться на среднесрочное и долгосрочное соперничество при создании "совокупной национальной мощи", в противном случае он отстанет в этой жесткой конкуренции.

Китайское руководство, очевидно, заинтересовано в многополярном мире, в котором основные державы смогут развивать дружественные связи друг с другом и в котором отсутствие нулевого результата будет нормой. Силловые блоки и союзы безопасности имеют тенденцию усиливать напряженность и в конечном счете ограничивать свободу маневра участвующих в них крупных держав. Диверсификация источников капитала, технологий, ноу-хау управления и т.п., а также свободный выбор партнеров по экономическому сотрудничеству также являются частью сценария, которому отдают предпочтение китайские лидеры.

Стратегическое партнерство в китайском понимании предусматривает стандартные нормы поведения, лежащие в основе отношений между главными державами в многополярном мире. Будучи основанной на независимой внешней политике и акцентируя внимание на пяти принципах мирного сосуществования, концепция стратегического партнерства отражает ту значимость, которую китайское руководство придает отношениям с основными державами. В отличие от пяти принципов мирного сосуществования, стратегическое партнерство подразумевает, что Китай рассматривает себя как ведущую державу и добивается своих законных интересов в многополярном мире.

III. Значение АСЕАН в китайской внешней политике

Китайское руководство надеется на то, что возникновение региональных держав и региональных организаций в развивающемся мире помогут прийти к многополярности, отличной от традиционной, когда одна крупная держава доминировала над небольшим количеством основных держав. Имеется в виду, что этот новый тип многополярности будет способствовать сохранению мира и демократизирует международные отношения, внеся, таким образом, вклад в создание нового международного политического и экономического порядка.

В этом контексте бойкотирование латиноамериканскими странами санкций США против Кубы, принятие в АСЕАН Бирмы вопреки давлению западных стран, оппозиция арабских стран военным действиям США против Ирака и т.п. рассматриваются как тенденция, усиливающая эволюцию в направлении к многополярности. Цзян Цзэминь, выступая в Пакистане 2 декабря 1996 г., заявил: "Тенденция к многополярности с растущей ролью развивающихся стран, как важной его характеристики, подобна полноводной реке, которую невозможно перекрыть."

Китайские лидеры считают, что эволюция в сторону многополярности не может зависеть только от подъема развивающихся стран. Баланс сил между различными крупными державами сегодня все еще остается решающим фактором, способствующим становлению многополярности через структуру взаимозависимости и систему взаимных сдержек и противовесов.

Серия встреч на высшем уровне в конце 1997 г. Китая, США, Японии и России символизирует диалог и сотрудничество между основными державами в многополярном мире. Эти встречи также демонстрируют потенциал достижений, также как и изменчивость самих отношений. Последнее требует постоянных усилий, чтобы ослаблять напряженность и укреплять доверие. Экономическая взаимозависимость, вероятно, остается наиболее значимым стимулом в двустороннем и многостороннем сотрудничестве. Но в конечном итоге подъем развивающихся стран в сотрудничестве с развитыми странами создает важную гарантию здоровой многополярности.

Что касается экономики, то ВВП нынешних девяти участников АСЕАН в 1995 г. уже достиг 1.600 млрд. долл. по паритету покупательной способности, около 60% его приходится на долю Японии. Внешняя торговля членов АСЕАН в 1995 г. равнялась 636,6 млрд. долл., что примерно в 10 раз больше объема торговли Индии и составляет 82% внешней торговли Японии (779 млрд. долл.). АСЕАН занимает четвертое место в мире после США, Германии и Японии. Следуя тенденции экономического регионализма, АСЕАН ускорила создание Зоны свободной торговли (АФТА). В августе 1995 г. на встрече министров иностранных дел стран АСЕАН дата создания АФТА была согласованию сторон перенесена с 2003 на 2000 г. Страны АСЕАН, безусловно, пострадали от недавних экономических трудностей, но китайские лидеры верят, что неудачи переходящие и не повлияют на тенденцию долгосрочного развития.

Провозглашение Регионального форума АСЕАН - АРФ в Бангкоке в 1994 г. получило твердую поддержку Китая. Форум был задуман как новая структура сохранения безопасности Азии и Тихоокеанского региона после окончания "холодной войны". Поначалу китайские лидеры беспокоились, что Запад может использовать АРФ для "сдерживания" Китая. На подготовительной встрече в мае 1995 г. в Брунее китайская сторона возражала против австралийского предложения о более активной позиции АРФ в разрешении конфликтов и создании официальных рабочих групп. В конечном счете был достигнут компромисс и сформирована группа поддержки по мерам доверия и проведению встреч по региональному сотрудничеству.

На той же встрече официальные представители АСЕАН представили "концептуальный доклад" по основным принципам деятельности АРФ, который в августе 1995 г. был представлен министрам иностранных дел. Встречи в рамках АРФ не будут иметь официальной повестки дня, и болезненные вопросы безопасности предполагается рассматривать избегая конфликтов, следуя установившемуся в АСЕАН стилю принятия согласованных решений. В докладе были также изложены меры по установлению доверия, переходящие к превентивной дипломатии и, наконец, к разрешению противоречий. В

1997 г. АРФ договорился перейти к превентивной дипломатии. Соглашение было основано на более раннем признании АРФ того, что "превентивная дипломатия должна быть естественным следствием мер по установлению доверия".

Очевидно, китайское руководство удовлетворено стратегией поддержания баланса сил АСЕАН. Последняя старается поддерживать сбалансированные отношения с США, Японией и Китаем, в то же время не пренебрегая Россией и Индией. Такая стратегия АСЕАН помогает предотвратить стремление к доминированию в АТР любой из крупных держав, включая США. Это отвечает стратегическим интересам Китая, поскольку сам Китай не в состоянии, а, следовательно, и не стремится стать доминирующей державой в региональных делах. Таким образом, Китай приветствует стратегию баланса сил АСЕАН и поддерживает активную роль региональной организации в АТР. Направляемый АСЕАН АРФ успешно развивается и сегодня насчитывает 21 участника, включая все крупные державы мира. АСЕАН организует неофициальные встречи на высшем уровне с Китаем, Японией и Южной Кореей, а также имеет определенный вес в АПЕК.

Точно так же Китай высоко ценит важную роль АСЕАН в иницировании азиатско-европейской встречи (ASEM), впервые состоявшейся в Бангкоке в марте 1996 г. Это - диалог между Европейским Союзом и странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Сингапур, ее основной инициатор, и Таиланд, первая принимающая сторона - участники АСЕАН. Фундаментальная идея ASEM также является главной направляющей и АСЕАН: взаимозависимость. Прокладывая путь для ASEM, правительства Европейского Союза и АСЕАН разделяли общий взгляд на трехполюсный глобальный порядок: США, Европа и АТР. Они признали, что связи между Европой и АТР являются самыми слабыми в этом треугольнике и выразили надежду, что с помощью ASEM удастся выправить ситуацию.

Политический процесс ASEM, начавшийся после встречи на высшем уровне в Бангкоке, вылился в "Трек-2", поставленный в повестку дня деятельности АРФ. Это означает, что в то время, как "Трек-1" предусматривает обычные дипломатические переговоры на межправительственном уровне, "Трек-2" обеспечивает взаимодействие неправительственных организаций, научных учреждений и деловых групп двух регионов. Китай особенно нуждается в развитии взаимодействия с другими странами в русле "Трек-2".

В целом китайские лидеры воспринимают Китай и членов АСЕАН как развивающиеся страны Азии: у них схожий культурный фон и сильное чувство общей идентичности; они придерживаются близких взглядов на духовные ценности, права человека, демократию и многие внешнеполитические вопросы. Поэтому они должны сотрудничать, оказывать друг другу поддержку и совместно противостоять гегемонизму и политике силы. Китайские лидеры считают, что АСЕАН не станет частью союза, нацеленного на "сдерживание" Китая. Напротив, активная дипломатическая позиция АСЕАН видится как содействующая развитию в направлении многополярности в АТР и вносящая вклад в стабильность и сбалансированность в регионе. Более того, АСЕАН воспринимается как стабилизирующая сила в треугольнике США-Япония-Китай, способная содействовать сдерживанию гегемонизма западных держав в регионе, уменьшать их давление на Китай и улучшать дипломатическую обстановку.

Страны АСЕАН озабочены расширением японского влияния в Юго-Восточной Азии, но они понимают, что их солидарность - лучшая гарантия против чрезмерного влияния Японии и других крупных держав в регионе. Обследование пяти стран Юго-Восточной Азии японским министерством ино-

странных дел в период с октября 1996 г. по январь 1997 г. показало опасения большей части населения Таиланда, Малайзии и Сингапура, что Япония станет крупной военной державой. Доля тайландских респондентов, придерживающихся таких взглядов, возросла с 24% в 1992 г. до 34%, в то время как их доля в Малайзии выросла с 35% до 38%, а в Сингапуре - с 34% до 36%. С другой стороны, количество индонезийских респондентов, обеспокоенных японским военным строительством, упало с 23% до 14%, а на Филиппинах - с 32% до 21%.

В таком контексте китайские лидеры одобрили принятие Вьетнама в АСЕАН в 1995 г. и не рассматривали это как ущерб интересам безопасности Китая. Точно так же китайские лидеры не считали принятие Бирмы и Лаоса в АСЕАН как попытку уменьшить китайское влияние в этих странах. Пекин полностью уверен, что военная хунта в Бирме не ослабит связи с китайским руководством, которое твердо стояло на его стороне со времени переворота в 1988 г.

Пекин спокойно отреагировал на переворот в Пном Пене в июле 1997 г., в результате которого Хун Сен сверг принца Народома Ранаридха. Официальные представители АСЕАН заявили, что китайское правительство дало знать, что оно поддержит действия АСЕАН по посредничеству в конфликте и восстановлению порядка. Оказалось, что оно одобрило посредническую роль АСЕАН, чтобы предотвратить вмешательство США в камбоджийскую ситуацию. Представители АСЕАН считали, что китайская позиция в отношении переворота являла собой важную перемену в политике Китая в Юго-Восточной Азии. В силу того, что Китай горел желанием добиться статуса крупной державы, он воздерживался от прямого вмешательства и предпочитал позволить странам региона самим решать свои проблемы. Позиция Китая и АСЕАН, очевидно, повлияла на администрацию Клинтон, которая, в конечном счете, смягчила свою позицию в отношении Хун Сена. Она попыталась сотрудничать с АСЕАН и Китаем, чтобы избежать изоляции. Государственный секретарь США Мадлен Олбрайт даже похвалила Китай за его "весьма позитивную роль" в камбоджийском вопросе.

В вопросе о правах человека китайские лидеры весьма воодушевлены общей позицией со своими коллегами из АСЕАН. В июле 1997 г. на постминистерской конференции АСЕАН с партнерами по диалогу различия между странами-членами АСЕАН и Западом заметно усилились. Малазийские представители требовали пересмотра Декларации Объединенных Наций по правам человека и получили твердую поддержку представителей Индонезии, Филиппин и Китая. Представители США и Европы, естественно, выступили против этого. У западных дипломатов, особенно у американских, возникло мнение, что теперь существуют как бы две АСЕАН: в одну входят демократические страны, другая состоит из стран с тоталитарными основами или характеристиками.

Возражение АСЕАН против бойкота Европейским Союзом участия Мьянмы в АSEM также увеличило разрыв между двумя группами по вопросу о правах человека. Что касается попыток западных стран осудить позицию Китая по правам человека в Комиссии ООН, то Япония была единственной азиатской страной, проголосовавшей против предложения Китая на дискуссии в апреле 1997 г. Две азиатские страны - Южная Корея и Филиппины - воздержались, а другие девять азиатских стран (Бангладеш, Бутан, Китай, Индия, Индонезия, Малайзия, Непал, Пакистан и Шри-Ланка) поддержали предложение Китая.

В то время, как китайское руководство верит, что АСЕАН не будет втянута в "сдерживание" Китая, существуют поползновения, которые его беспокоят. Сингапур, очевидно, видит необходимость в поощрении постоянного

присутствия США в Юго-Восточной Азии для его защиты от любых политических выпадов со стороны соседей. В январе 1998 г. он заявил, что даст американским авианосцам и другим военным кораблям доступ на свою новую военно-морскую базу Чанги, строительство которой завершится в 2000 г. Это - очевидное нарушение обязательств АСЕАН превратить Юго-Восточную Азию в "зону мира, свободы и нейтралитета", и Малайзия выразила неудовлетворение сингапурским жестом. Малазийский премьер-министр Махатхир Мохамад отметил, что Малайзия против нарастающего американского военного присутствия, поскольку оно вызовет беспокойство во всем регионе. Тем не менее США и Филиппины в свое время провели переговоры о правовых рамках возобновления военных связей.

До отставки Сухарто в мае 1998 г. администрация Клинтона, казалось, была заинтересована в установлении некоего стратегического партнерства с Индонезией. На саммите АПЕК в Ванкувере в конце 1997 г. было заявлено, что Клинтон запланировал "чрезвычайно важную" встречу с Сухарто. Предполагалось, что оба лидера обсудят возможность двухстороннего военного сотрудничества. В январе 1998 г. в разгар финансового кризиса в Юго-Восточной Азии министр обороны США Уильям Коэн, находясь в Куала-Лумпуре, заявил, что страны Юго-Восточной Азии должны усилить свои военные связи с США и оказывать поддержку войскам США в Азии в количестве 100,000 человек в целях поддержания региональной безопасности. В своей речи Коэн подчеркнул, что войска США нуждаются в материально-техническом обеспечении в Юго-Восточной Азии, возможности проводить военные учения и военную подготовку и в доступе к портовому оборудованию. Американские представители также отметили, что в связи с сокращением военных расходов и отсрочкой приобретения оружия странами ЮВА Вашингтон будет стремиться увеличить американские морские визиты в Юго-Восточную Азию и совместные военные учения, чтобы продемонстрировать военное присутствие США в регионе.

Финансовая сумятица в регионе также укрепила экономические интересы США, которые выступили в качестве бесспорного гаранта региональной политической и экономической стабильности. Когда в ЮВА стало очевидным нежелание принять строгие меры по реструктурированию и экономии, диктуемые Международным валютным фондом, США фонд поддержали, чтобы гарантировать выполнение предписанных им программ. Многие в Юго-Восточной Азии считали, что американские банки и предприятия извлекают выгоду из того, что экономики этих стран станут открытыми.

IV. Территориальные споры Китая со странами АСЕАН

Китай и соответствующие страны АСЕАН не рассчитывают, что их территориальные конфликты по островам Спратли могут быть разрешены в обозримом будущем. Тем не менее, они верят, что их объединяет общий интерес в поддержании мирной и устойчивой обстановки в регионе, чтобы можно было сосредоточиться на экономическом развитии. В последние годы Китай осуществляет военную модернизацию, но не в такой степени, чтобы вызвать тревогу у своих соседей.

В действительности сами страны АСЕАН в это же время, по крайней мере до регионального экономического кризиса 1997-1998 гг., были вовлечены в программы расширения высоких военных технологий. Совершенно необязательно, что при этом они думали о китайской угрозе, так как страны, имевшие самые большие военные расходы - а это Сингапур, Малайзия и Таиланд

- менее всего ощущали угрозу со стороны Китая по сравнению с другими странами-членами АСЕАН. Похоже, что их схемы модернизации вооружений были в большей степени связаны с наличием средств и необходимостью лучшей защиты своих границ и торговли.

То, как быстро китайские лидеры приняли меры по сглаживанию инцидента на рифе Мисчиф в начале 1995 г. (тогда Филиппины обвинили Китай в захвате и строительстве военно-морских сооружений на рифе Мисчиф из группы о-вов Спратли, на которые претендует Манила) хорошо иллюстрирует значение, которое Китай придает своим хорошим отношениям с АСЕАН. Последующее развитие событий показало, что китайские лидеры добились успеха. В марте 1996 г. Китай и Филиппины провели свои первые ежегодные переговоры на уровне заместителей министров с целью разрешить проблемы, вызванные взаимными притязаниями на острова Спратли. Переговоры привели к соглашению о принятии мер об избежании морских конфликтов в Южно-Китайском море и обмене визитами на высоком уровне. Обе стороны также обязались создать "механизм двусторонних консультаций" с целью изучения путей сотрудничества в Южно-Китайском море.

По прошествии двух месяцев последовал визит делегации НОАК, возглавляемой заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом Сюн Гуанкаем. Как было сообщено, обе стороны кратко проинформировали друг друга об организационных структурах своих вооруженных сил. Китайская сторона также отметила, что военным кораблям НОАК отдан приказ держаться в стороне от группы островов Спратли, на которую претендуют Филиппины, во избежание возникновения инцидентов. Это, несомненно, были меры военного доверия, а визиты станут регулярными и распространятся на все страны АСЕАН. Сюн побывал также в Малайзии, Индонезии и Новой Зеландии.

Переговоры по Спратли между Китаем и АСЕАН фактически проводились еще в марте 1995 г. в Ханчжоу, сразу же после инцидента на рифе Мисчиф. На встрече АРФ в начале августа 1995 г. в Брунее китайское правительство впервые отметило, что будет соблюдать международное право на переговорах о суверенитете с претендентами на Спратли. Это было значительной уступкой со стороны Пекина, до этого он просто настаивал на том, что Спратли - китайская территория.

На двусторонних переговорах между Китаем и Филиппинами, прошедших вслед за форумом, обе стороны согласились решать территориальный конфликт на основе международного права, включая (но не ограничиваясь), Конвенцию ООН по морскому праву. Совместное заявление предусматривало также решение территориального спора "без ущерба для свободы навигации в Южно-Китайском море". Китай и Филиппины заявили, что они разработают кодекс поведения, отвергающий применение силы при разрешении их претензий на Спратли. Китай также предложил совместно вести разведку нефти и газа на архипелаге, однако это не вызвало у Филиппин энтузиазма. Достигнутые соглашения, очевидно, подразумевалось использовать на региональной основе. Во многих случаях китайские власти обращались к другим претендентам на Спратли с предложением отложить территориальный спор и вместо этого обсуждать вопрос о совместной разработке ресурсов.

Филиппины, тем не менее, заявили, что они будут добиваться международной поддержки в вопросе о Спратли, "если Китай продолжит укреплять там свое присутствие". У них есть договор об обороне с США, но последние не считают, что договор распространяется на район островов Спратли, на которые претендуют Филиппины, и призывают к мирному разрешению терри-

ториального спора. Но командос (the SEALs) ВМС США были вовлечены в подготовку филиппинских войск, дислоцированных неподалеку от Спратли. Точно так же сообщения о совместных морских учениях США и Филиппин, а также о филиппинской заинтересованности в приобретении нескольких истребителей F-16, которые сначала планировалось поставить в Пакистан, беспокоили китайских лидеров и могли привести к трениям в китайско-американских отношениях. Очевидно, на встрече АРФ в Брунее китайским представителям не удалось добиться от США гарантий того, что они перестанут "вмешиваться" в территориальный спор по Спратли.

Дальнейший прогресс был достигнут в 1997 г. В апреле на ежегодных консультациях между китайскими высшими официальными лицами и их коллегами из АСЕАН в Хуаншане (провинция Аньхой) обе стороны впервые включили вопрос о Спратли в официальную повестку дня с тех пор, как в 1995 г. начались консультации. Официальный представитель АСЕАН отметил, что хотя в основных позициях сторон и не произошло никаких подвижек, атмосфера на переговорах изменилась. Касаясь применения морского права, представитель заявил: "Тон и настроение улучшились. Что нам теперь нужно, так это мобилизовать политическую волю, чтобы добиться реального прогресса, а техническая сторона дела не заставит себя ждать."

Территориальные споры Китая с АСЕАН еще более осложнились в результате вступления Вьетнама в АСЕАН в 1995 г. Вьетнам, естественно, хочет получить поддержку АСЕАН, чтобы оказывать давление на Китай. В то время, как в спор за Спратли вовлечены Китай, Тайвань, Малайзия, Бруней, Филиппины и Вьетнам, последний имеет разногласия и по сухопутной границе с Китаем, так же как и претензии на суверенитет континентального шельфа в Тонкинском заливе и Парасельских островах. Страны нормализовали свои отношения в ноябре 1991 г., а в октябре 1992 г. договорились вести переговоры по сухопутной границе и другим территориальным спорам.

Согласно Рамзесу Амеру, китайско-вьетнамские отношения с момента нормализации связей в конце 1991 г. характеризовались расширением и усилением экономического и политического сотрудничества, а также колеблющимся уровнем напряженности по территориальным проблемам. В январе 1998 г., например, вьетнамские официальные СМИ сообщили о территориальных конфликтах с Китаем вдоль пограничной реки за последние месяцы. Еще раньше, в ноябре 1997 г. Ханой также выразил протест Пекину после того, как последний передал права на эксплуатацию американской нефтяной фирме Atlantic Richfield в водах, на которые Ханой претендует как на свою исключительную экономическую зону. Похоже, что незначительные инциденты продолжают, но в то же время обе страны пытаются избежать любой значительной эскалации конфликтов. При таких обстоятельствах Китай и Вьетнам должны скоро прийти к соглашению относительно "кодекса поведения", возможно, по линиям двух "кодексов поведения", согласованных в 1995 г. соответственно, Филиппинами и Китаем, и Филиппинами и Вьетнамом.

Похожая ситуация сложилась у Китая и Филиппин по островам Спратли. В мае 1997 г. Филиппины приветствовали закрытие казарм и уход китайских боевых кораблей из района островов в Южно-Китайском море. В июле 1997 г. китайское правительство, в свою очередь, осудило военноморской флот Филиппин за уничтожение китайских маркеров на шельфе спорных островов Спратли и расценило это как "серьезное нарушение китайского суверенитета". В то же время страны начали обмен информацией по морским технологиям, что является частью мер по снижению напряженности в архипелаге.

У. Экономическое сотрудничество между Китаем и АСЕАН

Торговля между Китаем и АСЕАН за последние годы неуклонно расширялась, увеличившись с 11,62 млрд. долл. в 1993 г. до 21,09 млрд. долл. в 1996 г. Несмотря на быстрый рост китайской внешней торговли в этот период, доля АСЕАН в ней выросла с 5,94% в 1993 г. до 7,27% в 1996 г. АСЕАН стала важным источником иностранных инвестиций для Китая, которые выросли с 1,21 млрд. долл. в 1993 г. до 3,19 млрд. долл. в 1996 г. Уровень роста был действительно впечатляющим, но основной объем инвестиций (70,5%) исходил из одного лишь Сингапура. Широко известно, что фактические инвестиции АСЕАН в Китае значительно больше, чем это отражается официальной статистикой, так как некоторые инвестиции из региона, особенно от зарубежных китайцев, идут в Китай через Гонконг и другие страны и таким образом остаются незамеченными. В силу экономических трудностей в регионе в 1997-1998 гг. поток инвестиций в Китай из АСЕАН временно сократится. В экономическом обмене между Китаем и АСЕАН зарубежная китайская сеть играла весьма значительную роль. Согласно данным гоминьдановского правительства в Тайбэе, в конце 1997 г. численность зарубежных китайцев равнялась 33,24 млн., из которых 81% приходится на Азию и 14,2% на Америку. Большинство зарубежных китайцев происходит из прибрежных провинций Гуандун, Фуцзянь, Гуанси (автономный район), Хайнань, Шаньдун, Чжэцзян и внутренней провинции Юньнань, особенно из провинций Гуандун и Фуцзянь.

Последние две провинции даже до 1949 г. смогли привлечь значительные инвестиции зарубежных китайцев. Большая часть китайцев из Гуандуна и Фуцзяни ныне проживает в Юго-Восточной Азии, где они обладают значительным экономическим влиянием. Одна из оценок 1997 г. показала, что капиталы зарубежных китайцев исчисляются 200 млрд. долл., свыше 90% которых приходится на Юго-Восточную Азию (вторая половина года, до кризиса). Другой анализ, 1995 г., обнаружил, что в Сингапуре имелось свыше 20 деловых групп зарубежных китайцев, каждая с капиталом свыше 100 млн. долл., в Малайзии около 40 деловых групп, каждая с капиталом свыше 200 млн. долл. и на Филиппинах 10 таких групп, каждая с капиталом свыше 100 млн. Деловые группы зарубежных китайцев занимают весьма прочные позиции также в Индонезии и Таиланде. Токийская Fujitsu Research исследовала зарегистрированные компании в шести азиатских странах. Обнаружено, что подавляющее большинство из них принадлежит зарубежным китайцам: 81% в Таиланде, 81% в Сингапуре, 73% в Индонезии, 61% в Малайзии и 50% на Филиппинах. Согласно данным Бустанила Арифина, бывшего индонезийского министра, небольшие и средние компании использовали половину всей рабочей силы в большинстве азиатских стран, а китайцам принадлежало 90% этих компаний.

В 1980-х гг. инвестиции зарубежных китайцев в Китае главным образом поступали из Гонконга и Макао, а небольшая часть из Юго-Восточной Азии. В 1990-х гг. в связи с улучшением отношений между Китаем и странами ЮВА и продолжающимся процессом открытости Китая бизнесмены, особенно лидеры крупных деловых групп китайских этнических общин Юго-Восточной Азии, изменила своё осторожное отношение к Китаю предшествующего десятилетия, и их инвестиции в Китае стали быстро расти. Многие из них делают вложения в тех районах Китая, откуда родом их предки. Помимо постоянного улучшения инвестиционной обстановки в Китае другим значимым фактором в деле привлечения инвестиций зарубежных китайцев послужили колоссальные усилия органов правительства КНР всех уровней, отвечающих за связи с зарубежными китайцами.

Недавний экономический кризис в Юго-Восточной Азии может, однако, изменить ситуацию. Весной 1998 г. индонезийцы китайского происхождения стали основными объектами нападений в ходе антиправительственных беспорядков. Это подтолкнет общины этнических китайцев АСЕАН к тому, чтобы диверсифицировать свои инвестиции и направить капитал в другие страны, включая Китай. В то же время, крах кредитной системы и валютные кризисы сделали правительства АСЕАН весьма чувствительными к оттоку капитала. Попытки китайских властей привлечь инвестиции зарубежных китайцев создадут в обозримом будущем трения с правительствами АСЕАН. Естественно, китайские официальные лица также предвидят спад инвестиций из АСЕАН.

Во время беспорядков в Индонезии весной 1998 г. китайское правительство занимало сдержанную позицию. Оно осознавало, что мало чем может помочь этническим китайцам, ставшим объектами нападений. Резкие протесты могли дать нежелательные результаты, так как могли вызвать у местного населения еще большие антипатии в отношении этнических китайцев и подтвердить подозрения АСЕАН о существовании связей между китайскими властями и китайскими этническими общинами.

Сдержанность Китая и его финансовая поддержка АСЕАН в период последнего экономического кризиса укрепили взаимное доверие между Китаем и АСЕАН. Как самый большой заемщик Мирового банка, Китай с середины 1999г. больше не будет получать низкопроцентных займов от Ассоциации международного развития, этой дающей руки Мирового банка. В августе 1997 г. КНР предложила 1 млрд. долл. Таиланду, чтобы помочь преодолеть финансовый кризис. Точно также она предоставила помощь Индонезии. В декабре 1997 г. на встрече в верхах между АСЕАН и Китаем, Японией и Южной Кореей в Куала-Лумпуре Цзян Цзэминь пообещал 4-6 млрд. долл. для проектов Международного валютного фонда в поддержку стран ЮВА, а также участие в других программах помощи. Китайские лидеры пообещали не девальвировать национальную валюту, чтобы избежать нового круга состязательной девальвации азиатских валют. Они считают это важным вкладом Китая в стабилизацию финансовых рынков Азии, пожертвованием со стороны Китая, и это признается представителями АСЕАН.

VI. Тайваньский вопрос

В ответ на наступление единым фронтом китайских властей с целью привлечения инвестиций из Тайваня, тайбэйское правительство в 1994 г. официально начало политику "похода на Юг", поощряя деловому сообществу Тайваня инвестировать свои капиталы в Юго-Восточной Азии. Администрация Ли Дэнхуэя была озабочена растущей экономической зависимостью Тайваня от континентального Китая. К июню 1995 г. совокупные инвестиции Тайваня по договорам в странах АСЕАН и Вьетнаме достигли 25 млрд. долл., из которых 21,6 млрд. долл. приходится на период после 1988 г.

Такая сумма инвестиций, очевидно, дала Тайбэю значительные возможности для укрепления дипломатического положения Тайваня. В феврале 1994 г. Ли Дэнхуэй во время отпуска посетил Индонезию и Филиппины и имел встречи с президентом Сухарто и президентом Фиделем Рамосом, на которых были достигнуты договоренности об экономическом сотрудничестве. Эта поездка также явилась первым за более чем 40 лет визитом президента Тайваня в страны Юго-Восточной Азии. В глазах лидеров КНР визит рассматривался как часть усилий Тайбэя по консолидации ситуации "один Ки-

тай - две политические системы". Они сочли, что Ли поддерживает воссоединение лишь на словах, а фактически проводит политику независимости Тайваня.

В 1998 г. Тайбэй намеревался извлечь значительную выгоду из экономического кризиса в Юго-Восточной Азии, чтобы укрепить здесь свои дипломатические позиции. Инвестиции с Тайваня стали еще более привлекательными в период экономических трудностей. В январе 1998 г. высокопоставленная делегация деловых кругов Тайваня посетила Филиппины, Таиланд, Индонезию и Малайзию. Делегацию возглавлял Цянь Пинькун, глава Совета по экономическому планированию и развитию. Цянь также сопровождал премьера Тайваня Винсента Сю Ваньчана во время его визита в Индонезию, но Сю отказался подтвердить или опровергнуть свою встречу с президентом Сухарто. Как и ожидалось, Пекин обвинил Тайбэй в том, что он использует экономический кризис, который охватил регион, чтобы покупать друзей.

Очевидно, что тайваньский вопрос продолжает быть источником трений в отношениях Китая со странами АСЕАН. Последние, несомненно, не склонны жертвовать взаимовыгодными экономическими связями с Тайванем ради умиротворения Китая. Например, торговля Тайваня с Малайзией в 1997 г. составила 7,3 млрд. долл., при этом Тайвань импортирует из Малайзии товаров на сумму 4,23 млрд. долл., а экспортирует в Малайзию на 3,04 млрд. долл. Тайвань - четвертый крупнейший торговый партнер Малайзии после Японии, Сингапура и США. Но страны АСЕАН уважают позицию Пекина и не имеют намерений нарушать признание правительства Китайской Народной Республики как единственного законного правительства Китая.

Однако политика "похода на Юг" правительства Тайваня имеет ограниченную поддержку деловых кругов острова, особенно после переворота в Камбодже в середине 1997 г. и беспорядков в Индонезии в мае 1998 г., когда тайваньским инвесторам был нанесен большой ущерб. Уже есть признаки того, что деловые люди Тайваня перестали инвестировать капиталы в Индонезии, направив их в континентальный Китай. Тайваньские бизнесмены и этнические китайцы из других районов мира открыто обратились к Ли Дэньхуэю с просьбой притормозить активное поощрение инвестиций в Юго-Восточной Азии. Тем временем Пекин пообещал ввести пакет дополнительных мер, призванных повысить степень защищенности тайваньских инвесторов. Тайваньские власти, в свою очередь, предостерегли тайваньских инвесторов в Индонезии от инвестирования капиталов в континентальный Китай, поскольку экономика последнего неустойчива. Очевидно, политика тайваньского правительства "никакой спешки, быть терпеливыми" оспаривается деловым сообществом Тайваня.

VII. Заключение

С начала 1990-х гг. китайские лидеры были вынуждены вырабатывать когерентную региональную политику, признав возрастающее значение экономического регионализма и региональных торговых блоков. В 1991 г. Китай стал партнером по диалогу с АСЕАН, членом АПЕК и выразил поддержку предложению Малайзии по созданию Восточно-азиатского экономического форума без участия США. Направления для институциональной структуры, усиливающей экономическое сотрудничество стран Восточной и Юго-Восточной Азии, все еще изменчивы, но они сильно повлияют на роль США и Японии в регионе. Китай не может себе позволить оказаться вне процесса формирования институциональной структуры.

Китаю необходима мирная международная обстановка, чтобы сосредоточиться на экономическом развитии. Поэтому руководство Китая отдает предпочтение многополярному миру, в котором крупные державы могут развивать дружественные связи друг с другом и в котором никто не проигрывает. И Китай, и АСЕАН намерены играть более значительную роль в АТР и в международном сообществе, особенно в ООН. Их цель - не оставаться в проигрыше и пользоваться возможностью опираться на взаимную поддержку. Азиатско-тихоокеанский регион нуждается в эффективных представителях на переговорах с западными странами в различных международных организациях. Китай и АСЕАН на основе тесных двусторонних и региональных консультаций могут вместе добиться такой роли. В конце концов, у них нет никакого намерения изолировать друг друга в региональных делах.

Однако существует разница в подходах и интересах, которую следует признавать и согласовывать. Более активное участие Китая в региональных организациях и инициативы АСЕАН по формулированию региональных интересов, безусловно, внесут вклад в это признание и согласование. Многосторонний диалог и сотрудничество жизненно важны на данном этапе для укрепления доверия и ослабления напряженности, а обнадеживающе устойчивые, дружественные и взаимовыгодные отношения между Китаем и АСЕАН помогут обуздать взрыв национализма и неонационализма в этих странах. Акцентирование внимания АСЕАН на процессе "Трек-2" через различные дипломатические инициативы весьма выгодны и Китаю.

Лидеры АСЕАН, включая Вьетнам, убеждены, что Китай нуждается в мирной международной обстановке, чтобы сосредоточиться на экономическом развитии. Большие опасения у них вызывает Китай 2020 года и далее, когда его экономическая мощь и военные возможности, предполагается, достигнут значительного прогресса. Это означает, что китайское руководство выиграло время, а экономическая взаимозависимость, возможно, наиболее значительный стимул для избежания конфликтов. Ответственное поведение китайского правительства в региональном экономическом кризисе 1997-1998 гг. является важным показателем. Китайские лидеры рассматривают экономический кризис как возможность для укрепления экономических связей с АСЕАН и, похоже, они будут рассматривать экономическое сотрудничество Китая и АСЕАН в долгосрочной перспективе.

Модернизация кадровой политики КНР в условиях рынка

© 1999

А. Копков

Изменения в кадровой политике КНР стали действительно актуальны с момента вступления страны на пути реформ. О необходимости качественного изменения подходов в кадровой политике неоднократно заявляли высшие руководители КНР, так еще в 1980 г. главный конструктор китайских реформ Дэн Сяопин указывал на ряд существенных недостатков существовавшей кадровой системы. "У нас нет правил, говорил он, - четко определяющих порядок набора, поощрения, наказания... отсеивания кадров; для каждого работника, независимо от того, хорошо он справляется с обязанностями или нет, обеспечена "неразбиваемая железная чашка риса"¹. Существенным шагом на пути кадровой реформы стала разработка в 1987 г. первого варианта "Временного положения о государственных служащих". После длительного экспериментального применения и внесения с учетом полученного опыта соответствующих поправок, 24 апреля 1993 г. на 2-м заседании Постоянного Бюро Государственного совета КНР "Временное положение о государственных служащих" было принято официально.² Это решение явилось адекватной мерой для обеспечения дальнейшего углубления перестройки хозяйственного механизма КНР. Помимо утверждения документом таких конструктивных начал как гласность, гарантия равных возможностей, соревновательность и отбор лучших при приеме на службу, четкое определение цензов и условий, которым должны отвечать лица, назначаемые на должности, и которые служат основанием для зачисления в штаты, аттестации и повышении в ранге и т.д., следует отметить изменения в трактовке самого понятия "кадры" (*ganbu*). Из всеобъемлющей категории "кадры" выделена категория государственных служащих, как лиц, занимающих штатные должности в административном аппарате. В Статье 3. Временного положения четко сказано, что оно распространяется на сотрудников государственных административных органов всех ступеней за исключением рабочих и обслуживающего персонала. Другими словами, в рамках государственных административных органов под "кадрами" понимаются государственные служащие с четко определенной должностной компетенцией на основании "Временного положения о государственных служащих" и других нормативных актов.

В духе решения проблем кадрового управления путем создания научной основы с соответствующей интерпретацией понятий, трактовка понятия "кадры" за пределами государственных административных органов также претерпела изменение. Было определено новое понятие "специалисты" (*gensai*), а принципы управления специалистами были заложены во

“Временном постановлении об управлении рынком специалистов”, принятом Министерством кадров Китая 1 апреля 1996г. Помимо теоретического пути решения проблемы, необходимо отметить решение проблемы на эмоциональном уровне. В официальных документах имеющих отношение к данной теме, и принятых после 1993 г., слово кадры практически не употребляется в традиционном для Китая иероглифическом написании (*ganbu*). Зачастую тот же смысл выражается другими иероглифами. Таким образом идет блокирование ассоциаций с недостатками и пороками как существовавшей ранее “кадровой системы *ганьбу*”, так и с порочным стилем работы самих кадровых работников (*ganbu*). Подобный подход к решению проблемы вполне отвечает особенностям политической культуры Китая. Понимание этого может явить собой конструктивное начало в диалоге мнений по проблеме модернизации кадровой политики КНР.

Если говорить об изменениях в кадровой политике “за пределами государственных административных органов”, то в первую очередь необходимо рассматривать проблему формирования в Китае “рынка специалистов” (*rencai shichang*). В основе модернизации кадровой политики лежат не только экономические, но и политические предпосылки. Определенные демократические преобразования в обществе, некоторое влияние западной политической культуры не могли не сказаться в области административного управления персоналом. Достаточно отметить, что красной нитью через все теоретическое обоснование “рынка специалистов” проходят такие понятия как “права” вообще и “право выбора” в частности. Вокруг этих двух понятий строится вся логическая схема оправданий и доказательств. Однако, в качестве базисной предпосылки, определившей прохождение преобразований в этой области именно в “рыночном” направлении, рассматриваются экономические реформы в КНР. Переход от плановой экономики к рыночной коренным образом меняет характер распределения трудовых ресурсов (*renli ziyuan*). Механизмы их планового распределения постепенно подчиняются законам рыночной экономики. В соответствии с теоретическими разработками китайских ученых, создание в Китае “рынка специалистов” является закономерностью развития “социалистической рыночной экономики”, объективной необходимостью которой, является реализация рационального сочетания всех составляющих элементов производительных сил.³ Рабочая сила (*laodongli*) является основным составляющим производительных сил, а специалисты, в свою очередь, являются важнейшей частью самой рабочей силы. Соответственно, при условии включения специалистов в рынок, под действием закона спроса и предложений, закона стоимости, представляется возможным урегулировать сочетание основных элементов производства, добиться рационального размещения производительных сил и повышения эффективности общественного производства. Таким образом, создание рынка специалистов, а, следовательно, содействие их рациональному перемещению, является объективно необходимым для рыночной экономики Китая.

Создание рынка специалистов направлено на преодоление сложившейся ранее системы кадрового управления. В период высокоцентрализованной плановой экономики в Китае была создана система “полного устройства и распределения” (*tongbao tongpei zhidu*). Подобная система характеризовалась “возможностью войти в структуру и нереальностью выйти из нее”, “пожизненным распределением в учреждения”⁴ и т.д. Другими словами компетенция управления и использования специалистов были максимально сосредоточены в учреждениях по месту работы. Практически была сформирована непробиваемая система монопольной собственности государства на тру-

довые ресурсы. Отсутствие в подобной системе каких-либо элементов рынка, права выбора как у самих учреждений так и у кадровых работников, привело к серьезному нарушению баланса в соотношении спроса и предложений по кадрам. Основные качественные характеристики сформировавшейся тогда системы управления в корне подрывали инициативу кадров, и были причиной большинства регрессивных начал.

Создание рынка специалистов необходимо при условии гарантии "прав двух сторон" (shuangxiang quanli), реализации принципа "выбора двух сторон" (shuangxiang xuanze), другими словами при условии гарантии соответствующих прав и предоставлении выбора как предприятиям, практическим учреждениям, так и специалистам всех категорий, что в свою очередь необходимо для максимального проявления их активности и конструктивности в работе. В условиях "социалистической рыночной экономики" Китая, где определяющую роль играет государственное регулирование, все предприятия, практические учреждения государственной, коллективной, индивидуальной, частной собственности, а также предприятия с участием иностранного капитала являются относительно независимыми хозяйственными субъектами; это допускается, с одной стороны, помимо осуществления соответствующей хозяйственной деятельности определенную самостоятельность учреждений в проведении кадровой политики, с другой стороны предоставление рабочему персоналу права самостоятельного выбора вида деятельности. Таким образом, сам "рынок" является формированием, где его участникам предоставляется возможность в условиях равной конкуренции максимально проявить свои способности, одновременно создаются и наиболее выгодные для них условия, т.к. предприятиям, учреждениям, нуждающимся в сотрудниках, также предоставляются равные условия конкуренции для набора персонала.

Создание рынка специалистов является необходимым при условии изменения существующего их нерационального размещения. В настоящее время в Китае помимо нехватки высокопрофессиональных кадров очевидно их нерациональное территориальное и отраслевое размещение. Например, в центре каждой провинции проживают более 60% всех научно-технических работников соответствующей провинции. Если рассмотреть отраслевое размещение, то в сельском хозяйстве, которое является базой китайской экономики, занято только 4.3% научно-технических работников.⁵ В среднем на каждые 10 тыс. человек занятых в сельском хозяйстве научно-технических работников приходится только 22 человека. Следует отметить низкий коэффициент использования научно-технических работников. Приблизительно 40% научно-технических работников не в достаточной степени заняты работой, около 2/3 научно-технических работников не в состоянии должным образом проявить свои способности.⁶

В широком смысле, под рынком специалистов понимается совокупность их спроса и предложений. Предложение формируется, прямо либо косвенно, не только самими специалистами, но и органами подготовки специалистов, а также предприятиями, учреждениями места их работы. Спрос, в свою очередь, формируется за счет структур где востребованы специалисты.⁷ В узком же значении под рынком специалистов подразумеваются структуры, где непосредственно для специалистов и учреждений, нуждающихся в них, на основании принципа "выбора двух сторон" предоставляются соответствующие рабочие механизмы с обеспечением определенных условий. К таким "посредническим структурам" (zhongjie jigou) относятся организации, специально или по совместительству, занимающиеся предоставлением посреднических и других социальных услуг учреждениям, нуждающимся в сотрудниках,

и отдельным лицам.⁸ Такие рынки по своим масштабам и направленности могут быть соответственно центральными, региональными и отраслевыми.

Под специалистами в широком смысле этого слова понимаются лица с высшим специальным образованием. Необходимо отметить, что к категории специалистов также относятся и государственные кадровые работники (guojia ganbu) как имеющие, так и не имеющие высшего образования, но не прошедшие аттестационных экзаменов на получение статуса государственного служащего (guojia gongwuyuan). Де-факто они обладают опытом практического административного управления, а поэтому могут считаться специалистами; де-юре им предоставлены определенные права в выборе вида деятельности, и поэтому они могут быть включены в рынок как специалисты. По мнению китайских политологов это очевидное противоречие в теоретическом обосновании на практике носит временный характер и может быть разрешено естественным путем по мере достижения этими кадровыми работниками пенсионного возраста.

Особенностями рынка специалистов являются: 1) интеллектуальность и профессионализм, т.к. подразумевается наличие установленного уровня образования по соответствующей специальности. 2) независимость; в условиях рынка, учреждения, нуждающиеся в сотрудниках, и сами специалисты обладают правом независимого выбора в соответствии с принципом "выбора двух сторон". Специалисты независимы в выборе работы равно как и учреждения свободны в подборе и увольнении персонала в порядке определенном нормативными актами. Это безусловно является сильнейшим ударом по традиционной системе управления кадрами и модели "единого устройства и распределения". Необходимо отметить, что учитывая "китайскую специфику", неравномерное экономическое развитие страны, нужды строительства важных стратегических объектов, государство оставляет за собой право командного распределения специалистов. Поэтому, в данном случае можно говорить лишь об относительной независимости, но не об абсолютной. 3) преобладание экономических приоритетов; в условиях рынка перемещение специалистов главным образом будет зависеть от совокупности предлагаемых условий труда, где важное место занимают материальные блага. 4) договорный характер; в условиях рынка специалист и учреждение работодатель после обоюдного согласия должны подписать трехстороннее соглашение о приеме на работу, соответственно между специалистом, учреждением работодателем и компетентным кадровым органом. Под последним следует понимать посреднические организации рынка специалистов, которые по поручению органов кадровой администрации правительств, в соответствии с законом, занимаются вопросами управления личными делами перемещающихся служащих, сбора на них материалов аттестаций на соответствие должностному рангу, рассмотрения государственными органами выездных дел, фонда страхования, экспертизы договоров и другой соответствующей профессиональной деятельностью.⁹ В соглашении должны быть четко определены права и обязанности сторон, срок работы, объем работы, размер оплаты труда и другие условия. Соглашение вступает в законную силу после его подписания. Учреждению-работодателю принадлежит только право краткосрочного управления специалистом в пределах установленных прав и на период определенный соглашением, а право долгосрочного управления принадлежит все же государству через структуры общественного управления, то есть органы где специалист состоял на учете и где находилось его личное дело. Появление понятия "долгосрочного управления" объясняется с одной стороны "китайской спецификой", особенностями экономического развития, с другой стороны бережным отношением к

“интеллектуальному фонду страны”, опасением за “утечку мозгов”. 5) возможность государственного регулирования; учитывая недостаточное комплексное развитие современного Китая, интересы всего общества являются приоритетными. Для комплексного повышения уровня национальной экономики и благосостояния народа необходимо обеспечить народное хозяйство соответствующими специалистами, материальными и финансовыми ресурсами. Поэтому, для обеспечения специалистами основных объектов строительства государство оставляет за собой право использовать административно-командные методы руководства. Другими словами, правительство, руководствуясь интересами государства и всего общества, методами планового распределения обеспечивает специалистами ключевые объекты строительства в различных отраслях: оборонной, области высоких технологий, сельском хозяйстве, энергетике, образовании.

Управление специалистами рассматривается китайскими политологами как управление самым важным стратегическим ресурсом государства. В новых условиях, когда речь идет о создании рынка специалистов, государство отказывается от старых форм прямого чрезмерно централизованного управления кадрами, и берет на себя функции косвенного концептуального руководства рынком специалистов. Отслеживая тенденции изменения спроса и предложения на рынке, перемещения основных потоков, интенсивность их перемещения, прогнозируя перспективы развития рынка, правительство разрабатывает соответствующие директивы и нормативные акты. Разработка соответствующего правительственного курса и создание достаточной нормативной базы - является основной задачей правительства в смысле его участия на рынке специалистов. В настоящее время в Китае причиной большинства трудовых споров и конфликтных ситуаций является несоответствие существующей правовой базы процессам, которые явились результатом предоставления самостоятельности предприятиям в проведении кадровой политики, а служащим независимости в выборе вида деятельности. Создавая достаточную правовую базу возможно не только осуществлять косвенное управление рынком специалистов, но и добиться соответствия деятельности сторон участниц рынка государственным и общественным интересам, обеспечить защиту законных прав и интересов всех сторон рынка, а также справедливого разрешения всех возникающих споров. Для этого правительство учреждает арбитражные органы по кадровым вопросам, стараясь таким образом обеспечить справедливое управление специалистами, их должное перемещение. Арбитражные органы призваны разрешать кадровые споры, пресекать злоупотребления допущенные при устройстве, переводе и отстранении от должности служащих; они имеют право вести расследование и принимать решения по кадровым спорам. Весь процесс рассмотрения дела должен проводиться открыто, а стороны, участвующие в споре, имеют право приглашать на заседания свидетелей и защиту. Вариантом косвенного участия является и создание при органах кадровой администрации правительств посреднических структур рынка, которые, используя все допустимые соответствующими нормативными актами средства и механизмы, содействуют трудоустройству специалистов, их максимальному соответствию требованиям предлагаемых вакансий. К формам участия можно отнести и создание государственных структур по оценке уровня профессиональной подготовки специалистов, что в свою очередь является важным показателем при устройстве на службу, продвижении по службе, присвоении почетных званий, наград и т.д. Кроме этого, государство создает и совершенствует различные системы страхования на случай потери работы, что необходимо при условии свободного выбора рода занятий и свобод-

ного перемещения специалистов. Система должна обеспечивать прожиточный минимум на период ожидания трудоустройства и потери работы, в виде предоставления материальной помощи, пособий по безработице и т.д.

Уже сейчас на основании опубликованных статистических данных можно судить о тенденциях развития рынка специалистов. В первую очередь нужно отметить что объемы и темпы перемещения будут постоянно возрастать. С одной стороны, предоставление специалистам права самостоятельного выбора вида деятельности, альтернативность условий труда; с другой стороны, претензии большого числа специалистов к настоящему месту работы - все это является факторами определяющими перемещение, а если учесть постоянную необходимость в специалистах возрастающего числа предприятий негосударственной собственности, то их перемещение представляется вполне реальным. На данном этапе китайскими социологами выделяются два основных фактора определяющих перемещение специалистов: 1) материальные блага; 2) перспективы личностной самореализации. Стремление специалистов, используя предоставленные свободы, изменить существующее положение, стать еще одним примером реализации "американской мечты" на практике породило немало проблем, которые в той или иной степени сопряжены с несбалансированностью экономического развития. Так, в регионах с развитой экономикой наблюдается жесточайшая конкуренция среди специалистов, в то время как в экономически отсталых районах ощущается их нехватка. На данном этапе правительство пытается решить эту проблему путем создания на базе посреднических структур рынка специалистов единой информационной сети по существующим вакансиям. Подобная сеть призвана обеспечить не "слепое" перемещение специалистов в надежде на удачу, а направленное перемещение с определенным адресатом.

Если говорить о направлениях перемещения, то можно прогнозировать отток специалистов всех категорий из традиционных отраслей в пользу новых сфер производства. Межотраслевое перемещение будет все более оживленным. За последние годы в Китае появилось много новых сфер деловой активности, это финансы, страхование, недвижимость, туризм, информация и т.д. Перспективы развития этих сфер в стране необозримы, что является основным фактором привлечения новых кадровых ресурсов за счет традиционных отраслей производства. Об этом свидетельствуют статистические данные. Например, только в Шанхае уже в 1992 г. общее количество специалистов занятых в сфере финансов и страхования увеличилось на 8.5%.¹⁰

Учитывая преобладание рыночных механизмов в сферах хозяйствования, профессиональная подготовка специалистов будет определяющим фактором их трудоустройства. Низкий уровень профессиональной подготовки является острой проблемой существующего рынка специалистов в Китае. С одной стороны структуры, нуждающиеся в специалистах, с другой стороны огромное количество специалистов в поисках подходящего места работы; если учесть еще массовый переход специалистов без надлежащей профессиональной подготовки из традиционных отраслей производства в новые сферы деловой активности, то противоречие возникающее между спросом и предложением можно разрешить только путем прохождения соответствующей подготовки. Если рассудить от обратного, то желание специалистов быть трудоустроенными является стимулом к повышению своих профессиональных качеств.

Можно предположить, что оказание услуг по перемещению специалистов преобразуется в отдельную самостоятельную сферу (отрасль) деловой активности, когда перемещение работников главным образом будет зависеть от предоставления посреднических услуг самостоятельными и независимыми

соответствующими организациями. В настоящее время это рассматривается лишь как дело будущего, так как в действительности перемещение специалистов главным образом осуществляется посредством посреднических организаций рынка, которые в соответствии с "Временным постановлением об управлении рынком специалистов" подчинены кадровым органам правительства и не могут заниматься соответствующей деятельностью с целью получения прибыли.¹¹

Теоретические разработки по рынку специалистов на практике были представлены "Временным постановлением об управлении рынком специалистов". Постановление было принято Министерством кадров Китая и опубликовано в газете "Жэньминь жибао" 1 апреля 1996 года. В документе дается определение посредническим организациям рынка специалистов, формулируются требования к ним и определяется их сфера деятельности. Кроме этого регламентируется деятельность сторон участниц рынка, это предприятий, учреждений, нуждающихся в специалистах, и непосредственно специалистов. Учитывая неравномерное региональное развитие Китая, принятое Постановление носит исключительно директивный характер. На основании статей Постановления, с учетом реальной ситуации в регионе, местные законодательные органы были призваны принять соответствующие нормативные акты по управлению местными рынками специалистов. Например, "Постановление об управлении рынком специалистов в г.Пекине" было принято 16 октября 1997г. ПК СНП г.Пекина и вступило в действие с 1 января 1998г.

По сведениям пекинского управления по кадрам (renshi ju), и канцелярии по управлению рынком специалистов (rencai shichang guanli bangongshi), в настоящее время основными объектами оказания услуг на рынке специалистов являются выпускники текущего года высших и средних специальных учебных заведений, административные работники, научно-технические и инженерно-технические работники. Необходимо отметить, что по мере практического управления рынком специалистов, было изменено теоретическое представление самого понятия "специалисты", которое было взято за основу в 1995-1996гг. Если ранее в теоретических разработках к специалистам относились лица только с высшим специальным образованием и т.д. по определению, то в настоящее время рамки этого понятия значительно расширены. Министерство кадров КНР, с учетом действительности и опыта практического управления, определяет понятие "специалиста" следующим образом: 1) лица обладающие средним специальным образованием и выше; 2) лица имеющие любую категорию научно-технического или инженерно-технического работника; 3) лица занимающие пост научно-технического или инженерно-технического работника.¹²

Сегодня в Пекине насчитывается более 90 посреднических организаций оказывающих услуги по устройству специалистов, например: проведение собраний по перемещению специалистов, предоставление рекомендаций, информационная поддержка, организация обучения, подготовка специалистов, проведение квалификационных экзаменов, управление личными делами и т.д. Наиболее действенной формой организации трудоустройства считаются собрания по перемещению специалистов, то есть собрания по приглашению на работу специалистов на конкурсной основе, собрания по проведению встречи выпускников высших учебных заведений для ознакомления со "спросом и предложением" рынка специалистов.¹³ Эффективность проведения таких собраний подтверждает статистика: 44% организаций от общего числа участвующих в собраниях на уровне города набирают нужный персонал и 48% от общего числа участвующих специалистов трудоустраиваются; в то время как 18.4% находят работу по объявлениям, 12.3% находят работу через другие по-

среднические организации и 20.7% через знакомых.¹⁴ Проведение крупномасштабных (уровня города и выше) собраний по перемещению специалистов носит сезонный характер, главным образом они проводятся весной и осенью.

Актуальность создания действенных механизмов трудоустройства особенно очевидна в контексте последних экономических и политических преобразований в Китае. Рыночная экономика диктует свои условия. С одной стороны нерентабельность целого ряда государственных предприятий, с другой стороны внедрение новых производственных технологий, плюс ко всему утвержденный на первой сессии ВСНП 9-го созыва план реорганизации структур Госсовета - все это привело к появлению избыточной рабочей силы, соответственно и специалистов. По данным ИТАР-ТАСС только в результате перестройки всей структуры административных органов страны, не менее 4 млн. из 8 млн. кадровых служащих будут сокращены к 2000 году.¹⁵ Учитывая реальную обстановку в стране правительство КНР отменило в 1998г. прием на государственную службу новых сотрудников. Данное решение было принято во исполнение утвержденного плана реформы Госсовета, число министерств и ведомств которого сокращено с 40 до 29. По данным Министерства труда дальнейшая интенсификация реформы государственных предприятий приведет к увольнению еще 3.5млн. рабочих и служащих. Всего в 1997г. в городах работу потеряли 11.51 млн. человек, в том числе 7.87 млн. рабочих и служащих государственных предприятий.¹⁶ К концу нынешнего года официальное количество безработных в Китае может достигнуть как минимум 100 млн. человек. В настоящее же время количество официально зарегистрированных безработных достигает 10 млн. человек. По мнению китайских экспертов фактическая цифра безработных намного выше. Только в сельской местности общее количество избыточной рабочей силы достигает почти 250 млн. человек.¹⁷ Из выше приведенных статистических данных видно, что скорейшее решение проблемы повторного трудоустройства высвобожденных рабочих и служащих - приоритетная задача китайского правительства. По данным Министерства труда сегодня в Китае безработица составляет 6-7 процентов.¹⁸ Этот показатель является рекордным за последние 50 лет. Специалисты прогнозируют, что в ближайшие два года тенденция роста безработицы будет сохраняться. "Чрезвычайно трудной задачей" назвал председатель КНР Цзян Цзэминь проблему обеспечения элементарных жизненных потребностей уволенных в результате реформы государственных предприятий рабочих и служащих и их повторного трудоустройства. Вопрос об уволенных рабочих и служащих, который по словам Цзян Цзэминя является не только "крупной экономической, но и политической проблемой", имеет "неотложное актуальное и долгосрочное стратегическое значение".¹⁹ Для решения этой проблемы правительство КНР разрабатывается целый ряд комплексных мер. Например, в 1998г. была принята общенациональная программа "трудоустройство", которая направлена на переподготовку в течении ближайших трех лет свыше 10 млн. уволенных рабочих и служащих в результате проведения реформ на государственных предприятиях. Программа предусматривает создание различных курсов по обучению новым специальностям.²⁰ Но все же важнейшим направлением в решении проблемы занятости остается создание эффективного механизма трудоустройства, а именно рынка трудоустройства, посредством которого возможно стимулировать миграцию рабочей силы, перемещать трудовые ресурсы и изменять структуру трудоустройства. Важно отметить, что создание рынка предусматривает соответствующие социальные гарантии со стороны государства. Другими словами решение проблемы правительство пытается найти путем сочетания рыночных механизмов и государственных га-

рантий, что возможно является наиболее приемлемым вариантом для китайского общества. Как эффективно правительству удастся решить поставленную задачу покажет ближайшее будущее. Однако, в контексте приведенных выше статистических данных, и понимания всей глубины проблемы, вряд ли можно говорить о том, что в кадровой политике КНР идет только подмена понятий без качественных изменений лишь потому, что в теоретическом обосновании формирования рынка трудоустройства, рынка специалистов в частности, все процессы прямо либо косвенно контролируются государственными административными органами, а государство оставляет за собой право директивного распределения трудовых ресурсов на случай, если того потребуют нужды государственного строительства.

1. Цитируется по: Гудошников Л.М. Кадровая реформа в КНР // Материалы научной конференции по современному внутреннему положению в КНР. ИДВ РАН, 1995. С.48
2. Подробнее о разработке и экспериментальном применении указанного акта см. Гудошников Л.М. Формирование в КНР системы государственной службы // ПДВ. №4. 1995. С. 27-28
3. Практическое управление служащими в КНР / Под ред. Чу Цзуньсянь, Чжу Цинфан: Чжунго жэньши. Пекин, 1995. С.730 (на китайском яз.).
4. Ли Жухай. Переход ганьбу в государственные служащие. Чжунго. Пекин, 1994. С.91 (на китайском яз.).
5. Практическое управление служащими в КНР / Под ред. Чу Цзуньсянь, Чжу Цинфан. Чжунго жэньши. Пекин, 1995. С. 733 (на китайском яз.).
6. Там же. С. 734.
7. Перемещение кадров в условиях рыночной экономики. Ганьбу сюеюань Сучжоу, 1996. С. 8 (на китайском яз.).
8. Временное постановление об управлении рынком специалистов // Жэньминь жибао. 1 апреля. 1996.
9. Там же.
10. Ли Гунвэнь. Современное положение и будущее всех социальных классов в Китае. Цзиньчэн. Пекин, 1998. С.273 (на китайском яз.).
11. "Временное постановление об управлении рынком специалистов // Жэньминь жибао. 1996. 1 апреля.
12. Ян Синьминь, Чэн Цзунган. Трудоустройство в Пекине. Цзисе гуне. Пекин, 1997. С. 4 (на китайском яз.).
13. "Временное постановление об управлении рынком специалистов // Жэньминь жибао. 1996. 1 апреля.
14. Ян Синьминь, Чэн Цзунган. Трудоустройство в Пекине. Цзисе гуне. Пекин, 1997. С. 4 (на китайском яз.).
15. Информационный бюллетень ИТАР-ТАСС. 1998. 14 марта.
16. Там же.
17. Информационный бюллетень ИТАР-ТАСС. 1998. 27 февраля.
18. ИБАС. 1998. 11 апреля.
19. Жэньминь жибао. 1998. 15 мая.
20. Жэньминь жибао. 1998. 21 февраля.

Южная Корея: кризис, преодоление (заметки некорееведа)

© 1999

А.Нестеренко

Феномен "новых индустриальных стран" (НИС) - один из наиболее ярких эпизодов мировой экономической истории за последние десятилетия. Бурный подъем НИС, которые в 70-80-х годах неожиданно вырвались из отсталости и, несмотря на сложную мировую экономическую ситуацию тех лет, превратились в современные индустриальные государства, продемонстрировал возможности экономического успеха на основе умелого сочетания целенаправленной государственной политики роста с благоприятной институциональной рыночной средой и культурно-историческими условиями. Феномен НИС показал, что сегодня для быстрого развития экономики эти предпосылки имеют гораздо большее значение, чем такие традиционные факторы роста, как природные и людские ресурсы.

Экономическая история НИС стала объектом интереса и тщательного изучения со стороны огромного числа научных коллективов и отдельных ученых. Как любой яркий экономический феномен, она порождает многочисленные и часто противоречивые трактовки и выводы. Тем не менее эта тема далеко не исчерпана. Во-первых, опыт НИС еще не нашел приложения к научному анализу проблем переходной экономики. Во-вторых, этот опыт содержит не только позитивные элементы: острый кризис, который поразил большинство НИС в 1997 г., стал возможен не в последнюю очередь из-за тех "особенностей" экономической системы этих стран, которые прежде определяли успех.

Южная Корея выделяется среди НИС прежде всего по параметрам экономического успеха. С 1965 по 1997 гг. ВВП Южной Кореи вырос с 3,0 до 437 млрд. долл., т.е. примерно в 120 раз, а ВВП на душу населения - с 105 до 9,5 тыс. долл. Среднегодовые темпы роста за период 1963-1995 гг. составили 8,5%, причем за это время только один раз, в 1980 г., произошло абсолютное падение ВВП. Сегодня Корея занимает 10-11 место в мире по объему валового продукта, а по некоторым показателям, например, по выпуску автомобилей, судов и химической продукции, занимает одно из ведущих мест в мире. Кореяское "экономическое чудо" особенно примечательно, если принять во вни-

мание низкие исходные условия экономического старта: раздел страны на две части с разрывом хозяйственных связей, последствия корейской войны начала 50-х годов и полное отсутствие собственных природных ресурсов. Для переходных экономик корейский опыт интересен еще и тем, что экономическая стратегия этой страны в наиболее концентрированном виде воплотила особенности политики роста дальневосточных НИС.

Чрезвычайно стремительный экономический подъем Кореи в 70-80-х годах обусловлен множеством факторов и их благоприятным сочетанием. Однако как в любой экономической стратегии, некоторые факторы являются структурообразующими, определяя отличительные особенности стратегии и наиболее яркие результаты ее воплощения в жизнь. В экономической истории Кореи 70-80-х годов можно выделить три структурообразующих фактора.

1. *Промышленная политика.* На рубеже 60-х и 70-х годов, т.е. в период перехода к стремительному росту, в Корее сложились принципы промышленной политики, которые в более или менее неизменном виде сохранялись на протяжении всего периода экономического подъема.

Главный принцип промышленной политики Кореи, который мог бы найти применение и в переходной экономике, состоит в выделении сравнительно небольшой группы крупных компаний, которые становятся "костяком" новой промышленной структуры и служат одновременно объектом регулирования и объектом покровительства со стороны государства. Такой "костяк" был образован тремя-четырьмя десятками горизонтально и вертикально диверсифицированных концернов - "чеболь". Система чеболь сформировалась в конце 60-х годов и особенно в 70-х годах, когда корейское правительство совместно с руководителями бизнеса взяли курс на ускоренное развитие тяжелой и химической промышленности.

Небольшое число чеболь позволяло, во-первых, сконцентрировать в них огромные финансовые, материальные и людские ресурсы, заставив экономику работать на эти концерны, а во-вторых - непосредственно регулировать их экономическую деятельность.

Концентрация ресурсов осуществлялась за счет субсидирования чеболь, предоставления им налоговых и других льгот через банки, которые контролировались государством. Естественно, эта политика сопровождалась повышенным финансовым бременем, которое ложилось на население, мелкие и средние предприятия. Что касается регулирования деятельности чеболь, то в его основе лежали как тесные личные отношения между государственными чиновниками и руководителями бизнеса, так и, что более важно, своеобразная система поощрения со стороны государства. Она состояла в том, что чеболь могли рассчитывать на покровительство и льготы только при условии выполнения тех производственных и экспортных показателей, которые были установлены правительством. Иными словами, небольшая, но стратегически важная часть корейской экономики функционировала фактически в режиме государственного сектора, хотя все чеболь оставались частными компаниями.

Госсектор, как известно, очень подвержен таким угрозам, как неэффективность, неконкурентоспособность, наличие избыточных мощностей и трудовых ресурсов, коррупция и т.п. Корейской промышленности в 70-80-х годах удалось избежать этих угроз, хотя в последующие годы они все-таки проявились. Чеболь сохранили эффективность и конкурентоспособность благодаря тому, что их было мало, и государственные чиновники имели возможность следить за их функционированием. При этом важно качество самого государственного аппарата - компетентность, некоррупционность чиновников и т.д. Особые условия формирования и функционирования госаппарата в

Корее, о которых будет сказано ниже, обусловили эффективность государственной бюрократии и предотвратили превращение государственного контроля над промышленностью в тормоз для развития производства.

Второй и не менее важный принцип промышленной политики состоял в том, что исключительным приоритетом экономического развития был экспорт готовой продукции. Росту экспорта было подчинено все, включая высоко ценимые в Корее формы морального поощрения. Экспортная ориентация сопровождалась особой формой экономической политики - негативным импортозамещением, т.е. созданием благоприятных таможенных и правовых условий для импорта, который служит для последующего производства экспортной продукции.

Исключительная экспортная ориентация была выбрана корейским правительством на рубеже 60-х и 70-х годов по вполне прагматическим соображениям узости внутреннего рынка и использования сравнительных преимуществ в виде дешевой рабочей силы. Впоследствии оказалось, однако, что этот выбор был особенно удачным благодаря тому, что в современных условиях экспорт готовой продукции играет особенно важную роль в экономическом успехе любой страны. Дело заключается в том, что экспорт является своеобразным "локомотивом" повышения эффективности, конкурентоспособности и научно-технического уровня всей экономики, не говоря уже о тех компаниях, которые непосредственно производят экспортную продукцию. Этот эффект обусловлен так называемым "переливом" мировых стандартов конкурентоспособности, передовых технологий и самого современного научно-технического знания из экспортных производств в другие отрасли и сферы народного хозяйства. Экспортная ориентация экономики Кореи, как и других НИС, явилась более эффективной стратегией, чем стратегия импортозамещения, к которой прибегли многие развивающиеся страны (например, Аргентина и Индия) и которая обернулась для них глубоким кризисом.

Роль экспорта как "локомотива" экономического развития проявилась не только в Южной Корее, но и в других странах, и многочисленные исследования мировой экономики демонстрируют довольно устойчивую корреляцию между долей экспорта в ВВП и темпами экономического роста. Очевидно при этом и то, что развитие экспортных отраслей требует открытости экономики и активного участия страны в международном разделении труда.

2. *Эффективная государственная бюрократия.* Активное вовлечение государства в регулирование экономики требует компетентной и некоррупцированной государственной бюрократии. В Корее эффективная работа государственного аппарата опирается на национальные культурные традиции, которые определяют высокий престиж государственной службы и требуют от чиновников добросовестной службы на благо государства. Однако этого было бы недостаточно для нашего времени, которое требует от государственных служащих не только добросовестности, но и высоких профессиональных знаний. К тому же в период, предшествовавший экономическому подъему, государственный аппарат Кореи не отличался высоким качеством.

Приступая к реализации программы реформ в начале 60-х годов, тогдашний президент Пак реорганизовал государственную службу, заменив практику награждения высокими должностями коллег и сотрудников по политической деятельности системой конкурсов и продвижения по службе за способности и профессиональные заслуги. Он также добился постепенного преобразования госаппарата в технократическую элиту, независимую от колебаний политической конъюнктуры. В последующем это позволило госаппарату формулировать и добиваться реализации национальной экономической

стратегии при минимуме вмешательства со стороны политиков и промышленных групп интересов.

Одним из инструментов повышения компетентности и политической независимости государственного управленческого аппарата явилась высокая оплата труда, выгодные условия выхода на пенсию и другие большие материальные преимущества, предоставляемые государственной службой. Например, по данным за 1992 г. зарплата (с премиями и другими поощрениями) государственных чиновников составляла следующую долю от оплаты руководителей аналогичного уровня в частном секторе: высшее звено госчиновников - 99%, среднее звено - 81% и младшее звено - 84%. Для сравнения приведем аналогичные сравнения по Аргентине: по отношению к окладам в частном секторе зарплата госчиновников в 1992 г. составляла всего 24% для руководителей высшего уровня и 29% для руководителей среднего уровня. Такое положение характерно и для других латиноамериканских стран.

Но эффективное государственное управление опиралось не только на сильный госаппарат. Другой линией, которая обеспечивала воздействие государства на крупный бизнес, служила практика консультаций между правительственными чиновниками и ведущими предпринимателями, которые проводились не от случая к случаю, а носили регулярный и формализованный характер. Так, до начала 80-х годов под председательством президента проходили ежемесячные совещания руководителей экономических ведомств и лидеров крупнейших компаний, посвященные вопросам реализации экспортных программ. Помимо этого, по инициативе правительства были созданы консультативные комиссии, объединявшие представителей госаппарата, бизнесменов и специалистов. В их задачу входил главным образом сбор информации и мнений руководителей бизнеса для последующего принятия правительственных решений.

Таким образом, эффективность работы государственной бюрократии опиралась как на высокое качество самого госаппарата, так и на систему устойчивого партнерства между государством и бизнесом.

3. *Высокие инвестиции в человеческий капитал.* На протяжении всего периода экономического подъема государственные и частные расходы на образование в Корее превышали 10% ВВП и были, таким образом, самыми высокими в развивающихся странах. Процент выпускников средних школ, поступающих в университеты и другие высшие учебные заведения, - самый высокий в мире после США. Общеизвестно высокое качество общей и профессиональной подготовки населения Кореи, и по некоторым оценкам, эта страна считается, наряду с США, мировым лидером по развитию человеческого капитала.

Высокое качество рабочей силы - один из важных факторов экономического бума в Корее. На рост вложений труда приходилась большая доля прироста ВВП за счет ресурсных вложений, а рост общей факторной производительности в основном определялся увеличением знаний и повышением профессиональной подготовки. Так, среднегодовые темпы роста ВВП в 1973-1986 гг. составили 7,8%, в т.ч. на прирост ресурсных вложений приходилось 4,1 процентного пункта (из них 2,2 пункта приходилось на прирост вложений труда), а на прирост общей факторной производительности - 3,7 пункта (из них 1,6 пункта приходилось на прирост знаний). Этот показатель доли прироста знаний в общем приросте ВВП выше, чем в США и западноевропейских странах.

Огромный интерес корейцев к образованию обычно связывают с влиянием конфуцианской культуры. Такая связь действительно есть, но она не

столь прямолинейна, как кажется, потому что классическое конфуцианство поощряет отвлеченное знание, и вплоть до середины прошлого века предприниматели, торговцы и работники занимали весьма низкое место в социальной иерархии. Положение изменилось с возникновением неоконфуцианства, которое, подобно протестантской этике, поощряет прикладное знание и практическую деятельность. Сегодня огромная тяга к образованию в Корее - в огромной степени результат конкуренции на рынке труда.

Примечательно, что государственные вложения в образование на протяжении всего периода экономического бума были примерно такими же, как в других странах Азии. Принципиальное значение имело то, что госбюджет финансировал базовое образование в таких масштабах и пропорциях, которые были незнакомы другим странам. Тем самым государство создавало прочную основу для обучения молодежи в ВУЗах, которые в основном находятся в частных руках, хотя и пользуются поддержкой государства. Наконец, важной отличительной чертой корейской системы образования можно считать широкую развитую сеть профессионального образования, которое организуется фирмами для своих служащих на основе закона 1974 г., который предписывает компаниям проводить периодические шестимесячные курсы повышения квалификации для своих сотрудников. Большое внимание профессиональному образованию непосредственно на фирмах уделяется потому, что, по мнению корейских специалистов, такое образование должно иметь целью получение навыков, необходимых для конкретного производства.

Высокий уровень образования не только повышает ценность человеческого капитала, но и помогает значительной части населения воспользоваться плодами экономического подъема. Тем самым инвестиции в человеческий капитал одновременно помогают реализации принципа "распределения отдачи от роста", который является одной из главных черт, характеризующих развитие Кореи и других азиатских НИС. Этот принцип гласит, что блага, порождаемые в процессе быстрого подъема, должны поступать не одной, а всем социальным группам, повышая равномерность распределения богатства в обществе и поощряя участие разных социальных групп в быстрой модернизации страны.

В общем плане экономическая политика Кореи в 70-80-х годах включает множество разнообразных компонентов и до сих пор является предметом дискуссий. Стратегию подъема Кореи часто пытаются отнести к одному из крайних типов экономической политики, причем разнообразие подходов, применявшихся корейским правительством, дает основание для противоположных оценок. Очевидно, что жесткий контроль за чеболь и их фактическое сращивание с государственным аппаратом свидетельствует в пользу того, чтобы отнести успехи Кореи на счет активного государственного интервенционизма. С другой стороны, на протяжении всего периода быстрого подъема корейское правительство поддерживало макроэкономическую стабильность и никогда не прибегало к инфляционному стимулированию производства. За период 1961-1991 гг. среднегодовая инфляция составляла всего 12,2% (в период наиболее быстрого роста в 70-е годы инфляция превышала 20%, но это было связано, главным образом, с нефтяным шоком), а среднегодовой дефицит госбюджета в 1980-1988 гг. составлял 1,89%. В финансовой области правительство проводило политику мягких финансовых репрессий, искусственно снижая ставки банковского процента, но не подвергая опасности стабильность денежно-финансовой системы. Высокая норма инвестиций поддерживалась также за счет внутренних сбережений и внешних заимствований. Поэтому

стратегию подъема Кореи можно назвать интервенционистско-рыночной экономической политикой.

В 80-х годах характер экономической политики в Корее несколько изменился в пользу более сбалансированного развития, усиления действия рыночных сил и ограничения прямого государственного вмешательства. В частности, закон о промышленном развитии 1986 г. заменил индивидуальные меры государственного интервенционизма более общим регулированием, в т.ч. через механизм валютного курса, направленным на повышение международной конкурентоспособности корейской промышленности. В этот же период стал проявляться один из важных структурных недостатков корейской экономики - слабое развитие финансового сектора и неприспособленность большинства банков к работе на рынке (большинство банков ранее использовалось правительством для перераспределения финансов в пользу чеболь). Во второй половине 80-х годов вследствие внутренних причин макроэкономическая стабильность была нарушена, что обернулось банкротством многих компаний. Однако благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура второй половины 80-х годов и начала 90-х годов позволяла промышленности сохранять высокие темпы роста.

Тем не менее уже с начала 90-х годов внутренняя неустойчивость экономики, опиравшейся на господство чеболь, становилась очевидной некоторым специалистам. Концентрация экономической силы в руках чеболь стала вызывать их активное вмешательство в политику и породило попытки подчинить себе финансовые процессы. С развитием внутреннего рынка начала негативно проявляться монополизация производства чеболь и связанными с ними более мелкими компаниями. Компании, не входящие в чеболь, были фактически лишены источников финансовых средств, потому что независимых финансовых учреждений в стране почти не осталось. Огромные размеры чеболь обернулись негибкостью, ухудшением управления и неэффективным распределением ресурсов. Хотя правительство пыталось ослабить власть чеболь над экономикой, в частности, ограничить их доступ к банковским кредитам, эти меры не увенчались успехом.

Чеболь пользовались неограниченным кредитом доверия со стороны всех финансовых учреждений, поскольку считалось, что благодаря тесным связям с правительством и огромным размерам они неуязвимы перед лицом любых экономических трудностей. Поэтому чеболь охотно прибегали к займам на внутреннем и международном рынках, и постепенно накопили огромную задолженность. Так, отношение задолженности к собственному капиталу в некоторых, крупнейших чеболь в 1995-1996 гг. превысило 1000%, а в среднем по 30 чеболь составило более 400%. Это очень высокие цифры, особенно если учесть, что даже в Японии, где крупные компании традиционно имеют высокую долю заемного банковского капитала, отношение задолженности к собственному капиталу никогда не превышает 200%.

Между тем в середине 90-х годов чеболь не сократили, а наоборот, расширили заимствования, стремясь компенсировать снижение рентабельности и освоить новые производства и рынки сбыта. По современным оценкам корейских специалистов, сверхинвестирование наблюдалось в автомобильной, сталелитейной, авиационной и электронной промышленности, т.е. в тех отраслях, которые составляют сердцевину экономической мощи Кореи. В условиях низкой финансовой прозрачности чеболь финансовые учреждения продолжали кредитовать их, полагаясь на надежность этих крупных компаний, тесно связанных с государством. Кроме того, сами банки недостаточно заботились о надежности своих инвестиций и прибегали к неоправданному риску, потому

что рассчитывали получить поддержку правительства в случае непредвиденных трудностей.

Азиатский кризис, начавшийся летом 1997 г. в Таиланде и Индонезии, действительно оказался неожиданным. Первоначально он носил чисто валютный характер и был вызван финансовыми спекуляциями. Однако в условиях очень сильной взаимозависимости современных экономик кризис быстро распространился на весь дальневосточный регион, поразив Корею, Японию и Гонконг. При недостатке валютных резервов и слабости финансовой системы корейское правительство не смогло удержать курс национальной валюты, что повлекло за собой глубокий финансовый и экономический кризис. Он вначале ударил по банкам, а затем - по чеболь и независимым компаниям, обернувшись самым сильным снижением производства, начиная с 60-х годов, на 7%.

Следует подчеркнуть, что валютные потрясения поразили Корею в тот период, когда общеэкономические показатели свидетельствовали о хороших экономических перспективах (в 1996 г. рост ВВП составил 6%). В этом проявилось действие сравнительно нового экономического феномена - относительной самостоятельности международной валютно-финансовой сферы.

С целью преодоления кризиса корейское правительство разработало широкомасштабную программу действий, в основе которой лежит восстановление финансовой системы и реструктуризация чеболь.

Начальным шагом этой программы явился выпуск весной 1998 г. государственных ценных бумаг на сумму 43 млрд. долл. с целью получения дополнительных финансовых ресурсов для стабилизации национальной валюты и финансирования реструктуризации промышленности. Эти бумаги размещаются на внутреннем и международном финансовом рынках под рыночный процент, и по состоянию на сентябрь 1998 г. пользовались спросом у покупателей. К тому же снижение курса национальной валюты резко увеличило экспорт и валютные резервы страны.

Правительственная программа имеет две основных составляющих: преодоление валютного кризиса в краткосрочном периоде и осуществление среднесрочных структурных реформ. Последние, в свою очередь, реализуются по четырем направлениям: реструктуризация финансовой системы, реструктуризация корпоративного сектора (чеболь), реформа трудовых отношений и реформа государственного сектора.

Суть этих преобразований сводится к оздоровлению экономики путем закрытия неконкурентоспособных компаний и банков или их подразделений, погашения задолженности перед кредиторами и восстановления финансовой системы.

Реформа финансовой системы осуществляется путем расчистки портфелей и других мер по санации банков и других финансовых учреждений, слияний, а также предоставления специальных государственных займов для погашения задолженности перед другими финансовыми учреждениями и вкладчиками. Для восстановления банковской системы, по оценкам, требуется направить в финансовый сектор сумму, соответствующую 15% ВВП за 1997 г. Часть этой суммы уже получена правительством благодаря размещению вышеупомянутых государственных ценных бумаг, и ожидаются новые государственные заимствования. За год после начала кризиса, по состоянию на осень 1998 г., процедуре банкротства и закрытию подверглись 80 банков, страховых компаний, инвестиционных фондов и других финансовых учреждений. Для такой маленькой страны, как Корея, подобный размах банкротств означает серьезную перестройку финансовой системы.

Реструктуризация чеболь - основное и самое трудное направление правительственных реформ. Этим крупным компаниям предстоит погасить задолженность перед финансовыми учреждениями и прочими кредиторами, сократить численность персонала, закрыть часть структурных подразделений и обеспечить прозрачность своего финансового состояния. С тем, чтобы ограничить размах перекрестного финансирования структурных подразделений чеболь и облегчить процедуру банкротства убыточных структурных подразделений без ликвидации всей компании, правительство запретило взаимное кредитование структурных подразделений и ввело с 1999 г. консолидированную финансовую отчетность для крупных компаний. Неорганизованные (индивидуальные) акционеры чеболь получили большие возможности требовать отчета от администрации и возбуждать против нее иски. С целью увеличения притока капитала иностранцам предоставлено право приобретать до одной трети акционерного капитала компаний без одобрения совета директоров.

Агентом структурных изменений чаще всего выступает государство. В то же время задача реструктуризации некоторых компаний, в основном средних, возлагается на банки, уполномоченные менять персональный состав администрации, реструктуризировать или списать задолженность и обменивать долги на капитал. Правда, до сих пор банки не справлялись с этими задачами.

Правительство вступило в соглашение с пятью крупнейшими чеболь, названное "Большой сделкой" (Big deal), потребовав от них реструктуризации ведущих отраслей промышленности (полупроводники, нефтепереработка, электротехника, судостроение и др.) путем уменьшения численности филиалов, функционирующих в этих отраслях, а в отдельных случаях, напротив, преобразования этих филиалов в самостоятельные компании. В чеболь - участниках соглашения отношение задолженности к капиталу должно быть снижено с нынешних 600% до 200%. Однако, по мнению корейских специалистов, неясность в отношении того, как поступать с избыточными мощностями, серьезно затрудняет выполнение программы реструктуризации чеболь.

Реструктуризация потребовала изменения многих традиционных институтов корейского общества. Например, в стране резко возросла безработица до 8% в августе 1998 г. после того, как крупные компании были вынуждены отказаться от принципа пожизненного найма и заключили соглашения с профсоюзами (при участии правительства) об условиях увольнения рабочих по инициативе администрации. Реализация этого соглашения, в свою очередь потребовала увеличения государственного бюджета для финансирования общественных работ, профессиональной переподготовки и переселения безработных в трудодефицитные города и населенные пункты. Однако подобные изменения трудовых отношений сталкиваются с сопротивлением рабочих и профсоюзов, которые противодействуют увольнениям, несмотря на соглашения с работодателями.

Несмотря на глубину кризиса 1997-1998 гг., Корею удалось довольно быстро преодолеть если не глубинные причины экономических потрясений, то по крайней мере, наиболее явные недостатки прежней экономической системы. Судя по динамике месячных индексов экономической активности, в сентябре 1998 г. экономический спад прекратился, что дает корейским экспертам надежду на возобновление устойчивого роста в 2000 г.

Экономическое развитие Кореи за последние десятилетия может служить источником для некоторых выводов о том, как сформулировать экономическую политику роста и сформировать институты управления, образующие "государство развития".

1. Преодоление длительного системного кризиса в экономике возможно путем выделения небольшой группы ведущих предприятий, жесткого контроля за ними со стороны государства и предоставления этим предприятиям особого льготного режима для налаживания производства продукции, обладающей высокой международной конкурентоспособностью. В России такими предприятиями могут быть казенные предприятия ВПК.

2. Указанные предприятия должны ориентироваться главным образом на производство экспортной продукции, поскольку участие в международной торговле резко повышает конкурентоспособность экспортеров и способствует распространению передовых технологий и методов организации производства во всей национальной экономике. В России эффект от международного сотрудничества может усиливаться реальным интересом ведущих западных компаний по производству "высоких технологий" к долгосрочной кооперации с российскими фирмами аналогичного профиля.

3. Эффективность государственного регулирования экономики зависит от интенсивности и полноты взаимодействия между государством и бизнесом, которое должно иметь регулярный характер и институализированные формы (отраслевые, региональные комиссии и т.п.).

4. Решающее значение для экономического успеха России в долгосрочном плане имеют вложения в человеческий капитал, главным образом в виде государственного и частного финансирования системы базового, высшего и профессионального образования.

5. В долгосрочном плане правительство России должно стремиться к тому, чтобы выгоды от рыночных реформ и экономического роста распределялись по всем социальным группам, способствуя образованию среднего класса и поощряя участие всех слоев общества в рыночных преобразованиях.

6. Государственная поддержка приоритетных предприятий таит угрозу превращения этих предприятий в крупных неплатежеспособных заемщиков, что при неблагоприятных финансовых условиях может спровоцировать общеэкономический кризис. Для предотвращения возможности такого развития событий требуется полная прозрачность корпоративных финансов, включая ограничение на перекрестное внутрифирменное субсидирование.

7. В условиях растущей взаимозависимости экономик и подверженности международной финансовой системы непредвиденным колебаниям, а также относительной самостоятельности международной валютно-финансовой сферы, главной защитой национального производства от валютных потрясений являются не столько хорошие общеэкономические показатели, сколько прочность национальной валютно-финансовой системы.

8. Выход из кризиса после валютно-финансовых потрясений требует санации банковской системы и реструктуризации корпоративного сектора. Санация и реструктуризация неизбежно принимают форму закрытия нерентабельных финансовых и производственных компаний или их структурных подразделений, сокращения занятости и выведения избыточных мощностей. Санация может предшествовать реструктуризации, и в этом случае агентами преобразований в корпоративном секторе могут стать saniрованные банки.

9. Реорганизация крупнейших по численности и производственной мощности компаний всегда представляет наибольшие сложности по своим экономическим и социальным последствиям. Тем не менее оздоровление этих компаний необходимо для выхода из кризиса, поскольку они имеют структурообразующий характер и от их функционирования во многом зависит состояние экономики в целом. Негативные социальные последствия от реорга-

низации крупнейших компаний могут быть значительно смягчены активной политической занятости.

Специфика России в вопросе о реструктуризации промышленности в большой степени заключается в стремлении государства отложить преобразования на неопределенное время из-за опасений по поводу социальной и политической напряженности. Такой подход на деле только усиливает напряженность, которая могла бы быть смягчена мерами социальной защиты населения и регулирования политических процессов.

Список использованной литературы

1. Eng Nak Song, The Rise of the Korean economy. 2 ed. Oxford University Press, 1997.
2. World Bank. The East Asian Miracle. Oxford University Press, 1993.
3. The Korea Herald. 1998. 5 ноября.
4. The Korea Herald. 1998. 6 ноября.
5. The Korea Herald. 1998. 10 ноября.
6. The Korea Herald. 1998. 11 ноября.

Законодательное регулирование бюджетного процесса в Китайской Народной Республике

© 1999

Р.Шепенко

Бюджетный процесс - это регламентированная процессуальными нормами бюджетного права деятельность государственных органов власти по составлению (бяньчжи), рассмотрению и утверждению (шэньча хэ пичжунь), исполнению (чжисин) и контролю (цзяньду) за исполнением бюджета.

Сведения о составлении в Китае смет доходов и расходов относятся еще к XVI столетию. При этом в связи с тем, что доходы казначейства в те годы, как правило, не покрывали годовых расходов (прежде всего на военные и придворные нужды), составление сметы расходов считалось "самым главным делом (фа)"¹.

После образования в 1949 г. нового государства - КНР, первым нормативным правовым актом, регламентирующим вопросы бюджетного процесса, стало "Временное положение КНР о бюджете и отчете об исполнении бюджета", утвержденное Государственным административным советом КНР 20 июля 1951 г.

Спустя 40 лет его заменило "Положение КНР об управлении государственным бюджетом", принятое 21 октября 1991 г.

В настоящее время вопросы бюджетного процесса, помимо Конституции КНР от 4 декабря 1982 г. (с последующими изменениями), регламентируются "Законом КНР о бюджете", который был принят 2-й сессией Всекитайского собрания народных представителей КНР 8-го созыва и вступил в силу 1 января 1995 г. (с его принятием утратило силу положение 1991 г.).

Это первый в истории КНР закон о бюджете. Он состоит из 11 глав и 79 статей. Характерной его особенностью является четкое разграничение бюджетных полномочий между различными ветвями власти и подробная регламентация каждой стадии бюджетного процесса.

Бюджетная система

Бюджетная система КНР построена в соответствии с принципом "ицзи чжэнфу ицзи юйсуань", что можно перевести на русский язык как "правительству каждого уровня - бюджет соответствующего уровня". Она состоит из бюджетов двух основных уровней:

- бюджета центрального правительства, или центрального бюджета (чжунъян юйсуань);
- бюджетов местных правительств, или местных бюджетов, (дифан юйсуань).

В свою очередь местные бюджеты в соответствии с административно-территориальным делением КНР подразделяются на бюджеты провинций, автономных районов и городов центрального подчинения; бюджеты городов провинциального подчинения и бюджеты автономных округов; бюджеты уездов, автономных уездов и городов уездного подчинения; бюджеты волостей, национальных волостей и поселков.

Волости, национальные волости и поселки, не имеющие условий для разработки соответствующих бюджетов, вправе по решению провинций автономных районов и городов центрального подчинения временно не учреждать бюджетов.

Центральный бюджет сосредоточивает в себе большую часть государственных бюджетных средств и призван удовлетворить финансовые потребности хозяйственного, научного и культурного строительства общегосударственной значимости, обороны, перераспределения средств местных органов власти в целях поддержания равновесия между доходами и расходами и оказания помощи населяющим эти районы национальным меньшинствам и экономически слаборазвитым районам.

Бюджет центрального правительства образуется из бюджетов центральных министерств и находящихся в их непосредственном подчинении нижестоящих единиц (даньвэй). Он включает в себя суммы доходов, направляемых местами в центр и суммы компенсаций или предоставленных местам субсидий.

Из местных бюджетов составляются сводные бюджеты провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Каждый сводный местный бюджет состоит из бюджета правительства данного уровня и сводного бюджета правительств нижестоящего уровня. Для правительства нижестоящего уровня имеющего только бюджет данного уровня, термин "сводный (или общий) бюджет" (цзун юйсуань) означает бюджет данного уровня. Значение сводных бюджетов заключается в том, что они используются для расчетов минимальных социальных и финансовых норм и нормативов, необходимых при бюджетном планировании и при анализе эффективности распределения и использования бюджетных средств.

Сводный бюджет составляется и в рамках всего государства, в этом случае в него включаются бюджеты всех уровней. Такой бюджет называют государственным. По определению бывшего министра финансов КНР Ли Сяньняня, этот бюджет "является концентрированным выражением хозяйственной деятельности и работы государства во всех отраслях"².

Значение сводных или, если использовать терминологию, применяемую в российском законодательстве³, консолидированных бюджетов заключается в том, что они используются для расчетов минимальных социальных и финансовых норм и нормативов, необходимых при бюджетном планировании и при анализе эффективности распределения и использования бюджетных средств. Составление сводных бюджетов возложено на соответствующие исполнительные органы власти. В отличие от самостоятельных бюджетов они утверждению не подлежат и правовыми актами не являются.

Местные бюджеты состоят из бюджетов всех министерств данного уровня и непосредственно подчиненных им единиц. Бюджеты каждого местного правительства включают в себя суммы доходов, направляемые правительством нижестоящего уровня правительству вышестоящего уровня и суммы субсидий и компенсаций правительству нижестоящего уровня, предоставляемых правительством вышестоящего уровня.

Бюджет каждого министерства составляют бюджеты подчиненных ему единиц. Под бюджетом единиц следует понимать бюджет доходов и расходов, включенных в бюджет министерств государственных органов, общественных организаций и их единиц.

Права по управлению бюджетами

Права по управлению бюджетами (юйсунь гуаньли чицюань), или бюджетные права, являются неотъемлемым элементом правового статуса субъектов бюджетного права. Через систему этих прав определяется участие последних в формировании бюджетной системы и их взаимоотношения в осуществлении бюджетной деятельности.

Доходы центрального и местных бюджетов, разграничение расходных статей, определение доходов, отправляемых в центр, методы предоставления центром субсидий или компенсаций местам определяются Государственным советом КНР и доводятся до сведения Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП).

Бюджетные взаимоотношения правительств строятся по принципу: вышестоящие правительства не вправе (уцюань), если это не предусмотрено в их бюджете, переводить средства в бюджеты нижестоящих правительств; нижестоящие правительства - занимать (чжаньюн) или сокращать (цзяньшао) средства, принадлежащие вышестоящему правительству.

В ходе бюджетного процесса ВСНП осуществляет следующие действия: рассматривает проекты центрального и местных бюджетов, а также доклады об исполнении центрального и местных бюджетов; утверждает центральный бюджет и доклад об исполнении центрального бюджета; изменяет или отменяет ненадлежащие (бу шидан ди) постановления ПК ВСНП, касающиеся бюджета и отчета.

ПК ВСНП контролирует исполнение центрального и местных бюджетов; рассматривает и утверждает так называемый проект пересмотра (тяочжэн фанъань) центрального бюджета; рассматривает и утверждает отчет (цзюэсуань) по центральному бюджету; отменяет не соответствующие Конституции, законам и административным установлениям, приказы и постановления Государственного совета КНР, касающиеся бюджета и отчета; отменяет не соответствующие Конституции, законам и административным установлениям, решения и правовые установки СНП и ПК СНП провинций, автономных районов, городов центрального подчинения.

Схожие бюджетные полномочия (в отношении собственных бюджетов и бюджетов нижестоящих уровней) имеют местные СНП и их ПК. Единственное отличие заключается в том, что на уровне волостей, национальных волостей и поселков отсутствует такой институт, как ПК и его функции выполняет соответствующее СНП.

Вышеназванные органы относятся к представительной ветви государственной власти КНР. Распределение полномочий в бюджетном процессе основано на принципе разграничения компетенции между органами представительной и исполнительной власти. К исполнительным органам относятся правительства различного уровня, подведомственные им министерства и (используя китайскую терминологию) единицы. Во главе этой пирамиды стоит Государственный совет КНР.

Этот орган, в рамках бюджетного процесса, осуществляет следующие действия: составляет проект бюджета и отчета; представляет доклад по проектам центрального и местных бюджетов; после суммирования бюджетов про-

винций, автономных районов и городов центрального подчинения, направляет их для приобщения к делу в ПК ВСНП; организует исполнение центрального и местных бюджетов; принимает решение о подготовке предварительных расходов центрального бюджета; составляет проект пересмотра центрального бюджета; контролирует исполнение бюджетов центральными министерствами и местными правительствами; изменяет или отменяет ненадлежащие приказы и решения центральных министерств и местных правительств, касающиеся бюджетов и отчетов; докладывает ВСНП и его ПК о ситуации с исполнением центрального и местных бюджетов.

От имени Государственного совета на сессиях ВСНП выступает министр финансов КНР. Так, 6 марта 1998 г. на 1-й сессии ВСНП 9-го созыва с Докладом "Об исполнении центрального и местных бюджетов за 1998 г. и проекте этих бюджетов на 1998 год" выступил министр финансов КНР Лю Чжунли.

Как и в случае с представительными органами власти, бюджетные полномочия органов исполнительной власти зеркально повторяются на каждом уровне, будь то бюджетные права правительства уездного уровня или поселка. При этом бюджетные права местных правительств отражают связи последних по двум основным направлениям: с органами представительной и исполнительной власти равной им ступени и с органами исполнительной власти нижестоящего уровня.

Несмотря на многочисленные полномочия вышеперечисленных исполнительных и представительных органов, основная нагрузка в ходе бюджетного процесса в КНР приходится прежде всего на министерство финансов.

Так, Министерство финансов КНР непосредственно составляет проект центрального бюджета и отчета; непосредственно организует исполнение центрального и сводных местных бюджетов; предлагает проект предварительных расходов центрального бюджета; непосредственно составляет проект пересмотра центрального бюджета; периодически представляет Государственному совету КНР доклад об исполнении центрального и местных бюджетов. Такие же полномочия имеют министерства финансов местных правительств.

В КНР каждое министерство составляет проект своего бюджета и отчета; организует и контролирует исполнение своего бюджета; своевременно представляет министерству финансов равного уровня доклад об исполнении бюджета.

Каждая единица составляет проект своего бюджета и отчета; в соответствии с государственными установлениями определяет доходы бюджета, распределяет бюджетные расходы и контролируется соответствующим государственным министерством.

Управление бюджетами национальных автономных районов осуществляется согласно нормативно-правовым актам о национальных автономных районах. В случае, если какие-либо вопросы остаются открытыми, они регламентируются соответствующими положениями бюджетного законодательства и установлениями Государственного совета КНР.

Составление бюджета

Проект бюджета (юйсуань цаоань) составляется правительствами каждого уровня в сроки, установленные Государственным советом КНР. Последний определяет порядок и методы составления бюджета, а также разрабатывает ежегодную инструкцию по составлению бюджета на следующий год.

Пункты и статьи, подлежащие включению в бюджет, устанавливаются Министерством финансов КНР.

Предваряет данную стадию бюджетного процесса так называемая справка (цанькао) о прогнозе доходов и расходов на текущий год, которая готовится как для центрального, так и для местных бюджетов.

Местные бюджеты составляются в соответствии со следующими двумя принципами:

- расходы соразмерны доходам (лянжу вэй чу);
- бездефицитность (буле чицзы).

При этом доходные статьи бюджетов каждого уровня должны соответствовать коэффициенту повышения общей стоимости национального производства, а при разработке расходных статей учитывается общий государственный курс на соблюдение экономии⁴.

В бюджете каждого уровня предусматриваются в обязательном порядке статьи по оказанию помощи экономически неразвитым национальным районам и окраинам, а также резерв на случай стихийных бедствий.

Остаток бюджетов правительств каждого уровня за истекший год переносится в аналогичные статьи бюджета на следующий год. При образовании в этом случае излишка он может распределяться между другими статьями соответствующего бюджета.

После составления проектов бюджетов народные правительства провинций, автономных районов и городов центрального подчинения в сроки, установленные Государственным советом КНР, представляют последнему проекты сводных бюджетов соответствующего уровня.

Рассмотрение и утверждение бюджетов

За месяц до проведения ежегодной сессии ВСНП министерство финансов КНР представляет основное содержание проекта центрального бюджета в Комитет по экономике и финансам ВСНП для предварительного рассмотрения.

Аналогичная схема проводится и на местах: министерства финансов провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, городов районного подчинения и автономных округов за месяц до ежегодной сессии местного СНП представляют основное содержание проектов соответствующих бюджетов в специализированные комитеты СНП или, по решению ПК ВСНП, в рабочий комитет ПК СНП соответствующего уровня.

Министерства финансов уездов, автономных уездов, городов не центрального подчинения и городских районов за месяц до сессии местного СНП направляют основное содержание проекта бюджета соответствующего уровня в ПК СНП.

На ежегодной сессии ВСНП министр финансов КНР от имени Государственного совета КНР представляет непосредственно проект центрального бюджета. Одновременно местные правительства представляют проекты бюджетов соответствующего уровня на сессиях СНП.

В проекте центрального и местных бюджетов, представляемых на рассмотрение ВСНП, содержатся так называемые направляющие идеи. Так, в проекте центрального и местных бюджетов на 1998 г. были названы следующие направляющие идеи: дальнейшее укрепление сельского хозяйства, поддержка перестройки государственных предприятий, налаживание социального обеспечения, повышение уровня открытости внешнему миру, укрепление и совершенствование макрорегулирования, продолжение умеренно жесткой финансовой политики, старательное наращивание бюджетных доходов, стро-

гий контроль за бюджетными расходами, сокращение бюджетного дефицита, содействие положительному, быстрому и здоровому развитию народного хозяйства и всестороннему общественному прогрессу⁵.

Центральный бюджет рассматривается и утверждается ВСНП. Бюджеты местных правительств - СНП соответствующего уровня.

Правительства волостей и национальных волостей представляют вышестоящему правительству бюджет, утвержденный СНП соответствующего уровня.

Правительство уровня уезда и выше представляют правительству вышестоящего уровня собственный бюджет, утвержденный СНП и представленный им бюджет правительства нижестоящего уровня.

Правительство уровня уезда и выше после представления бюджетов докладывает о проделанной работе ПК СНП соответствующего уровня. Государственный совет КНР после получения бюджетов правительств провинций, автономных районов и городов центрального подчинения докладывает ПК ВСНП.

В случае обнаружения в представленном бюджете несоответствия законам или иным нормативно-правовым предписаниям, в связи с чем необходимо отменить решение об утверждении бюджета, Государственный совет КНР, а также правительство уровня уезда и выше представляют доклад ПК СНП.

После утверждения СНП бюджета правительства соответствующего уровня министерство финансов данного уровня утверждает бюджеты министерств, а последние в свою очередь утверждают бюджеты подведомственных единиц.

На этом, в принципе, завершается вторая стадия бюджетного процесса и утвержденный бюджет правительства соответствующего уровня после его опубликования подлежит исполнению.

Исполнение бюджета

Исполнение бюджетов относится к функциям исполнительных органов власти. Организует его правительство соответствующего уровня. Ответственность за конкретную работу несет министерство финансов правительства административно-территориальной единицы.

Министерства и другие ведомства, ответственные за поступление доходов, перечисляют средства в бюджет соответствующего уровня в соответствии с законами, административными предписаниями и указаниями министерства финансов КНР. Запрещено оставлять, занимать, задерживать перевод или использовать эти средства не по целевому назначению. При отсутствии полномочий, естественно, запрещено и производить самовольные вычеты, освобождать от обложения или предоставлять отсрочки по уплате бюджетных доходов.

Ассигнование бюджетных средств производится в соответствии с законами, административными предписаниями и указаниями министерства финансов КНР.

На уровне провинции и выше учреждаются казначейства. При наличии возможности волости, национальные волости и поселки также должны образовывать казначейства. В ведении казначейств находятся все доходные и расходные статьи бюджетов соответствующих уровней.

Центральным казначейством КНР руководит директор Народного банка Китая, который, в соответствии с Законом КНР от 18 марта 1995 г. "О На-

родном банке Китая", назначается ВСНП по представлению премьера Государственного совета КНР. В перерывах между сессиями ВСНП он назначается его ПК (например, таким образом в июле 1995 г. директором Народного банка Китая был назначен Дай Сянлун)⁶. В этом случае назначение на должность и освобождение от нее осуществляет Председатель КНР.

Местные казначейства осуществляют свою деятельность в соответствии с постановлениями и решениями, принимаемыми Государственным советом КНР.

Казначейство (цзиньку) каждого уровня управляется министерством финансов правительства соответствующего уровня. Без согласия министерства финансов ни одно министерство, ведомство или лицо не вправе использовать и управлять средствами казначейства.

Непосредственное исполнение бюджета осуществляют различные финансовые подразделения, а также налоговые и таможенные органы. При обнаружении недостатков, способных повлиять на исполнение бюджета, они представляют доклады в правительства соответствующего уровня.

В ходе исполнения бюджета возможны ситуации, когда возникает необходимость внесения в него изменений. Эта процедура в КНР называется пересмотром бюджета (юйсуань тяочжэн).

Основными причинами пересмотра бюджета могут служить случаи, когда происходит увеличение расходов или сокращение доходов в связи с тем, что:

- бюджетные расходы опережают валовой доход (цзун шоужу);
- частично изменяется сумма долговых обязательств (чжайу).

Общим для процедуры пересмотра бюджета является правило о том, что утвержденный центральный бюджет может быть пересмотрен только ВСНП, а местные бюджеты - СНП соответствующего уровня. Таким образом, пересмотр бюджета может осуществлять только орган представительной власти, его утвердивший.

Процедура пересмотра бюджета начинается с составления проекта пересмотра, который разрабатывается правительством соответствующего уровня.

Проект пересмотра центрального бюджета представляется на рассмотрение и утверждение ВСНП. Проект пересмотра бюджета правительства уровня уезда и выше - СНП соответствующего уровня. То же правило действует и в отношении проекта пересмотра бюджета правительства волости и национальной волости.

Без прохождения процедуры утверждения пересмотр бюджета любого уровня не допускается. После утверждения проекта пересмотра бюджета какого-либо местного правительства он приобщается к делу правительства вышестоящего уровня.

Изменения в бюджетах, происходящие по причине предоставления компенсаций или субсидий, осуществленных в рамках утвержденных доходных и расходных статей, не относятся к процедуре пересмотра бюджета и, соответственно, не требуют составления проекта пересмотра и утверждения представительным органом власти.

Однако при получении компенсации или субсидии правительством, например уровня уезда и выше, необходимо представление ПК СНП доклада об основных условиях такого вливания средств. Получающее компенсацию или субсидию правительство волости, национальной волости или поселка, должно доложить об их основных условиях СНП.

По окончании каждого бюджетного года⁷, в сроки, установленные Государственным советом КНР, правительство каждого уровня, каждое министерство и единица составляют проект отчета об исполнении бюджета.

Пункты, необходимые для включения в проект отчета, определяются министерством финансов КНР. При этом проект отчета должен:

- соответствовать законам и иным нормативным правовым актам;
- отражать точную сумму полученных доходов и произведенных расходов;
- иметь законченное содержание (нэйжун ванчжэн);
- быть своевременно опубликован⁸.

Каждое министерство суммирует и сводит проекты отчетов подведомственных единиц и в установленные сроки докладывает министерству финансов правительства одного с ним уровня.

Министерства финансов соответствующего уровня, в случае обнаружения несоответствия представленного проекта отчета закону и административным предписаниям, вправе внести исправления в данный отчет.

Министерство финансов КНР утверждает центральный проект отчета и докладывает Государственному совету КНР, который после своего утверждения представляет центральный проект отчета на рассмотрение и утверждение ПК ВСНП.

По аналогичной схеме происходит утверждение отчетов и на местах.

Министерство финансов правительства уровня уезда и выше после утверждения проекта отчета представляют его на утверждение правительству соответствующего уровня, которое в свою очередь представляет утвержденный отчет на рассмотрение и утверждение ПК СНП.

Утвержденный правительством волости, национальной волости и поселка проект отчета представляется на рассмотрение и утверждение СНП соответствующего уровня.

После утверждения отчетов местные правительства представляют их в вышестоящее министерство для приобщения к делу.

Государственный совет КНР, правительства уровня уезда и выше, в случае обнаружения несоответствия законам, административным и собственным предписаниям утвержденного и приобщенного к делу отчета вправе представить соответствующий пункт или статью данного отчета на рассмотрение ПК СНП. В случае принятия последним решения об отмене пункта или статьи отчета, правительство соответствующего уровня вновь утверждает проект отчета и представляет его на рассмотрение и утверждение ПК СНП соответствующего уровня.

Контроль за исполнением бюджета

Исполнение бюджетов любого уровня находится под постоянным контролем органов власти. Порядок и организационные формы контроля за исполнением бюджета определяются соответствующими органами представительной власти. Полномочия органов представительной власти по контролю за исполнением бюджета можно разделить на две группы: во-первых, это полномочия по организации контроля, а во-вторых - собственно контрольные полномочия.

Общий контроль за исполнением центрального и местных бюджетов, а также отчетов осуществляет ВСНП и его ПК.

СНП и ПК уровня уезда и выше осуществляют контроль в отношении бюджетов и отчетов правительств одного с ними уровня и ниже.

СНП волостей, национальных волостей и поселков контролируют бюджеты и отчеты правительств равного им уровня.

СНП каждого уровня и их ПК вправе проводить расследования по наиболее крупным статьям бюджетов, отчетам и отдельным вопросам. На правительства, министерства, единицы и отдельных лиц возлагается обязанность по надлежащему отражению ситуации и представлению необходимых данных.

В целях повышения эффективности контроля за исполнением бюджета органы представительной власти могут образовывать структуры, осуществляющие эту контрольную функцию. Для контроля над исполнением бюджета СНП и их ПК избирают специальные комиссии. По их требованию соответствующие правительства и министерства финансов представляют ответы на поставленные вопросы.

Правительство каждого уровня не менее двух раз в течение бюджетного года представляет доклад об исполнении бюджета на рассмотрение соответствующего СНП и его ПК.

Правительство соответствующего уровня контролирует исполнение бюджета нижестоящим правительством. Последнее должно в установленные сроки представлять на рассмотрение вышестоящего правительства доклад об исполнении бюджета.

Министерство финансов (цайчжэнбу) правительства каждого уровня несет ответственность за контроль над осуществлением бюджета каждым министерством и подведомственными ему единицами и докладывает правительству одного с ним уровня и вышестоящему министерству финансов об исполнении бюджета.

Одно государство - две модели бюджетного процесса

В соответствии со ст. 106 Основного закона особого административного района Сянган, принятого третьей сессией ВСНП 7-го созыва 4 апреля 1990 г, Сянган после воссоединения 1 июля 1997 г. с КНР сохранил финансовую автономию.

Все его финансовые доходы идут на собственные нужды. При этом не делается каких-либо отчислений в пользу Центрального правительства КНР. Названное правительство не учреждает и налогов в этом районе.

Бюджетный процесс на территории Сянгана несколько отличается от бюджетного процесса КНР, что является следствием влияния британской системы. Вместе с тем эти процессы в своей основе одинаковы. Причем это единство начинается с первых же бюджетных принципов. Бюджет особого административного района Сянган строится по следующим принципам:

- зависимость расходных статей от величины доходов;
- сбалансированность доходов и расходов;
- бездефицитность;
- соответствие бюджета темпам роста валового продукта местной экономики.

Бюджетные полномочия разделены между Главой администрации (исполнительная ветвь власти) и Законодательным советом (орган представительной власти) Сянгана.

Правительство Сянгана, возглавляемое Главой администрации, самостоятельно разрабатывает законы, устанавливающие виды налогов, ставки, льготы и другие правила налогообложения, то есть в его ведении находятся

вопросы формирования доходной части бюджета Сянган. Оно также составляет и предоставляет планы районного бюджета и отчеты о его исполнении.

Рассматривает и утверждает план районного бюджета Законодательный совет особого административного района Сянган. При этом члены Законодательного совета, несмотря на право законодательной инициативы, не вправе вносить проекты законов, касающихся расходов на общественные нужды.

Принятый Законодательным советом план районного бюджета вступает в силу после подписания и обнародования его Главой администрации Сянган. Он же представляет План районного бюджета и отчет об его исполнении Государственному совету КНР для регистрации.

В случае если Законодательный совет Сянган откажется принять выдвинутый Правительством Сянган план районного бюджета, Глава администрации может обратиться к Законодательному совету с заявкой на чрезвычайные ассигнования. Если в это время Законодательный совет окажется распущенным, Глава администрации может в период выборов нового состава Законодательного совета утвердить краткосрочные ассигнования в норме, соответствующей расходам за прошедший год.

* * *

Бюджетный процесс в КНР представляет собой тесную взаимосвязь его основных стадий. По своей схеме он, практически, полностью соответствует общепринятым мировым стандартам. Особенностью КНР в рассмотренной области является не столько то обстоятельство, что в рамках одного государства сосуществуют две модели бюджетного процесса (общекитайская и сянганская), сколько практически зеркальные полномочия, строгая вертикальная иерархия и горизонтальное распределение бюджетных прав государственных органов, непосредственно участвующих в бюджетном процессе.

1. Хрестоматия по истории Китая в средние века (XV - XVII вв.). М., 1960. С. 80.
2. Рюмин С. Бюджет КНР на службе социалистического строительства // Финансы СССР. N 11. 1957. С. 75.
3. См.: ст. 6 Бюджетного кодекса РФ 31 июля 1998 года N 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. N 31. Ст. 3823.
4. Чжунго фалюй няньцзянь. Пекин, 1995. С. 159.
5. Жэньминь жибао. 1998. 21 марта.
6. КНР в 1995-1996 гг. М., 1997. С. 94.
7. Бюджетный год (юйняньду) в КНР начинается 1 января и заканчивается 31 декабря по григорианскому календарю.
8. Финансовое хозяйство Китая долгое время считалось государственной тайной. Впервые государственный бюджет Китая был опубликован в 1911 году. Этот бюджет явился первым и в то же время последним императорским бюджетом. Его опубликование было вызвано расчетами богдыханского правительства получить новые иностранные займы, с помощью которых оно надеялось укрепить свою власть. В настоящее время опубликование бюджетов стало неотъемлемым условием, без которого невозможно их исполнение.

Либерализация инвестиционного режима: опыт Китая

© 1999

П.Мозиас

Последовательная либерализация инвестиционного режима является одним из главных направлений «политики открытости», осуществляемой в КНР с конца 70-х годов. Китай сумел добиться устойчивого притока инвестиций уже в 80-е годы: к концу минувшего десятилетия показатели согласованных прямых иностранных инвестиций вышли на уровень 5-6 млрд. долл. в год, а фактически осуществленных - 2-3 млрд. долл. в год.

К середине 90-х годов Китай стал крупнейшим среди развивающихся стран мира и вторым по значению после США получателем прямых иностранных инвестиций. В 1995 г. показатель согласованных прямых инвестиций достиг 90,3 млрд. долл., а фактически осуществленных - 37,7 млрд. долл. Правда, в 1996-1997 гг. произошло некоторое сокращение объема вновь согласованных инвестиций (1996 г. - 73,2 млрд. долл., 1997 г. - 51,8 млрд. долл.) Но в то же время, благодаря выполнению ранее заключенных договоренностей, объем фактически осуществленных инвестиций продолжал увеличиваться, поднимаясь до новых рекордных показателей (1996 г. - 42,4 млрд. долл., 1997 г. - 45,3 млрд. долл.)¹.

Общие контуры инвестиционного режима.

Отличительная черта практики сотрудничества с иностранным предпринимательским капиталом в Китае - это постепенный, долговременный характер либерализации инвестиционного режима. Китайское руководство никогда не стремилось в кратчайшие сроки снять все ограничения для деятельности иностранных предпринимателей и уравнивать их в правах с национальными инвесторами. Такой подход был вызван к жизни целым рядом обстоятельств.

С одной стороны, китайская сторона умело использует интерес зарубежных предпринимателей к сравнительным преимуществам экономики КНР (наличие огромного внутреннего рынка, многочисленной и дешевой рабочей силы, природных ресурсов и т.д.) и стремится направить его в русло, наиболее адекватное нуждам национального хозяйственного развития. Дело не только в том, что постепенность «открытия» экономики в целом и отдельных ее секторов для иностранных инвестиций дает принимающей стороне дополнительные возможности контроля и регулирования. Важно и то, что в результате у зарубежных партнеров возникает дополнительная экономическая и психологическая мотивация к вложениям в Китае, так как нередко инвести-

Мозиас Петр Михайлович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ВНИИ внешнеэкономических связей при Министерстве экономики Российской Федерации.

ции совершаются не столько исходя из текущей ситуации, сколько в надежде на будущее смягчение ныне действующих ограничений.

С другой стороны, в течение длительного времени различия в подходах к национальным и иностранным инвесторам позволяли принимающей стороне отчасти компенсировать неразвитость рыночных механизмов внутри самой китайской экономики. Вплоть до недавнего времени политика привлечения иностранных инвестиций в Китае базировалась на предоставлении зарубежным предпринимателям специальных преференций (налоговых, таможенных, валютных и т.п.), которые не были доступны китайским государственным и частным предприятиям. К примеру, если для предприятий с иностранным участием базовая ставка налога на прибыль была установлена в начале 80-х годов на уровне 33%, то государственные предприятия уплачивали этот налог по ставке в 55%. Кроме того, предприятия с иностранными инвестициями имели право на разнообразные «налоговые каникулы», на беспошлинный ввоз оборудования и сырья и т.д.

В последние годы подход китайской стороны претерпевает существенные изменения. Это связано и с тем, что уже достигнуты впечатляющие результаты в привлечении иностранного капитала, причем приток в сторону огромных сумм валюты из-за рубежа стал одним из факторов разбухания денежной массы и обострения инфляционной проблемы. Связано это и с прогрессом рыночных реформ во внутренней экономике, так что издержки от предоставления налоговых и таможенных льгот уже стали перевешивать возможный стимулирующий эффект. К тому же требование унификации режимов для национальных и иностранных инвесторов выдвигается перед Китаем рядом зарубежных стран - торговых партнеров как условие приема КНР в члены ВТО/ГАТТ.

Шаги в сторону унификации предпринимаются с середины 90-х годов. В ходе налоговой реформы 1994 г. на предприятия с иностранным участием был распространен общий порядок косвенного налогообложения китайских предприятий (взимание налога на добавленную стоимость, акцизов, налога на деловые операции в сфере услуг). После принятия Закона КНР о трудовых отношениях в 1995 г. предприятия с иностранными инвестициями стали в полном объеме уплачивать взносы во внебюджетные социальные фонды. С апреля 1996 г. иностранные инвесторы утратили право на ввоз оборудования для собственных нужд без уплаты таможенных пошлин и косвенных налогов². Но важно отметить при этом, что выравнивание режимов для национальных и иностранных производителей происходит не только за счет лишения предприятий с иностранным участием их преференциального статуса, но и за счет распространения многих преимуществ, которыми раньше пользовались только иностранные инвесторы, на основной массив китайских предприятий. Наиболее характерный пример - это то, что в ходе налоговой реформы 1994 г. ставка налога на прибыль для предприятий государственного, коллективного и частного секторов была снижена до 33%, т.е. до уровня, по которому налог уплачивают предприятия с иностранными инвестициями.

В итоге можно сказать, что движение от «режима наибольшего благоприятствования» (им иностранные инвесторы фактически пользовались в 80-е - первой половине 90-х годов, хотя в китайском законодательстве этот термин не употреблялся) к «национальному режиму», единому для национальных и иностранных производителей, - это в условиях Китая достаточно сложный и многофакторный процесс. Речь идет не только о подходе к предприятиям с иностранным участием как к равноправной с китайскими предприятиями ин-

тегральной части китайской экономики, но и о возрастающем равноправии самих китайских предприятий с предприятиями иностранного капитала.

Важно отметить и то, что с течением времени само понятие «либерализация инвестиционного режима» постепенно наполняется новым содержанием. Если до середины 90-х годов иностранный капитал привлекался в Китай главным образом за счет специальных мер государственного стимулирования, то сейчас ставка делается на ускоренное развитие базовых институтов рыночной экономики с тем, чтобы иностранные инвесторы все менее воспринимали народное хозяйство Китая как инородную среду, функционирующую по своим специфическим законам. И в этом смысле дальнейшее «открытие» китайской экономики и процесс внутренней экономической либерализации идут рука об руку. В частности, достигнутое за последние годы расширение иностранного присутствия на финансовых и фондовых рынках Китая, в сферах оптовой и розничной торговли, в инфраструктурных отраслях - все эти изменения происходили параллельно с соответствующими мероприятиями экономической реформы, призванными расширить свободу маневра и для национальных предприятий.

Весьма принципиально также и то, что либерализация инвестиционного режима в Китае - это не однолинейный процесс. Начать с того, что многие либерализационные мероприятия первоначально испытываются в экспериментальном порядке - в пределах отдельных регионов или отраслей. Если такие эксперименты не оправдывают себя, то соответствующие мероприятия отменяются или, по крайней мере, не распространяются на всю экономику.

Но еще более важно другое. Если в какой-либо определенный период времени расширение допуска иностранных фирм в национальную экономику вызывает существенные негативные эффекты, которые по совокупности перевешивают макро- и микроэкономические выгоды от сотрудничества с иностранным капиталом, то руководство КНР не стесняется «отыгрывать ситуацию назад» и вводить новые ограничения для инвесторов из-за рубежа.

В 80-е годы наиболее наглядным примером тому было ограничение иностранных инвестиций в гостиничное дело и другие отрасли непроизводственной сферы (тем самым власти стремились ограничить спекуляции с недвижимостью и «переключить» инвестиционные потоки на развитие отраслей обрабатывающей промышленности). В 90-х годах новые ограничения вводились главным образом в рамках антиинфляционной политики (наиболее характерен введенный в 1994 г. запрет для иностранных инвесторов заниматься фьючерсными операциями с валютой и с ценными бумагами)³. Обратное движение возможно и в случае с отменой ранее действовавших специальных преференций для иностранных предпринимателей. К примеру, после того, как в 1996-1997 гг. объемы вновь согласованных инвестиций стали снижаться, власти пошли на частичное восстановление с начала 1998 г. таможенных и налоговых льгот по ввозимому инвесторами капитальному оборудованию⁴.

Отмеченные общие принципы либерализации инвестиционного режима находят конкретное преломление в практике привлечения иностранного капитала в отдельные сферы китайской экономики. Степень либерализации в отдельных отраслях весьма различна. Причем речь идет не только о различии в подходах к отраслям материального производства, с одной стороны, и к сектору услуг - с другой (в первом случае режим более либерален, а во втором - он более жесткий). Достаточно сильно различаются между собой и инвестиционные режимы в отдельных отраслях производственного сектора, в том числе внутри обрабатывающей промышленности. И надо сказать, что это связано с объективными обстоятельствами, а именно - с тем, что на практике различ-

ные цели, которые ставит перед собой страна-реципиент (рост экспорта и занятости, с одной стороны, заимствование современных технологий, - с другой) реализуются путем сотрудничества с разными группами иностранных инвесторов.

Обычно инвесторы заинтересованы в экспортной ориентации совместных проектов лишь в том случае, когда происходит экономия издержек за счет использования дешевой китайской рабочей силы. Поэтому наибольшие валютные доходы приносят, как правило, низкотехнологичные трудоемкие отрасли промышленности. Напротив, предприятия, перспективные с точки зрения передачи технологии, испытывают наибольшие трудности с валютной сбалансированностью. Они создаются иностранными вкладчиками в основном в расчете на освоение внутреннего рынка КНР. Национальные предприятия часто не могут обеспечить им поставки сырья и комплектующих нужного качества, и значительная часть валютных средств уходит на импорт необходимых ресурсов. Инвестиционная политика китайских властей учитывает этот объективный дуализм целей. Введенная еще в 80-е годы и во многом сохранившаяся до сих пор система налоговых льгот для инвесторов «устроена» таким образом, что она фактически включает в себя две различные группы предпочтений: одну - для экспортеров, а другую - для инвесторов, осуществляющих крупные, долгосрочные проекты в отраслях промышленности и инфраструктуры, ориентированных на внутренний рынок.

Вместе с тем в 90-е годы по мере стабилизации притока инвестиций на весьма высоком уровне, правительству понадобился и механизм более оперативного воздействия на отраслевую структуру инвестирования. Дело в том, что в отдельных отраслях создание все большего числа предприятий с иностранным участием привело к затовариванию рынка и возникновению значительных простаивающих мощностей. Механизм оперативного вмешательства был апробирован, в частности, в автомобильной промышленности, где в 1994 г. был введен полный запрет сроком на два года на создание новых предприятий с иностранными инвестициями, выпускающими конечную продукцию (он не распространялся на производство комплектующих)⁵. В 1995 г. возможность введения такого рода мер была юридически закреплена изданным Госсоветом КНР «Индустриальным каталогом по иностранным инвестициям» (в конце 1997 г. вышла его новая редакция)⁶. В этом перечне отдельные отрасли и подотрасли экономики подразделяются на те, где иностранные инвестиции «поощряются», «разрешаются», «ограничиваются» или «запрещаются». И при этом предприятиям в «ограничиваемых» отраслях (а к ним, в частности, относятся и производств многих потребительских товаров, по которым на рынке наблюдается превышение предложения над спросом) был перекрыт доступ к некоторым из действующих налоговых и таможенных льгот.

Весьма интересна и китайская практика «территориальной открытости» - выборочного поощрения иностранных инвестиций на отдельных территориях. В 80-е годы львиная доля иностранных прямых вложений концентрировалась в и без того наиболее развитых приморских провинциях Китая. В «специальных экономических зонах» и других преференциальных районах побережья иностранным инвесторам был предоставлен еще больший набор разнообразных льгот, чем на общенациональном уровне. Кроме того, такие зоны играли роль экспериментального полигона экономических реформ, и поэтому инвесторы пользовались здесь преимуществами ускоренного развития рыночной инфраструктуры.

Однако в 90-е годы ситуация постепенно изменяется. Политика постепенной унификации режимов хозяйствования предполагает, в том числе и свертывание преференций, действующих в «специальных экономических зо-

нах». К тому же сходные условия хозяйствования постепенно складываются и в других регионах Китая. Но это отнюдь не означает, что китайское руководство полностью отказывается от практики введения особо льготных условий для инвесторов в отдельных регионах. Только теперь акценты в политике «территориальной открытости» расставляются иначе: речь идет о поощрении иностранных инвестиций в менее развитых, чем побережье, центральных и западных провинциях. К примеру, в 1992 г. особый преференциальный режим был введен в ряде городов в бассейне реки Янцзы, рассредоточенных по всем меридиональным поясам Китая. В 1998 г. для ряда провинций Центра и Запада были смягчены многие рестрикции, действующие в отношении «ограничиваемых» отраслей из «Индустриального каталога по иностранным инвестициям»⁷. Все это, как представляется, лишний раз свидетельствует о том, что либерализация инвестиционного режима в условиях переходной и, к тому же, как в случае с Китаем, развивающейся экономики - это весьма непростое явление, мало соответствующее идеологизированным неоклассическим концепциям о необходимости «быстрейшего открытия экономики» и «недискриминационного подхода для всех групп инвесторов».

Порядок допуска иностранных инвесторов в национальную экономику

В Китае действует не регистрационный, а разрешительный порядок создания инвестиционных объектов с участием иностранного капитала. Иными словами, для того, чтобы конкретный инвестиционный проект начал реально осуществляться, недостаточно просто обоюдного желания китайского и зарубежного партнеров (в случае, если организуется совместное предприятие) или желания только иностранного партнера (если речь идет о предприятии с полной иностранной собственностью). Инвестиционный проект должен быть рассмотрен и утвержден по установленному порядку уполномоченными на то государственными органами. И в этой связи само по себе упрощение административных норм создания предприятия может выступать в качестве дополнительной льготы для инвесторов на отдельных территориях или в определенных приоритетных отраслях хозяйства.

Обычно инвестиционные проекты с иностранным участием утверждает общекайтайское Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества (МВТ и ЭС). Однако в рамках определенных лимитов этот вопрос могут решать и нижестоящие органы управления - отраслевые министерства и ведомства, власти провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и некоторых провинциальных центров, а также администрации в зонах совместного предпринимательства. Еще в 1984 г. «потолок» полномочий по утверждению проектов в производственной сфере был установлен для провинциальных властей и для отраслевых промышленных министерств, министерств транспорта и связи, министерства сельского хозяйства - на уровне в 5 млн. долл. Для городов центрального подчинения (Шанхай и Тяньцзинь) он был установлен на уровне 30 млн. долл., для городов Пекин, Гуанчжоу, Дзянь, для приморских провинций Ляонин, Гуандун и Фуцзянь - 10 млн. долл. В «специальных экономических зонах» на юго-востоке Китая местные администрации могут самостоятельно утверждать проекты с объемом инвестиций до 30 млн. юаней - в легкой промышленности и до 50 млн. юаней - в тяжелой промышленности. В пользующихся особым преференциальным статусом 14 «открытых» приморских городах (кроме Шанхая, Тяньцзиня, Гуанчжоу и Дзяня), а также в крупных промышленных центрах внутренних провинций -

городах Чунцин, Шэньян, Ухань, Сиань - верхний «предел» инвестиционных полномочий местных властей был установлен на уровне в 5 млн. долл.⁸

Эта конфигурация полномочий не остается неизменной. В последние годы она эволюционировала главным образом в сторону предоставления дополнительных возможностей властям отсталых внутренних регионов. В 1996-1997 гг. лимиты на утверждение инвестиционных проектов для властей в провинциях и автономных районах Центрального и Западного Китая были увеличены до 30 млн. долл. После того, как в марте 1997 г. городу Чунцин - центру провинции Сычуань на юго-западе Китая - был присвоен статус города центрального подчинения (до сих пор им пользовались только Пекин, Шанхай и Тяньцзинь), инвестиционные полномочия городских властей также были подняты до 30 млн. долл.⁹

Но, как показывает практика, возможны и тенденции делиберализационного свойства, хотя они и носят обычно кратковременный, тактический характер. В частности, накануне отмены в 1996 г. импортных льгот для иностранных инвесторов было установлено, что все новые инвестиционные контракты, заключенные в период между 1 октября 1995 г. и 31 марта 1996 г., должны были пройти обязательное переутверждение в МВТ и ЭС вне зависимости от месторасположения проекта. Тем самым власти стремились предотвратить злоупотребления с созданием предприятий в «последний момент» исключительно в расчете на беспошлинный ввоз оборудования и материалов для последующей перепродажи¹⁰.

Если же говорить о формах делового присутствия иностранных инвесторов в Китае, то следует отметить, что с самого начала осуществления «политики открытости» у зарубежных предпринимателей был широкий выбор организационных форм инвестиционного сотрудничества. Помимо использования таких достаточно сложных форм, как паевые совместные предприятия и филиалы компаний, находящихся в полной иностранной собственности, зарубежные инвесторы могли заключать субподрядные соглашения с китайскими предприятиями, вести компенсационную торговлю (поставки готовой продукции в погашение стоимости поставленных инвестиционных товаров), создавать контрактные совместные предприятия (имущественные комплексы без юридического лица, в которых распределение доходов происходит не в соответствии с долями в уставном капитале, а по договоренности сторон).

Существуют и специфические организационные формы инвестирования, свойственные только отдельным отраслям. В добывающей промышленности - это широко используемые уже с начала 80-х годов соглашения о разделе продукции. По мере того, как в 90-е годы либерализуются условия доступа иностранных инвесторов в инфраструктурные отрасли, постепенно получают распространение инвестиционные контракты по схеме «строительство - управление - трансферт» (английская аббревиатура - BOT).

Требования к доле иностранного партнера в уставном капитале паевого совместного предприятия изначально были весьма благоприятными для инвесторов. Законом КНР о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом (1979 г.) был установлен не верхний, а нижний предел иностранного участия - не менее 25% капитала. Но в последние годы в этом направлении наметилась определенная делиберализация. Когда в 1994-1995 гг. иностранные инвесторы впервые были допущены в сферы речных и авиационных грузовых перевозок, розничной торговли и посреднических внешнеторговых операций, то было установлено, что доля китайской стороны в уставном капитале должна составлять не менее 51%. А с изданием в 1995 г. «Индустриального каталога по иностранным инвестициям» аналогичные тре-

бования были введены и для целого ряда отраслей материального производства, попавших в «ограничиваемый» перечень.

Порядок осуществления оперативной деятельности иностранными инвесторами.

В 80-90-е годы изменения в практике государственного регулирования оперативной деятельности иностранных инвесторов были в Китае тесно связаны с общим прогрессом экономических реформ, со становлением и развитием товарных рынков, рынка капитала, валютного рынка, рынков земельных участков и трудовых ресурсов. На первых этапах сотрудничества Китая с иностранным капиталом функциональные проблемы предприятий с иностранным участием решались главным образом методами прямого административного воздействия - после обращения инвесторов в соответствующие государственные инстанции. В этом плане ключевую роль играл выбор китайского партнера по СП и его связи в иерархии бюрократических ведомств. Но уже с середины 80-х годов центр тяжести в государственной политике стал постепенно переноситься на косвенные, экономические методы воздействия, опирающиеся на механизмы рыночного саморегулирования.

Важную роль в повседневной текущей работе предприятий с иностранными инвестициями играл комплекс проблем, связанных с неконвертируемостью китайского юаня. Требование обязательной валютной сбалансированности для совместных предприятий было включено еще в базовый закон 1979 г., положивший начало политике привлечения инвестиций, и впоследствии оно неоднократно подтверждалось другими нормативными актами.

Понятно, впрочем, что дело не в юридическом закреплении этого принципа, а в механизмах его практической реализации. Начать с того, что в целях контроля над эффективным расходованием валюты внешнеторговые операции предприятий с иностранным участием до сих пор подвергаются обязательному планированию и лицензированию. Предприятие должно составить годовой экспортный план и представить его в МВТ и ЭС для получения соответствующей лицензии. План по импорту составляется также на год, но за лицензиями на импорт нужной продукции предприятие должно обращаться в МВТ и ЭС каждые полгода. Кроме того, в декабре каждого года предприятие должно представить в Государственную администрацию валютного контроля (ГАВК) валютный план на следующий год, а закупки по импорту должны происходить в соответствии с этим планом. Примерно такие же процедуры контроля действуют применительно к внешнеторговой деятельности и китайских предприятий.

Но в других отношениях режим валютного регулирования для объектов с иностранным участием был с начала 80-х годов резко отличным от того, каким пользовались национальные предприятия. Китайские государственные предприятия и внешнеторговые объединения могли оставлять в своем распоряжении только небольшую часть экспортной валютной выручки, а расходование валюты на импортные цели могло происходить только в рамках государственного «перечня импортных приоритетов». В то же время валютная выручка предприятий с иностранным участием полностью оставалась в их распоряжении. Она помещалась на специальные счета предприятий в Банке Китая, и через них прибыли иностранных партнеров могли переводиться за границу. Намного больше свободы маневра было у предприятий с иностранным участием и в области закупок по импорту.

Требование об экспортной направленности совместных проектов до середины 80-х годов часто включалось по инициативе китайской стороны в инвестиционные контракты как обязательное условие, т.е. речь шла об административном принуждении к экспорту. Но эффективность такого рода мер была невысокой, ибо они часто вступали в противоречие с объективными интересами зарубежных партнеров. После 1986 г. экспорт предприятий с иностранным участием стал стимулироваться дополнительными налоговыми льготами. В условиях же 90-х годов главным средством поощрения экспорта стала дальнейшая либерализация внешнеторгового режима. В 1997-1998 гг. в ходе азиатского финансового кризиса в ряде стран Юго-Восточной Азии произошли значительные девальвации, что привело к ухудшению экспортной конкурентоспособности китайских товаров по сравнению с продукцией ведущих конкурентов. В таких условиях в середине 1998 г. предприятиям с иностранным участием в Китае было разрешено создавать собственные внешне-торговые компании и заниматься не только экспортом собственной продукции, но и выполнять посреднические функции¹¹.

Однако меры поощрения экспорта не способны помочь в ситуации, когда главная цель зарубежных инвесторов - это освоение внутреннего рынка Китая, а именно такие инвестиционные проекты, как правило, наиболее перспективны с точки зрения привлечения современных технологий. В первой половине 80-х годов китайские власти нередко прибегали к выделению прямых валютных дотаций инвесторам, осуществляющим капиталоемкие проекты. С середины 80-х годов началось развитие системы коммерческих операций с валютой, призванных перераспределять свободные валютные средства из экспортных отраслей промышленности и высокодоходных отраслей сферы услуг в пользу объектов импортозамещающей индустрии. С 1985 г. развивалась сеть «центров валютного урегулирования» (ЦВУ), где валюта могла покупаться и продаваться по более высокому, чем официальный, рыночному курсу. Режимы валютного регулирования для китайских предприятий и для предприятий с иностранным участием оставались при этом различными. Если первые могли продавать в ЦВУ только часть экспортной валютной выручки и не могли покупать валюту, то вторые могли свободно распоряжаться всеми своими валютными доходами.

Принципиальные изменения в режиме валютного регулирования произошли в 1994 г. Была осуществлена унификация валютного курса юаня: официальный курс стал отныне устанавливаться на основе рыночного, формирующегося во вновь созданной системе межбанковских валютных торгов. Для китайских предприятий была отменена система валютных отчислений, и теперь вся экспортная выручка должна полностью продаваться уполномоченным государственным банкам. Одновременно был либерализован доступ к покупкам валюты - для этого китайским предприятиям достаточно теперь просто предъявить импортный контракт и копию соответствующей лицензии.

Условия валютного режима для национальных предприятий таким образом существенно приблизились к тем, которые действовали в отношении предприятий с иностранным участием. Но специфика валютного регулирования для последних все же сохранилась. Предприятия с иностранными инвестициями сохранили право на специальные валютные счета, куда по-прежнему зачисляется вся их экспортная выручка, хотя для открытия такого счета им необходимо теперь получить в ГАВК специальный регистрационный сертификат. В то же время, в отличие от китайских предприятий, иностранные инвесторы практически не допускались в 1994-1996 гг. к покупкам валюты в государственных банках. Они по-прежнему могли пользоваться только

ЦВУ, где валютные ресурсы стали быстро истощаться в связи с оттоком средств на межбанковский рынок. Ситуация стала меняться только с конца 1996 г., с введением конвертируемости юаня по балансу текущих операций. После этого предприятия с иностранным участием были, наконец, допущены к ресурсам межбанковского валютного рынка, и тем самым был сделан новый шаг в сторону унификации режимов для национальных и иностранных инвесторов¹².

За последние годы существенно расширились и возможности предприятий с иностранным участием привлекать заемные финансовые ресурсы. Еще с начала 80-х годов иностранным инвесторам было разрешено получать кредиты не только от китайских, но и от иностранных банков. В последнем случае требуется гарантия кредитных учреждений КНР (включая действующие в стране филиалы иностранных банков), и, в свою очередь, предприятие-заемщик должно предоставить учреждению-гаранту контргарантию, обеспеченную реальными ценностями. Если в 80-е - начале 90-х годов из государственных китайских банков кредиты совместным предприятиям выдавали только Банк Китая и Промышленно-торговый банк, то после банковской реформы 1994 г. к осуществлению таких операций приступил и вновь созданный Экспортно-импортный банк. Кроме того, возможности кредитования в последнее время существенно возросли благодаря либерализации доступа иностранных банков на внутренние финансовые рынки КНР.

Немалый прогресс в последнее время достигнут и в области регулирования земельных отношений, связанных с иностранным инвестированием. Вообще говоря, большинство земельных площадей в КНР являются государственной собственностью и не подлежат отчуждению. Однако с конца 80-х годов постепенно развивается рынок «прав на использование земли», т.е. рынок обязательств по долгосрочной аренде земельных участков. Такие права часто используются в качестве вклада китайской стороны в уставные капиталы совместных предприятий. Государство использует дифференцированную шкалу сроков аренды в качестве метода стимулирования приоритетных направлений инвестирования. К примеру, в «специальной экономической зоне» Шэньчжэнь максимально допустимый срок аренды для предприятий торговли и сферы обслуживания составляет 40 лет, для промышленных предприятий, объектов науки, образования, культуры¹ и медицины - 50 лет, а для объектов жилищного строительства - 70 лет¹³.

Значительная либерализация достигнута и в сфере регулирования трудовых отношений. Если в 80-е годы при наборе китайских сотрудников решающее слово было за китайским партнером по СП и его вышестоящей организацией, то в современных условиях значительно большую роль играют такие методы, как свободный конкурсный набор, набор через частные рекрутинговые агентства и т.д. В то же время следует отметить, что в последние годы был принят целый ряд нормативных актов, призванных гарантировать социально-экономические права китайского персонала предприятий с китайским участием. Это заметно контрастирует с прежним подходом, когда на многие злоупотребления в этой области власти «закрывали глаза», не желая портить отношения с зарубежными предпринимателями.

Допуск иностранных инвесторов в сферу услуг.

Подходу китайских властей к либерализации инвестиционного режима в сфере услуг свойственны те же тенденции, что и «политике открытости» в целом (постепенность либерализации, возможность возвратных движений; дифференцированность режимов в зависимости от конкретной ситуации в

той или иной отрасли; широкое применение различного рода промежуточных и переходных форм инвестиционного сотрудничества). Вместе с тем следует отметить, что степень либерализации в сервисных отраслях в целом существенно ниже, чем в отраслях материального производства, и государственный контроль здесь гораздо более жесткий.

В официальных заявлениях руководителей КНР, в китайской научной и периодической печати это обычно объясняется необходимостью обеспечения экономической безопасности страны, хотя в каждом конкретном случае акценты расставляются по-разному. Так, необходимость государственного контроля над вложениями в сферу операций с недвижимостью обычно увязывается с комплексом мер, призванных предотвращать «перегрев» экономики. Ограничение иностранного присутствия на финансовых и фондовых рынках трактуется китайскими специалистами как мера разумного протекционизма: речь идет о недопущении чрезмерной зависимости еще только формирующегося национального рынка капиталов от притока спекулятивных инвестиций из-за рубежа. В случае с транспортом и связью можно говорить о традиционном для стран коммунистической ориентации стремлении удержать под контролем государства «командные высоты» экономики. Наконец, в подходе к либерализации информационного рынка отчетливо прослеживаются соображения чисто идеологического характера, а именно - стремление минимизировать внешнее воздействие на течение политической и культурной жизни Китая.

Надо сказать, что в начале 80-х годов, на начальном этапе «политики открытости», именно сервисные отрасли, непосредственно работающие на удовлетворение спроса иностранцев (гостиничное дело, общепит, бытовые услуги и т.д.) привлекали наибольшие объемы иностранных инвестиций. Однако уже в середине 80-х годов, вследствие возникшего превышения предложения над спросом, власти были вынуждены пойти на некоторую делиберализацию доступа инвесторов в гостиничное дело. Приток новых иностранных вложений сдерживался методами прямого административного воздействия: с одной стороны, местные власти запрещали строительство новых отелей на подведомственных им территориях, а с другой - МВТ и ЭС ужесточило требования при утверждении новых инвестиционных контрактов. Впоследствии, после короткого периода либерализации в 1991-1993 гг., власти вернулись к политике административного сдерживания вложений в недвижимость, дополнив его на этот раз ограничениями на банковское кредитование такого рода инвестиционных проектов.

Что же касается иностранных инвестиций в такие ключевые отрасли сферы услуг, как банковское и страховое дело, транспортные перевозки, розничная торговля и т.д., то здесь сколь-нибудь значительная либерализация инвестиционного режима началась по существу только в 90-е годы.

В финансовом секторе создание предприятий с иностранными инвестициями было впервые разрешено еще в 1984 г., но только в пределах «специальных экономических зон». Лишь в 1990 г. зарубежные банки получили право создавать отделения в Шанхае, а в 1992 г. для вложений в финансовый сектор были открыты еще семь городов в приморском поясе - Далянь, Тяньцзинь, Циндао, Нанкин, Нинбо, Фучжоу и Гуанчжоу. В начале 1994 г. было санкционировано создание финансовых предприятий с иностранным участием в 10 городах «внутренних» провинций КНР, в том числе в Пекине.

Ограничение географического ареала для иностранных инвестиций в финансовый сектор дополняется прямыми запретами на ведение банковских операций многих видов. До самого недавнего времени иностранные банковские структуры могли осуществлять прием вкладов и выдачу кредитов только в

иностранных валютах. Прием юаневых депозитов банки с иностранным участием могли осуществлять только как банки-агенты своих китайских соучредителей. Лишь в апреле 1997 г. четырем отделениям иностранных банков, зарегистрированным в преференциальной зоне Пудун в восточной части Шанхая, впервые было разрешено открывать юаневые депозитные счета, выдавать займы и гарантии по юаневым кредитам, покупать государственные долговые обязательства. Но при этом было установлено, что такие операции могут совершаться только в Шанхае, а общий объем юаневых обязательств банков не может превышать 35% суммы валютных обязательств¹⁵. Следующий тур либерализации начался в мае 1998 г.: девяти пудунским отделениям иностранных банков был открыт доступ к ресурсам и информационной сети национального межбанковского рынка и, кроме того, они получили право вести депозитарные операции с государственными ценными бумагами¹⁶.

Допуск иностранных инвесторов в отрасль страховых услуг носит еще более дозированный, по существу - «штучный» характер. В 1992 г. первой из зарубежных страховщиков лицензию на открытие китайского отделения получила американская «Америкэн Интернэшнл Груп» - крупнейшая страховая компания мира. К настоящему времени в этой отрасли существует только 4 предприятия с иностранным участием, т.е. речь все еще идет о своего рода эксперименте. И такое положение вещей закреплено законодательно: принятый в 1995 г. Закон КНР о страховании распространяется как на китайских, так и на иностранных страховщиков, но законом установлено, что лицензирование последних осуществляется в особом порядке¹⁷.

В розничную торговлю иностранные инвесторы стали допускаться в 1992 г., но только в «специальных экономических зонах» и в городах Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Гуанчжоу, Далань и Циндао. Инвестиции могут совершаться только в форме паевых совместных предприятий, причем срок инвестиционного соглашения должен быть не меньше 30 лет. Такие СП имеют право импортировать товары напрямую, без посредничества государственных внешнеторговых компаний. Но установлено, что доля импорта в объеме розничных продаж не должна превышать 30%¹⁸.

В сферы авто - и железнодорожного строительства, авиационных и морских пассажирских перевозок иностранные инвесторы были допущены еще в середине 80-х годов. Новый тур либерализации начался в 1994 г., когда было разрешено создание предприятий с иностранным участием, занимающихся авиационными и морскими грузовыми перевозками. Было также установлено, что иностранные инвесторы могут подключаться к строительству и обслуживанию морских и авиационных портовых терминалов, могут арендовать имеющиеся терминалы, еще не оснащенные необходимой инфраструктурой. Но при этом инвестиционное сотрудничество может осуществляться только в форме паевого СП, в котором китайская сторона должна обладать контрольным пакетом, а руководителями исполнительных органов СП должны быть граждане КНР.

Создание предприятий полной иностранной собственности разрешается, если только речь идет об открытии новых специализированных линий перевозок. На авиатранспорте закрытой для иностранных инвесторов областью остаются службы диспетчерского контроля за полетами.

В 1998 г. продолжился процесс либерализации сферы водных перевозок. Иностранцы были допущены к перевозкам по внутренним водам. Были ослаблены ограничения на тоннаж судов, эксплуатируемых совместными предприятиями. Для национальных и иностранных инвесторов были установлены единые тарифы на оплату услуг естественных монополий, был

унифицирован порядок оказания навигационных услуг, заправки судов водой и топливом¹⁹.

Полностью закрытыми для иностранных вложений остаются сферы почтовых и телекоммуникационных услуг, кинематограф, видеопрокат. Иностранные инвестиции в электронные СМИ разрешены только в форме паевых СП, причем им запрещено заниматься производством собственных программ, а на использование зарубежной продукции установлены количественные ограничения. Инвестиции в издательское дело также могут осуществляться только в форме паевых СП, в которых у китайской стороны должно быть не менее 51% капитала, а руководителями должны быть китайские граждане.

Обеспечение интересов национального производства в условиях "открытой экономики".

В Китае меры по защите национальных экономических интересов в условиях широкомасштабного привлечения иностранного капитала осуществляется как на макро -, так и на микроэкономическом уровнях. Причем речь идет не только о гарантиях справедливой конкуренции национальных и иностранных инвесторов, но и о распространении позитивных импульсов от сотрудничества с иностранным капиталом на как можно более широкий круг хозяйствующих субъектов.

Китайское правительство никогда не стремилось добиться благосклонности со стороны международных деловых кругов за счет быстрого снятия тарифных и количественных барьеров на пути импортных товаров и услуг. Более того, накануне начала переговоров о вступлении в ГАТТ в 1986 г. ставки импортных пошлин по большинству товарных групп были резко увеличены с тем, чтобы создать китайской стороне поле для последующих переговорных уступок.

В дальнейшем импортные тарифы многократно снижались, постепенно отменялись и многие количественные ограничения, но и по сей день внутренний рынок Китая остается сравнительно закрытым для поставок готовой продукции из-за рубежа. И это само по себе выступает как мощный стимул для прямых иностранных инвестиций в Китае: ведь если невозможно осваивать крупнейший в мире рынок за счет прямых экспортных продаж, то не остается ничего другого, как создавать предприятия в самом Китае и учитывать при этом объективные интересы принимающей стороны.

Но даже прямые инвестиции сами по себе вовсе не гарантируют свободного доступа на китайский рынок. Партнерами иностранных инвесторов по совместным предприятиям в абсолютном большинстве случаев выступают китайские предприятия государственности или же территориальные и отраслевые органы управления. Поэтому завоевание новых сегментов рынка в значительной степени зависит от использования уже имеющихся сбытовых сетей китайского соучредителя СП или же от непосредственной административной поддержки органов власти.

Это обстоятельство активно используется китайской стороной: продвижение продукции предприятий с иностранным участием на внутренний рынок ставится в зависимость от уровня передаваемой технологии (т.н. политика «рынок в обмен на технологию»). Баланс интересов соблюдается за счет т.н. «органических контрактов», описывающих отношения партнеров в динамике. Например, китайский партнер обязуется создавать новые сбытовые сети в КНР в обмен на будущие усовершенствования передаваемой технологии. Или же в обмен на подготовку дополнительных контингентов местных спе-

циалистов, китайская сторона обязуется закупать у зарубежного партнера запчасти и комплектующие.

Вместе с тем уже на стадии подготовки инвестиционного соглашения принимающая сторона стремится обеспечить гарантии реального освоения технологии. Существует неформальное правило, согласно которому при внесении долей в уставной капитал СП инвестиции иностранного партнера в виде технологии не должны составлять более 15-20% его пая. Остальная часть должна вноситься другими факторами производства или денежными средствами. Это делается для того, чтобы избежать случаев, когда китайская сторона будет вынуждена в одиночку нести все финансовые расходы и, соответственно, брать на себя возможный риск и убытки в освоении технологии.

Для предприятий с иностранными инвестициями, использующих действительно современные технологические процессы, одна из главных проблем - это поиск китайских смежников, способных поставлять сырье и комплектующие нужной спецификации и должного качества. Чаще всего использование местных субпоставок становится возможным только после оказания технической помощи соответствующим китайским предприятиям. Во многих случаях требуются дополнительные капиталовложения и создание новых совместных предприятий, теперь уже по производству не конечной, а промежуточной продукции.

Китайская сторона обыгрывает эти обстоятельства еще на стадии подготовки инвестиционных соглашений. В КНР, в отличие от многих других развивающихся стран, не существует закрепленных законодательно требований к доле отечественных материалов в себестоимости конечной продукции СП. Но фактически такие требования устанавливаются на индивидуальной основе применительно к каждому сколь-нибудь значительному инвестиционному проекту: в инвестиционных соглашениях темпы продвижения продукции на внутренний рынок ставятся в зависимость от темпов перехода с импортных на местные источники снабжения. В последние годы локализация источников субпоставок стала все активнее поощряться и мерами макроэкономической политики. Изданный в 1995 г. «Индустриальный каталог по иностранным инвестициям» предусматривает, что в рамках многих отраслей налоговые льготы должны в первую очередь предоставляться производителям промежуточной продукции, а не готовых изделий.

По мере вступления в строй все большего числа предприятий с иностранным участием для ряда отраслей китайской экономики, особенно производящих потребительские товары длительного пользования, стала актуальной проблема перепроизводства и образования избыточных мощностей. С этим и было в первую очередь связано издание «Индустриального каталога», существенно затруднившее процесс утверждения проектов и получения налоговых льгот в «ограничиваемых» отраслях.

К середине 90-х годов стала очевидной и другая проблема, связанная с крупномасштабным присутствием иностранных инвесторов в китайской экономике. Продукция предприятий с иностранным участием все активнее вытесняет с рынка изделия, реализуемые под традиционными китайскими торговыми марками. Так, по данным на середину 1996 г., в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и Чэнду на иностранные торговые марки приходилось 85% продаж на рынке шампуней, 72% - на рынке шоколадных изделий, 81% - на рынке прохладительных напитков. По любой из этих категорий товаров на «пятерку» ведущих китайских торговых марок приходилось менее 10% продаж²⁰.

Реагируя на ситуацию, власти прибегают к мерам как экономического, так и чисто административного характера. В 1996-1997 гг. ряду национальных

производителей (например, производителям фотопленки) были предоставлены индивидуальные таможенные льготы. На рынках пива и ряда товаров бытовой техники были установлены прямые количественные ограничения для продаж продукции под иностранными торговыми марками. И, кроме того, во многих случаях уже на стадии подготовки инвестиционных соглашений зарубежных предпринимателей обязывают теперь продавать часть продукции под китайскими торговыми марками.

Позитивные наработки китайского опыта могут быть использованы в ходе назревшей коррекции политики привлечения иностранного капитала в российскую экономику. Разразившийся в 1998 г. в России финансовый кризис продемонстрировал, какую угрозу для национальной экономической безопасности может представлять чрезмерный акцент на привлечение иностранных портфельных инвестиций и кредитов от частных иностранных банков. В условиях, когда провозглашен курс на приоритетное внимание к реальному сектору экономики, особое значение приобретает привлечение прямых инвестиций из-за рубежа.

В последние годы российские власти делали ставку на ускоренную либерализацию режима хозяйствования для иностранных инвесторов, на распространение на последних "национального режима", идентичного тому, которым пользуются отечественные предприятия. Предполагалось, что само по себе предоставление иностранным предпринимателям того же объема прав, что и национальным инвесторам, будет выступать в качестве стимула для вложений в российскую экономику. При этом обычно ссылались на опыт развитых стран Запада, где иностранные инвесторы не пользуются специальными преференциями, а ограничения на их деятельность весьма незначительны.

Однако опыт показывает, что в условиях переходной экономики такая логика "не срабатывает". Системные несовершенства инвестиционного климата (а в России они усугубляются общей политической и экономической нестабильностью) столь велики, что от национального государства требуется проведение специальных мер экономической политики, нацеленных на создание особо льготного режима для иностранных инвесторов. Никаких противоречий с политикой развития отечественного предпринимательства здесь нет, вопрос состоит лишь в точном подходе к последовательности действий.

Во-первых, стимулируемый государством приток иностранных прямых инвестиций может, в свою очередь, вызывать к жизни мультипликативный эффект роста внутренних инвестиций в сопряженные производства. Во-вторых, речь идет о мерах кратко- и среднесрочного характера, а в более отдаленной перспективе, по мере созревания среды национального предпринимательства, режимы хозяйствования для обеих групп инвесторов должны постепенно сближаться. В-третьих, речь должна идти о строго дифференцированной, селективной политике. В тех отраслях, где уже существуют российские компании, входящие в круг мировых лидеров (например, нефтяная промышленность), предоставление иностранным инвесторам особых преференций было бы совершенно неразумным. Важно отметить также, что политика в отношении иностранных инвестиций должна четко координироваться с политикой во внешнеторговой области. Разумная протекционистская защита отечественных производителей, в том числе предприятий с иностранными инвестициями, сама по себе способна создать у иностранных фирм заинтересованность во вложениях в российскую экономику как в средстве освоения внутреннего рынка нашей страны.

В то же время государственная политика в области привлечения инвестиций не может сводиться только к льготированию деятельности иностран-

ных инвесторов. Необходимо и более активное государственное воздействие на параметры иностранного инвестирования с тем, чтобы обеспечить реализацию национальных экономических интересов. Понятно, что современная политическая и правовая среда в России принципиально отлична от китайской: свойственные социалистическим странам механизмы контроля над социальными процессами в нашей стране подверглись ускоренному демонтажу. Поэтому речь не может идти, скажем, о восстановлении практики разрешительного подхода к регистрации предприятий с иностранным участием. Но в то же время вполне возможно закрепление законодательными решениями, принимаемыми с помощью демократических процедур, таких методов регулирования, как установление обязательной минимальной доли отечественных комплекствующих в выпуске продукции предприятиями с иностранными инвестициями; обязательное сохранение за российской стороной контрольных пакетов в предприятиях стратегических отраслей и т.п. Целесообразно было бы также, по китайскому примеру, законодательно разделить отрасли отечественной экономики на те, где прямые иностранные вложения поощряются, ограничиваются или запрещаются, и соответственно выстроить систему допуска иностранных инвесторов к тем или иным преференциям.

Важно отметить и такое преимущество китайского опыта, как разнообразие методов привлечения инвестиций (различия в налоговых режимах стимулирования, диверсификация организационных форм совместных предприятий и типов зон совместного предпринимательства и т.д.). В целом, как представляется, государственная политика по отношению к иностранному капиталу должна исходить не из идеологических схем, изложенных в западных учебниках, а из сложной, многообразной реальности переходной экономики, и при этом на первом плане должны стоять сутобо прагматические интересы национального экономического развития.

1. China Business Review. 1998. May-June. P. 35
2. См. подробнее: Мозиас П.М. Налоговая реформа в КНР // *Налоги*. 1996. №№ 15, 16.
3. China Daily. 1994. December 16.
4. Financial Times. 1998. January 5.
5. Ibid. 1994. June 7.
6. Сборник важнейших документов по вопросам внешнеэкономической деятельности - 1995. Пекин, 1995. Ч. 1. С. 228-240 (кит. яз.); Beijing Review. 1998. № 9. P. 15-22.
7. China Daily. Dusiness Weekly. 1998. May 24-30.
8. Лю Шучжун. Использование иностранного капитала и развитие экономики открытого типа. Пекин, 1990. С. 49.
9. China Business Review. 1997. May-June. P. 4.
10. Ibid. 1996. July-August. P. 32-35.
11. China Daily. 1998. May 14.
12. Monetary and Exchange System Reforms in China. An Experiment in Gradualism. Wash. 1996. P. 55-61.
13. Beijing Review. 1992. № 45. P. 16.
14. Гоцзи маои вэньти. 1996. № 5. С. 41-45.
15. Far Eastern Economic Review. 1997. January 16. P. 52.
16. China Daily. 1998. May 6.
17. China Business Review. 1996. July-August. P. 30-35.
18. Гоцзи маои вэньти. 1998. № 1. С. 56-60.
19. Beijing Review. 1998. № 23. P. 26.
20. Far Eastern Economic Review. 1996. April 18. P. 70-72.

Проблемы обеспечения природными ресурсами экономического развития КНР в XXI веке

© 1999

И. Наумов

Наступающий XXI век будет веком борьбы за выживание народов и стран. На первый план выдвигаются проблемы обеспечения экономического роста природными ресурсами (земельными, водными, лесными, энергетическими, минерально-сырьевыми и др.), рациональное их использование и защита от окончательного разрушения среды обитания. Поэтому выдвигание такого крупного проекта, предложенного парламентским слушаниям Государственной Думы РФ, не может не носить геополитического характера и не может не затрагивать интересы общественности других стран, особенно сопредельных, и руководство мультинациональных корпораций, имеющих виды на природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока. В ряде стран уже сложились направления, группы, занимающиеся разработкой концепций, программ, планов освоения недр и ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Нам необходимо неизмеримо лучше знать окружающий нас мир и особенно сопредельные страны и регионы, их проблемы и цели на XXI век.

В этом отношении особый интерес для нас должна представлять Восточная Азия (Китай, Япония, КНДР, республика Корея), а также ДРВ. Потребности в ресурсах определяются в первую очередь численностью населения, уровнем развития народного хозяйства, собственными запасами. Названный район — самый много- и густонаселенный в мире. Сейчас в странах района проживает 1545,3 млн. человек, в том числе¹:

(млн. человек)

Государство	1996 г.	2020 г.
КНР	1248,8*	1480—1485
Тайвань	21,5	25—26
Сянган	6,5	8—9
КНДР	22,7	29—30
Республика Корея	45,5	55—57
Япония	125,8	134—136
ДРВ	75,2	95—105
Всего	1546,0	1826—1848

* 1998 год.

Иван Николаевич Наумов, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.
Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.
Проект № 99-02-00287а.

В 2020 г. численность населения в районе приблизится к 2 млрд. человек, что в настоящее время в 10,5 раз превышает население России и в 48 раз население российского Зауралья. Плотность населения в Японии составляет 333 человека на 1 кв.км, Республике Корея — 460, КНДР — 183, ДРВ — 228. В КНР средняя плотность равняется 127 человек на 1 кв.км. Однако расселение оно по территории крайне неравномерно. В приморских провинциях, в долинах рек она не меньше чем в Японии и Р.Корея. Самой многонаселенной страной района является Китай. На него приходится 80% населения района. Эта доля за ним сохранится и в 2020 г. Как следствие высокой плотности населения эти страны объединяет низкая землеобеспеченность, острая нехватка пресноводных, лесных ресурсов. В Японии практически отсутствуют месторождения энергоносителей и многих видов минерального сырья. Не найдены запасы нефти и газа на Корейском полуострове и на его морском шельфе. Иное положение в КНР. Страна, по официальному признанию, богата запасами энергоносителей (главным образом каменного угля) и минерально-сырьевыми ресурсами, но их мало приходится на душу населения.

Все страны и территории района либо достигли высокого уровня развития промышленности и экономики в целом (Япония, Р.Корея, Тайвань, Сянган), либо находятся на разных этапах индустриализации (КНР, КНДР, ДРВ). Это самый крупный район по производству металла. В 1996 г. в трех странах района было выплавлено 239,1 млн.т стали², в том числе в КНР — 101,2 млн.т, в Японии — 99,0 млн.т, Р.Корея — 38,9 млн.т. В КНДР в лучшие годы выплавлялось до 12 млн.т стали. Стремительно увеличивается производство металлов в КНР. В 1998 г. там было выплавлено уже 115,6 млн.т стали³, не менее 115 млн.т чугуна, произведено 105,2 млн.т проката. Астрономических масштабов достигло производство цемента — 536 млн.т и т.п. В 2020 г. выплавка стали может превысить в районе 300 млн.т. Все это требует колоссальных затрат энергии и минерально-сырьевых ресурсов. Уже в настоящее время район является крупнейшим импортером нефти, газа, угля, скрапа, железной руды и других минерально-сырьевых ресурсов. В 1997 г. только КНР, промышленность которой в основном развивается на собственной сырьевой базе, при наличии огромных залежей железных руд (правда, с низким содержанием железа) импортировала из Австралии 55,1 млн.т железной руды⁴. Если в Японии, Р.Корея, на Тайване потребности в топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсах в основном сформировались, определились источники, пути и методы их удовлетворения, то в Китае, где индустриализация, несмотря на огромный прогресс, еще далека от завершения, все народное хозяйство находится в неуравновешенном движении, отягощенном глубокими и труднопреодолимыми проблемами, во многом неизвестными россиянам.

За 50 лет своего существования Китай из полуфеодальной и полукOLONиальной страны превратился в мощную индустриальную державу мира. По ряду важнейших показателей (добычи угля, выплавке стали, производству цемента, минеральных удобрений, электроэнергии, телевизоров) Китай вышел на первые—вторые места в мире. Нарастает добыча нефти: в 1998 г. она поднялась до 161 млн.т⁵. Среди достижений китайской промышленности выделим следующие: 1) В результате развития химической промышленности быстро наращивается выпуск химических удобрений. В 1998 г. их производство возросло до 30,1 млн.т (в переводе на 100% вещество)⁶, еще 11 млн.т ежегодно импортируется. В результате было химизировано сельское хозяйство. По урожайности (риса 60—63 ц/га, пшеницы 37—41 ц/га, кукурузы 50—52 ц/га) Китай приблизился в развитым странам. Валовой сбор зерновых (включая

картофель и батат в пересчете на зерно) составляет сейчас 490—500 млн.т в год, что создает предпосылки для повышения уровня потребления, социальной стабильности и обеспечения продовольственной безопасности. 2) Большой вклад промышленность внесла в подъем народного благосостояния и в преобразование образа жизни населения, завалив прилавки магазинов и рынков велосипедами, швейными машинами, телевизорами, стиральными машинами, холодильниками и т.д. и т.п. Постепенно решается проблема электрификации страны. Супермассовый выброс на рынок промышленных потребительских товаров явился важным вкладом в сбалансирование спроса и предложения и недопущения инфляционного взрыва при значительном увеличении денежной заработной платы и денежных доходов крестьян. 3) Выдающимся достижением китайской промышленности является то, что своими промышленными товарами Китай пробился через таможенные преграды на рынки Японии, США, Канады, стран ЕС, которые стали его главными внешнеторговыми партнерами. В настоящее время в экспорте промышленные товары составляют 87%, в импорте — 80%⁷. Китай стремительно становится крупнейшей мастерской мира. Взамен экспорта своих товаров он ввозит много нового и новейшего оборудования и современных технологий. Торговля поставлена в положение важного двигателя научно-технической реконструкции народного хозяйства. В этом же направлении действуют иностранные займы и прямое инвестирование. Всего в 1979—1997 гг. в КНР было освоено 348,35 млрд.долл.⁸, в том числе займы составили 116,13 млрд.долл.; остальные 232,22 млрд. приходятся на прямые инвестиции. Все иностранные средства вкладывались непосредственно в производство или инфраструктуру. 4) В стратегическом отношении чрезвычайно большое значение имеет ускоренное обновление и осовременивание основных фондов. Об этом свидетельствуют данные 3-й переписи промышленности, проведенной в конце 1995 г. Согласно опубликованным данным, на предприятиях, начиная от волостных и выше из 3200 важнейших видов оборудования 47,1% приходилось на импортное оборудование. По возрасту оборудование распределялось следующим образом⁹:

(в %)

	Годы производства		
	90-е	80-е	70-е и старше
Все оборудование	36,4	54,1	9,5
Импортное	26,1	69,7	4,2
Отечественное	45,5	40,4	14,1

Весь период после образования КНР характеризовался массовым включением подрастающей рабочей силы в сферу производства и услуг. Численность занятых возросла со 180 млн. в 1949 г. до 696 млн. в 1997 г., т.е. увеличилась более чем на 500 млн. человек, в том числе после 1978 г. — более чем на 290 млн.¹⁰ Сформировавшийся преимущественно экстенсивный характер производства явился способом выживания огромных масс населения и важным стабилизирующим фактором в китайском обществе.

В то же время в народном хозяйстве в целом и в промышленности в особенности накапливались необычные по размаху и глубине проблемы. Во-первых, при научно-техническом росте производительных сил оставался еще огромный пласт старой, отсталой техники. Проблемы возникали и с зарубежной техникой: она трудно осваивалась, закупалась беспланоно, некомплексно. Во-вторых, хотя почти во всех ведущих отраслях народного хозяйства сооружены крупные современные предприятия, однако вокруг них функциони-

рует океан мелких и мельчайших мастерских, оснащенных отсталой техникой. В угольной промышленности в середине 90-х годов действовало более 80 тыс. поселково-волостных шахт и разрезов средней мощностью 5 тыс.т угля в год, более 8 тыс. цементных заводов средней мощностью 50 тыс.т цемента, 1588 металлургических заводов, 1565 заводов по производству минеральных удобрений¹¹. Не сформировались еще в современные комплексы многие отрасли машиностроения, химической промышленности и т.д. и т.п. В-третьих, в процессе беспланового хаотического возведения тысяч мелких предприятий оказалось много дублирующих: немало возведено избыточных мощностей. В провинциях формировались однообразные промышленные системы, слабо связанные разделением труда и кооперацией. В-четвертых, с усилением монетаризации народного хозяйства стала быстро падать эффективность, нарастать убыточность и неплатежи промышленных предприятий всех форм собственности, особенно государственных. В 1997 г. задолженность промышленных предприятий всех форм собственности по оборотным фондам на 7,5% превысила их стоимость; 42,5% задолженности является просроченной¹². В-пятых, стремительный и трудно управляемый подъем индустриализации и включение в хозяйственную деятельность сотен миллионов людей стали главной причиной беспрецедентного разрушения окружающей среды. Вот несколько примеров.

Форму национального бедствия приобрело изъятие из сельскохозяйственного оборота пахотных земель под сооружение дорог, предприятий, жилья, аэродромов, портов и т.п. Только в 1986—1995 гг. на эти нужды ушло 6894,2 тыс.га пашни. Пока большая часть потерь возмещается за счет обработки целины, однако по качеству вновь поднятые земли значительно уступают изъятым. Из более чем 1200 крупных рек и их притоков загрязнено промышленными отходами более 850¹³. Из более 600 городов недостаток воды испытывают 400, в том числе 108¹⁴ особенно остро. В тяжелом положении с обеспечением питьевой водой находятся 80 млн. крестьян. Много проблем накопилось в финансовой системе, распределительных отношениях, социальной сфере. С 1994 г. начали снижаться темпы экономического роста. До 1996 г. включительно оно носило сознательно управляемый характер: производилась так называемая “мягкая посадка” экономики после очередного ее “перегрева”. После кампании нагнетания сверхвысоких темпов роста в 1992—1994 гг. и последовавшего обострения народнохозяйственных диспропорций ее развитие вводилось в более спокойное русло. Однако после 1996 г. процесс замедления развития пошел дальше: в 1998 г. только благодаря предпринятым во второе полугодие дополнительным финансовым вливаниям удалось удержать прирост ВВП на отметке 7,8%, а промышленности — на отметке 8,9%¹⁵. Предполагается, что в 1999 г. прирост ВВП составит около 7%¹⁶.

Уже в начале 90-х годов многим в Китае ведущим экономистам, крупным партийным и хозяйственным деятелям стало ясно, что развиваясь преимущественно на экстенсивной основе за счет расточительного использования природных, материальных, инвестиционных и человеческих ресурсов в предстоящие 20—25 лет КНР не сможет предпринять нового рывка в экономическом строительстве. С другой стороны, китайская экономика не может и стоять на месте или развиваться очень низкими темпами: потребности населения растут и осовремениваются, а удовлетворяются слабо, продолжает прибывать население по 12 млн. в год, ужесточается конкуренция на мировых рынках, куда Китай все активнее выходит со своими товарами. Изменения типа экономического роста настоятельно диктуются необходимостью преодоления эко-

логического кризиса, подъема эффективности производства, смягчения социальных проблем.

Реакцией руководящих и научных кругов КНР на состояние народного хозяйства и общества явилось принятие на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 8-го созыва "9-го пятилетнего плана (1996—2000 гг.) экономического и социального развития и перспективной программы до 2010 г." (Программа—2010). В настоящее время китайскими экономистами активно прорабатывается прогноз до 2020 г. (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Показатели экономического роста в 1990—2020 гг.

	Ед. изм.	1990 г.	Прогноз		
			2000 г.	2010 г.	2020 г.
Население	млн.чел.	1143,3	1273-1275	1380,0	1480,0
ВВП*	млрд. юаней	1854,8	4915,1	9989,3	17061,2
Энергоносители	млн.т у.т.	1310,0	1775,5	2308,2	2777,9
Уголь	млн.т	1082,0	1500,0	1963,0	2277,0
Нефть	млн.т				
- потребности		138,0	203,0	284,0	355,0
- добыча		138,0	165,0	200,0	221,0
- импорт		—	38,0	84,0	135,0
Газ	млрд.куб.м				
- потребности		15,8	30,0	59,9	119,3
- добыча		15,8	30,0	49,9	79,9
- импорт		—	—	10,0	39,4
Электроэнергия	млрд.кВт-ч	661,6	1330,9	2269,7	3241,5
Сталь	млн.т	66,4	120,0	140,0-145,0	170,0-180,0
Пластмассы	млн.т	2,3	4,2	10,0	16,0-17,0
Автомобили	тыс.шт.	524,0	2500,0	6000,0	—
- грузовые		289,7		2000,0	
- легковые		224,3	1700,0	4000,0	—
Цемент	млн.т	209,7	550,0	850,0	—
Минеральные удобрения**	млн.т	18,8	32,0	38,2	—
Зерновые	млн.т	446,2	490-500	560,0	595,0
Продукты водохозяйственного промысла	млн.т	12,4	38,0	45,0	—
Внешнеторговый оборот	млрд.ам. долл.	55,6	400,0	800,0	1200,0
- экспорт		29,9	200,0	400,0	600,0
- импорт		25,7	200,0	400,0	600,0

* В неизменных ценах 1990 г.

** В переводе на 100% вещество.

Источники: Прогноз роста населения, ВВП; Майсян 2020 ды чжунго (Твердым шагом к Китаю 2020 года). Пекин, 1997, с. 148—154, 136, 221.

Предполагается, что за 30 лет в целом производство ВВП должно увеличиться в 9,2 раза, в промышленности — в 12,7 раза, в сельском хозяйстве — в 3,4 раза, в сфере услуг — в 13,4 раза. Однако прогнозируемый рост не должен быть простым увеличением производства. Стратегическая задача Китая до 2020 г., по замыслам разработчиков прогноза, состоит в том, чтобы в корне преобразовать отсталый облик страны, а затем идти в ногу со всем миром в развитии науки, техники и экономики. Из “Программы—2010”, материалов правительства, ВСНП, разработок многочисленных НИИ, групп ученых явствует, что предстоящие 20—25 лет должны стать десятилетиями глубокой научно-технической реконструкции материальной базы народного хозяйства и прежде всего промышленности, транспорта, связи и других отраслей инфраструктуры. О необходимости проведения глубокой научно-технической революции в сельском хозяйстве говорилось на 3-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва в октябре 1998 г., рассматривавшего проблемы и перспективы развития экономики деревни.

Определяя этап развития своей экономики, китайские ученые утверждают, что в КНР индустриализация еще не завершена и весь период до 2020 г. будет продолжением индустриализации на более высоком научно-техническом уровне. Стратегическая задача этого этапа заключается в переходе от экстенсивной, ресурсорасточительной и затратной экономики к интенсивной, ресурсосберегающей, научно- и капиталоемкой экономике, в ускорении внутренней ее интеграции, создания единого национального рынка и “состязовки” его с мировым рынком.

Быстрый экономический рост и реконструкция народного хозяйства потребуют колоссальных энергетических и минерально-сырьевых ресурсов. В 2020 г. по сравнению с 1990 г. производство энергоресурсов должно возрасти в 2,1 раза, электроэнергии — в 4,9 раза, что резко контрастирует с выдвинутыми целями по осуществлению глубокой научно-технической реконструкции и темпами экономического роста. Даже при выполнении намеченных показателей в 2020 г. КНР по использованию энергоресурсов на душу населения (около 2 т у.т. и 2190 кВт·ч) будет отставать от экономически развитых стран в 3—6 раз.

В авторитетных кругах Китая весьма сдержанно относятся к оценке собственных запасов природных ресурсов. В одобренной Постоянным комитетом Госсовета КНР в марте 1994 г. крупной работе “Повестка дня для Китая в XXI веке” говорится, что в целом Китай располагает богатыми минеральными ресурсами. Однако на душу населения их приходится значительно меньше мирового среднедушевого уровня. Уже известные запасы минерального сырья недостаточны. При вхождении в XXI век обеспечение им стабильно высокими темпами здорового экономического роста в КНР станет еще проблематичнее. Поэтому в качестве цели предполагается, с одной стороны, принять настоятельные меры по их рациональному использованию, а с другой — привлекать в необходимых размерах импортные ресурсы. Конкретно это можно проиллюстрировать на прогнозируемом обеспечении КНР энергоресурсами.

В названной выше работе повторяется утверждение о богатых общих запасах энергоресурсов и малом их количестве, приходящемся на душу населения, указываются недостатки этих запасов: мало богатых месторождений, низкий уровень геологоразведанности, специфические трудности с извлечением и использованием, неблагоприятное их размещение (основные потребности — на Востоке страны, а запасы — на Западе), нерациональная структура добычи и потребления (основной источник энергоресурсов — уголь, на который приходится около 75% товарной энергии), огромные растраты энергии,

низкий КПД (30%) ее использования, малое потребление на душу населения. Оценивая обстановку, китайские аналитики приходят к весьма суровому выводу: если существующие формы и методы добычи и потребления энергоносителей сохранятся неизменными, то в будущем потребности Китая в энергии не могут быть удовлетворены. Отсюда следует, что изменение методов извлечения энергоносителей и их использования, преобразование и расширение структуры и источников энергии, т.е. создание топливно-энергетической системы сравнительно безвредной для окружающей среды является важной составной частью стратегии устойчивого развития китайской экономики. В работе определены основные направления стратегии и политики развития энергообеспечения и защиты окружающей среды на перспективу, а именно:

- всеохватывающая экономия, рационализация структуры и размещения производства энергии;
- приоритетное развитие электроэнергетики на базе роста добычи угля и использования больших потенциальных запасов гидроэнергии;
- увеличение добычи нефти, натурального газа, с учетом обстановки возведение атомных электростанций;
- активное развитие новых воспроизводимых источников энергии (биологической, геотермальной, энергии солнца, ветра, морей и океанов и т.д.);
- при опоре на научно-технический прогресс повышение КПД извлечения и использования энергии;
- максимальное сокращение выбросов отходов извлечения и использования энергии в окружающую среду.

Важнейшим требованием достижения поставленных целей считается разработка и реализация плана и политики комплексного развития энергетики, окружающей среды и экономики, создание единой электроэнергетической сети и единой системы цен для города и деревни.

Согласно прогнозу, хотя доля каменного угля снизится до 64%, его добыча должна увеличиться до астрономических масштабов — 2277 млн.т. Доля нефти в энергетическом балансе изменится мало: увеличится с 19,0 до 19,8%. Однако потребности в сырой нефти возрастут почти в 2,6 раза (со 138 млн.т в 1990 г. до 355 млн.т в 2020 г.). Предполагается, что собственная добыча поднимется до 221 млн.т. Остальные 134 млн.т будут импортированы. Китай уже в настоящее время является чистым импортером нефти и нефтепродуктов. В 1996 г. чистый импорт нефти составил 2,2 млн.т и 11,6 млн.т нефтепродуктов, в 1997 г. чистый импорт соответственно равнялся 15,7 и 18,2 млн.т. В будущем можно ожидать увеличение импорта углеводородного топлива. Рост потребностей в нефтепродуктах будет ускоряться с увеличением автомобильного парка и развитием нефтехимии. К 2010 г., по замыслу китайских реформаторов, Китай должен войти в десятку автомобильных стран мира, а производство автомобилей достичь 6 млн. штук в год, в том числе 4 млн. легковых. В 7,6 раза должно увеличиться потребление газа, а его доля в энергобалансе должна возрасти с 2,0 до 6,2%. Производство гидроэнергии, потенциальные запасы которой оцениваются весьма высоко — 378 млн.кВт, может достичь 552,6 млрд.кВт-ч и составить 7% в энергообеспечении страны. От возведения атомной энергетики прогнозируется в 2020 г. получить 208,0 млрд.кВт-ч, ее доля в поставках энергии составит 2,6%. В китайской деревне одним из самых распространенных источников энергии останутся отходы сельского хозяйства (солома, мякина, навоз), а также дрова, хворост. В 1990 г. на эти источники приходилось 20% в общем энергобалансе страны, в 2020 г. эта доля должна снизиться до 8,4%.

Одним из главных направлений в увеличении добычи энергетических и минерально-сырьевых ресурсов в конце XX и первые два десятилетия XXI века должно стать освоение богатых, как полагают китайские специалисты, ресурсов Центрального и Северо-Западного Китая. Соответствующие изменения должны произойти в инвестиционной политике. Госсоветом КНР предпринимаются меры по привлечению к освоению этих ресурсов иностранного капитала. Одновременно с интенсивным освоением своих северо-западных районов Китай выходит к ресурсам республик Средней Азии. Сейчас идет энергичное обустройство "Нового Шелкового пути" длиной в 10,9 тыс.км от порта Ляньюньган, который находится недалеко от Шанхая, до г. Роттердама.

Решение проблем надежного ресурсообеспечения стабильного быстрыми темпами развития экономики в КНР планируется не только путем наращивания их добычи, внедрения новейших ресурсосберегающих технологий, совершенствования управления и ужесточения экономии, а в комплексе с преобразованием структуры народного хозяйства, промышленности, структуры занятости (см. таблицы 2 и 3).

Таблица 2.

Изменения в структуре потребления энергии в 1990—2020 гг.

(в %)

Годы	Бытовое потребление населения	Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство	Транспорт	Услуги
1990	36,3	3,8	50,7	0,8	5,3	3,1
2000	30,1	3,2	54,6	0,8	6,9	4,5
2010	27,0	2,9	53,6	0,9	8,9	6,7
2020	25,8	2,9	49,7	1,0	10,8	9,8

Источник: Май сяп 2020 няньды Чжунго, 1997, с. 156.

Таблица 3.

Изменения в структуре производства ВВП в 1990—2020 гг.

(в %)

Годы	Сельское хозяйство (I сфера)	Промышленность и строительство (II сфера)	Транспорт, связь, торговля и др. Услуги (III сфера)
1990	27,1	41,6	31,3
2000	17,0	49,0	34,0
2010	12,0	50,0	38,0
2020	7,0	50,0	43,0

Изменения в структуре занятости в 1990—2020 гг. (в %)

Годы	Сельское хозяйство (I сфера)	Промышленность и строительство (II сфера)	Транспорт, связь, торговля и др. Услуги (III сфера)
1990	60,1	21,4	18,5
2000	48,0	24,0	28,0
2010	38,7	26,0	35,3
2020	29,2	27,9	42,9

Источник: Расчеты автора.

Создание современных производительных сил и современной структуры промышленности должно стать материальной основой других крупных преобразований. Из представленных таблиц явствует, что весьма заметные изменения произойдут в распределении энергии. Самым крупным и стабильным потребителем топливно-энергетических ресурсов останется промышленность. Ее совокупный объем потребления увеличится с 581,5 млн.т у.т. в 1990 г. до 1271,7 млн.т у.т. в 2020 г., т.е. в 2,2 раза, стабильной останется ее доля в потреблении — 50%. С устойчиво низкой долей потребления останется строительство. Еще меньше (2,9%) станет доля сельского хозяйства. Предполагается, что расходы энергии на культурно-бытовые нужды населения увеличатся за 30 лет с 416,2 млн.т у.т. до 661,2 млн., т.е. в 1,6 раза, а их доля в энергобалансе сократится с 36,3% до 25,7%, т.е. на 10 процентных пунктов. Резко должно возрасти потребление энергии на транспорте (с 61,5 млн.т у.т. до 250,6 млн., т.е. более чем в 7 раз).

В результате проведения научно-технической реконструкции народного хозяйства еще более крупные изменения произойдут в структуре производства ВВП и распределении и использовании трудовых ресурсов. Производство ВВП в сельском хозяйстве должно увеличиться в 3,4 раза, а его доля сократиться с 27,1 до 7%; доля занятости — с 60,1 до 29,2%; количество занятых — с 384,3 млн. человек до 240 млн., т.е. на 144 млн. Предполагается, что 29,2% занятых в этой сфере смогут справиться со снабжением населения продовольствием, промышленность сырьем и обеспечить продовольственную безопасность страны.

Согласно прогнозу, доля промышленности и строительства в производстве ВВП увеличится до 50%, а численность занятых — с 136,5 млн. человек до 228 млн., т.е. на 91 млн. Большие надежды вынашиваются в правительственных кругах КНР на ускоренном развитии 3-й сферы (транспорт, связь, торговля и другие услуги). Доля этой сферы в производстве ВВП должна возрасти к 2020 г.¹⁷ до 43%, а число занятых — до 350 млн. человек, или на 233 млн. по сравнению с 1990 г., что составит около 43% всех занятых в стране.

Таким образом, не только материально-техническая база, но и структура производства ВВП, занятость должна обрести более современный вид.

На этом преобразования в Китае не ограничиваются. 1990—2020 гг. должны стать годами многочисленных глубоких экономических и социальных реформ, которые должны обеспечить проведение научно-технической реконструкции народного хозяйства. Разработка нового цикла реформ, направленная на подготовку вхождения Китая в XXI век в научных кругах развернулась с конца 80-х годов. Основные изыскания были воплощены в перспективной программе экономического и социального развития КНР до 2010 г., принятой на сессии ВСНП в марте 1996 г. XV съезд КПК (сентябрь 1997 г.) не только подтолкнул дальнейшую проработку реформ, но и возложил на исполнительную власть ускорение их проведения в жизнь. Ближайшая практическая цель — расчистка накопившихся завалов и обновление социально-экономической системы, открывающей простор для развития современных производительных сил в начале XXI века. Непременным условием реализации этих замыслов должно стать создание нормативно-правового социалистического рынка при государственном макрорегулировании и макроконтроле. Поставленной цели должен отвечать комплекс реформ, включая преобразование: государственных предприятий, банковской системы и денежного обращения, налогово-бюджетной системы, системы инвестирования, «обращения зерна», «структуры правительства», системы социального страхования, здравоохранения, образования, жилья и коммунальных услуг, науки и научного об-

служивания. Разработаны и приняты многочисленные программы, в том числе: энергетическая, развития электроники, автомобилестроения, защиты окружающей среды, обеспечения продовольственной безопасности и т.п.

В настоящее время в Китае на всех уровнях, имеющих отношение к развитию экономики и научно-технической реконструкции (научном, исполнительском, правовом, в центре и на местах), проводится напряженная подготовка к вступлению в XXI век.

1. 1996 г. Чжунго тунцзи няньцзянь. 1998. С. 923; 2020 г. — расчеты автора.
2. Чжунго тунцзи няньцзянь. 1998. С. 931.
3. Цзинцзи жибао. 1999. 27 февраля.
4. Чжунго тунцзи няньцзянь. 1998. С. 632.
5. Там же С. 469.
6. Цзинцзи жибао, 1999. 27 февраля.
7. Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь. 1998. С. 621—622.
8. Чжунго тунцзи няньцзянь. 1998. С. 637.
9. Цзинцзи жибао, 1997. 19 февраля.
10. Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь. 1998. С. 128.
11. Цзякуай чжуаньбянь цзинцзи цзэнчжан фанши (Ускорить изменение способа роста экономики). Пекин, 1995. С. 46—51.
12. Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь. 1998. С. 446.
13. Чжунго XXI шицзи ичэн (Повестка дня для Китая в XXI веке). Пекин. 1994. С. 114.
14. Чжунго XXI шицзи цзинцзи цзоу сян (Китайская экономика идет в XXI век). Пекин, 1997. С. 129.
15. Цзинцзи жибао. 1999. 27 февраля.
16. Цзэн Пэйянь. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 1998 год и проекте плана на 1999 год. // Жэньминь жибао. 1999. 19 марта.
17. Расчеты автора.

Новые моменты в развитии сельского хозяйства КНР

© 1999

С.Алексахина
(письмо из Китая)

Итоги развития китайской экономики за 1998 г. еще раз наглядно показали необходимость корректировки нынешней стратегии развития китайской экономики, отдающей приоритет индустриализации и городу и превратившей сельское хозяйство и его основу - зерновое производство - в самые нерентабельные и запущенные отрасли в условиях рыночной конкуренции. Недооценка крестьянской проблемы в последние годы привела ко все более углубляющемуся разрыву в темпах экономического развития деревни и города, к увеличению разницы в доходах крестьян и горожан (разрыв более чем в 2,5 раза) и к дальнейшему снижению уровня потребления сельского населения по сравнению с городским (более чем в 3,5 раза)¹.

В этих условиях вполне закономерно, что 2 сессия ВСНП 9-го созыва (март 1999 г.) в качестве важных задач развития народного хозяйства в 1999 г. выдвинула задачу всестороннего подъема сельской экономики и дальнейшего роста доходов крестьян, которые планируется увеличить на 4%, (т.е. среднегодовой доход сельских жителей должен возрасти до 270,5 ам. долл.)². Среди мер, призванных обеспечить решение этих задач, выделяются следующие: 1) увеличение инвестиций в сельское хозяйство, 2) активное проведение реформы обращения зерна и хлопка, 3) уменьшение "бремени" крестьян (борьба с незаконными налогами и поборами), 4) дальнейшая урбанизация страны, 5) структурная перестройка сельского хозяйства.

Недостаток инвестиций в сельское хозяйство в последние годы серьезно ограничивал рост сельскохозяйственного производства. Процесс сокращения инвестиций в сельское хозяйство начался с конца 80-х годов, когда по мере изменения отраслевой структуры аграрного производства и развития несельскохозяйственной сферы в деревне упала доходность сельского хозяйства. Именно этот фактор сыграл решающую роль в спаде сельскохозяйственного производства в 90-е годы, когда усилилась тенденция последовательного сокращения капиталовложений в сельское хозяйство.

Активная финансовая политика, начатая в 1998 г., впервые серьезно затронула и сельское хозяйство, которое оказалось в числе приоритетных отраслей, получивших дополнительные кредиты со стороны государственных коммерческих банков. Общие объемы госбюджетных капитальных вложений в основные фонды сельского хозяйства в 1998 г. возросли на 47,8%, составив 8,3 млрд. долл., при этом удельный вес сельского хозяйства в общем объеме капитальных вложений страны увеличился с 2,6 до 3,2%³. В 1999 г. объем капи-

тальных вложений в сельское хозяйство планируется увеличить еще на 44% (на 3,6 млрд. долл.)⁴. Приоритетная роль при этом отводится вложениям в гидромелиорацию. Предполагается также значительно увеличить местные инвестиции в сельское хозяйство и активизировать кредитные операции. В текущем году Народный Банк Китая планирует дополнительно предоставить сельским кредитным кооперативам 1,8 млрд. долл. в виде кредитов на поддержку сельскохозяйственного производства и увеличение доходов сельских жителей⁵. Возрастает роль иностранных инвестиций, которые превратились в важный самостоятельный фактор воспроизводственного процесса в Китае. Однако до сих пор сельский сектор намного отстает от других отраслей по уровню использования зарубежных инвестиций, на его долю приходится только 1,5% всего объема использованных Китаем зарубежных инвестиций⁶. В настоящее время китайское правительство разрабатывает систему льгот и принимает эффективные меры для поощрения использования иностранных инвестиций в аграрный сектор.

Важные шаги в целях увеличения крестьянских доходов принимаются в области обращения сельскохозяйственной продукции. По оценкам китайских экономистов, в настоящее время чистый годовой доход крестьянской семьи на 64% обеспечивается за счет отраслей сельского хозяйства (на долю промышленности и сферы услуг приходится 36%), при этом зерновое производство дает 30% общей суммы (правда, в зернопроизводящих районах эта доля доходит до 85%)⁷. 1998 г. ознаменовался крупными переменами на рынке обращения сельскохозяйственной продукции. Во-первых, начался новый этап реформы обращения зерна, призванный решить несколько проблем одновременно: ликвидировать убыточность системы государственных закупок зерна, оживить оборот зерновой продукции, сохранить активность крестьян в производстве зерна и повысить его доходы. В 1998 г. выплаты из центрального бюджета на проведение реформы обращения зерна составили 5,3 млрд. долл. (6,8% всех госбюджетных расходов). В 1999 г. общий объем госбюджетных средств на эту реформу планируют увеличить до 6 млрд. долл., хотя их доля в общем объеме госбюджетных расходов сократится до 5,3%⁸. Во-вторых, принято решение о начале реформы системы закупок хлопка. С 1 сентября 1999 г. в стране будут либерализованы закупочные цены на хлопок. Фактически они будут устанавливаться на основе согласования между закупочными предприятиями и крестьянами с учетом рыночной конъюнктуры⁹. Эти меры позволят смягчить наметившийся дисбаланс между спросом и предложением таких важнейших сельскохозяйственных продуктов, как зерно и хлопок, и будут способствовать рационализации самой структуры растениеводства, что в конечном счете приведет к росту эффективности этих отраслей.

Следует подчеркнуть, что одной из главных причин консервации низкой производительности труда и низких доходов в сельском хозяйстве является перенаселенность китайской деревни. К началу 1999 г. в городах проживало всего 30,4% китайского населения, что значительно ниже среднемирового показателя (45%)¹⁰. Подсчитано: если Китай по количеству городских жителей достигнет среднемирового уровня (для чего придется переселить в города, по меньшей мере, 150 млн. человек), то доходы оставшихся 700 млн. сельских жителей, смогут возрасти на 17%¹¹.

Сохранение на долгие годы неэквивалентного товарного обмена между городом и деревней, тяжелое бремя дополнительных поборов в деревне, а также фактическое отсутствие целого ряда важных социальных льгот и гарантий, которыми пользуются жители городов, предопределили неравноправное социально-экономическое положение китайских крестьян. В 1999 г. боль-

шое значение придается решению проблем, связанных с незаконными поборами. Эта работа будет осуществляться как за счет расширения низовой демократии и улучшения стиля работы сельских кадровых работников, так и в результате намечаемой общей налоговой реформы, которая должна в принципе изменить всю систему взимания налогов и сборов. В частности, в настоящее время установлены рациональные нормы сборов в размере не более 5% от чистого дохода крестьянина, которые не подлежат изменению в течение 3 лет¹². Кроме того, ведется работа по созданию новой налоговой системы в деревне, когда различные сельские сборы будут заменены единым налогом.

Что касается вопросов социальной справедливости, то эта тема настолько обширна и многопланова, что стоит упомянуть лишь о такой детали, как режим, до сих пор существующий в деревне, который юридически препятствует свободному перемещению крестьян в города в поисках работы. Это фактически поддерживает и усиливает несправедливое перераспределение доходов и других социальных благ (пенсий, медицинского обслуживания, отпусков и т.д.). Ответом на такую несправедливость и безвыходное положение становится массовая стихийная миграция крестьян (60-80 млн. человек в год) из деревни в город, из слабо развитых районов Западного и Центрального Китая - в развитый Восточный и Юго-Восточный Китай. Решение этой проблемы напрямую связано с процессом дальнейшей урбанизации населения. Если раньше этот процесс развивался спонтанно, то сейчас он стал одним из приоритетных направлений экономического развития страны. В 1999 г. планируется ускорить строительство малых городов и поселков, для чего проводится большая работа по юридическому, земельному и инвестиционному обеспечению этого процесса. В ряде районов страны разворачиваются эксперименты, в ходе которых будет отрабатываться юридическая процедура по реформе прописки¹³.

Специфика нынешнего этапа такова, что рыночные отношения все жестче диктуют свои условия развития, рынок требует подъема экономической эффективности сельского хозяйства как важнейшей гарантии роста доходов крестьян. Одной из главных причин низкой эффективности сельского хозяйства является высокая себестоимость производства, что связано не только с непрерывным ростом цен на основные материальные ресурсы для нужд сельского хозяйства, но также с крайней неэффективностью мелкого распыленного подворного хозяйства, основанного на ручном труде и затрудняющего использование современных средств производства. Все эти факторы, действуя одновременно в изменившихся условиях перехода к рынку, создают общий эффект исчерпания потенциальных возможностей нынешнего экстенсивного этапа развития. В условиях ограниченных ресурсов (земли, капитала, квалифицированной рабочей силы) становится все труднее поддерживать продолжение роста сельскохозяйственного производства количественным, экстенсивным способом. По имеющимся официальным данным, рост сельского хозяйства в настоящее время на 9/10 происходит за счет расширения вложения ресурсов, и только на 1/10 опирается на повышение производительности труда¹⁴. Так, в зерновом производстве за последние годы высокие урожаи зерна собираются прежде всего за счет прироста свежих земель, в частности за 1995-1998 гг. посевная площадь под зерном увеличилась на 4 млн. га¹⁵. Это увеличение происходило в основном за счет распашки пастбищ, приозерных земель, горных склонов, что серьезно нарушило экологический баланс. По планам нынешнего года предполагается увеличить рост производства основных сельскохозяйственных культур за счет увеличения урожайности этих культур. Так, сбор зерна намечают собрать на уровне прошлого года - 495 млн. т, при этом сократив посевные площади под зерном на 1%¹⁶. Эти меры

проводятся в рамках политики, направленной на регулирование и оптимизацию отраслевой структуры растениеводства, в условиях когда острота проблемы дефицита сельскохозяйственной продукции снята и наблюдаются явления затоваривания такой продукцией, как зерно, хлопок, свинина, овощи, яблоки и т.д. Основным направлением перехода к интенсивному типу развития в сельском хозяйстве избрана модель новой структуризации сельского хозяйства (именуемая в КНР "нунъе чанъехуа"), означающая стимулирование поотраслевой специализации и кооперации¹⁷. Выделив несколько ведущих отраслей в каждом регионе (например, производство зерна, хлопка, свиней, рыбной продукции и пр.), исходя из преимуществ местных ресурсов, условий и потребностей, превращают их в специализированные комплексы, обеспечивающие полную технологическую цепочку по производству и поставкам потребителям законченного продукта по типу агро-промышленных торговых комплексов. Путем договора-контракта крестьянские подрядные дворы, как звено производства, увязываются с различными предприятиями и организациями, представляющие звенья снабжения, переработки, хранения, других услуг. Крестьянин по договору обязуется произвести нужную продукцию и поставлять ее в срок и по приемлемой для него цене головному предприятию, которое в свою очередь, согласно договору, обеспечивает крестьянина необходимыми ресурсами, кредитами, предоставляет оговоренные услуги, покупает у него продукцию. Предполагается, что переход на такое "договорное" специализированное хозяйство может снизить издержки производства, позволит концентрировать ресурсы и использовать современные технологии, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности производства и доходов крестьян. Новая модель организации сельскохозяйственного производства, как полагают в Китае, будет способствовать решению противоречия между мелким производством крестьянского двора и потребностями создания современного эффективного сельскохозяйственного производства.

В целом, представляется, что разработанные китайским правительством меры по выходу из наметившегося кризиса в сельском хозяйстве, являются комплексными и достаточно адекватными сложившейся ситуации.

1. Жэньминь жибао. 1999. 27 февраля.
2. Цзинцзи жибао. 1999. 3 марта.
3. Жэньминь жибао. 1999. 19 марта.
4. Там же.
5. Цзинцзи жибао. 1999. 21 марта.
6. Там же. 1999. 11 января.
7. Там же. 1999. 17 марта.
8. Жэньминь жибао. 1999. 19 марта.
9. Там же. 1999. 27 февраля.
10. Там же. 1999. 27 февраля.
11. Чайна дэйли. 1999. 23 января.
12. Жэньминь жибао. 1999. 12 ноября.
13. Там же. 1999. 19 марта.
14. Нунъе цзинцзи. вэньти. 1996. № 1. С. 6.
15. Цзинцзи жибао. 1999. 17 марта.
16. Там же. 1999. 17 марта.
17. Жэньминь жибао. 1998. 12 декабря, Цзинцзи жибао. 1999. 19 января.

История

Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1918-1931 гг.

© 1999

В.Бармин

История взаимоотношений двух крупнейших государств в мире, Советского Союза и Китайской Республики, постоянно привлекают пристальное внимание историков. Влияние, которое оказывали эти два государства на внутрисполитическую жизнь друг друга и на многие международные процессы, часто самым серьёзным образом отражалось на судьбах всего мирового сообщества. Периоды тесного политического и военного сотрудничества, переходившие затем в жёсткую конфронтацию и даже вооружённые конфликты, слились в сложнейшую историческую мозаику со множеством скрытых дипломатических ходов, тайных соглашений и секретных документов. Эти обстоятельства в свою очередь обусловили то, что, несмотря на значительные успехи советского и российского китаеведения и огромное количество работ, посвящённых проблемам советско-китайских отношений, здесь всё ещё остаётся много спорных вопросов, а то и просто белых пятен. Одним из таких вопросов в истории взаимоотношений двух государств является политика Советского Союза в отношении китайской провинции Синьцзян, преобразованной 13 сентября 1955 г. в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики.

Синьцзян, являющийся сегодня одним из крупнейших в территориальном и богатейших в природно-сырьевом отношении районов Китая, издревле притягивал к себе взоры китайских богдыханов. Задолго до образования Цинской империи (1644 г.) военные силы Китая не раз появлялись в северо-западной части Центральной Азии, известной в китайской литературе под названием "Западный край" ("Си-юй"). Однако "... завоевателям так и не удалось закрепиться на центрально-азиатских рубежах на сколько-нибудь продолжительное время... Вторгавшиеся в эти районы лишь эпизодически китайские войска творили насилие над местным населением, грабили его и уходили назад за Великую китайскую стену".¹ Синьцзян был завоёван и присоединён к империи в период правления династии Цин в XVIII веке, а статус провинции получил только во второй половине XIX века (1884 г), являясь на протяжении более чем столетия наместничеством.

Бармин Валерий Анатольевич, профессор кафедры всеобщей истории Барнаульского государственного педагогического университета.

Новая провинция стала в Китае одной из наиболее многонациональных, так как в ней проживало "более десяти неханьских национальностей: уйгуры, казахи, киргизы, татары, узбеки, таджики, монголы, сибо, маньчжуры, солоны, дунгане, русские".² Между метрополией и Синьцзяном сразу же и на долгие десятилетия возникли весьма сложные отношения по крайней мере по трем причинам.

Во-первых, крайней (т.е. военной) формой колонизации и последовавшим затем угнетением и грабежом местных народов. Казахский просветитель и востоковед Чокан Валиханов писал, что неханьские народы Синьцзяна - уйгуры, дунгане, киргизы, казахи и другие - подвергались жесточайшей эксплуатации со стороны китайских завоевателей. Достаточно сказать, что даже уйгурские беки могли разговаривать с маньчжурскими или китайскими чиновниками не иначе, как стоя на коленях.³

Во вторых, коренные жители Синьцзяна "... в своей массе резко отличались от ханьцев по языку, культуре, религии, традициям и обычаям",⁴ что делало практически невозможным естественное вхождение этого района в сложившееся в Китайской империи монокультурное поле.

И, наконец, в третьих, географическое положение Синьцзяна, который был оторван от метрополии тысячами километров труднопреодолимого пространства, но в тоже время граничил со среднеазиатскими государствами и Россией, населёнными этнически близкими народами и имевшими с ним давно сложившиеся взаимовыгодные экономические связи, что объективно обуславливало его тяготение к сближению с соседями.

В силу перечисленных обстоятельств политика России в отношении Синьцзяна и в период царизма, и после Октябрьской революции 1917 г. строилась с неременным учётом важнейшего фактора внутривнутриполитической жизни провинции: противостояния коренных народов и китайских колониальных властей. Это противостояние, то и дело взрывавшееся вспышками национально-освободительных восстаний неханьского населения против своих угнетателей, во многом определяло уровень и характер взаимоотношений сопределённых сторон. Совершенно очевидно, что Россия, в среднеазиатских владениях которой проживали этнически родственные народы, рассматривалась повстанцами и как потенциальный союзник, и как возможный плацдарм для отступления. Чаще всего Россия не оправдывала надежд угнетённого населения и помогала китайцам в их борьбе за сохранение своей власти в провинции. Но даже в этих условиях, объективные обстоятельства и прежде всего экономические связи, этническое родство, а также традиционная лояльность российских властей создавали России в глазах уйгур, казахов, дунган и других коренных народов Синьцзяна иной имидж по сравнению с Китаем.

После Октябрьской революции 1917 г. ряд руководителей Коммунистической партии и военачальников Красной Армии, исходя из доктрины мировой революции, стали рассматривать Синьцзян как плацдарм для расширения революционной волны, которая охватила наряду с центральными районами России и её среднеазиатские владения, вплотную приблизившись к границам провинции. Кроме того, что Синьцзян, как считали эти деятели, сам мог стать ареной очередной социалистической революции, он ещё являлся одним из кратчайших путей к границам крупнейшей английской колонии - Индии. Последняя, в свою очередь, вполне справедливо рассматривалась, опять же с учётом борьбы её угнетённого народа с английскими колонизаторами, как один из ключевых центров революционного движения на Востоке. Советские дипломаты работавшие в 1921 г. в Кашгаре отмечали в своём отчёте, направленном в представительство Народного комиссариата иностранных дел в Ташкенте: "...Наше упорное стремление в Индию обусловлено общеизве-

стными задачами. Таким образом Кашгария в настоящий момент служит для английского капитала заслоном против красного поветрия в Северо-Западной Индии, а для нас воротами в неё".⁵ Сама идея военного похода в Индию и Афганистан была выдвинута Л. Троцким ещё в августе 1919 г. для того, чтобы вызвать "пожар мировой революции".⁶ О существующих планах некоторой части советского руководства было хорошо известно в Китае, и обсуждение этой темы не сходило со страниц китайских газет в 20-х и 30-х годах. Показательным примером в этом смысле может служить опубликованная 2 ноября 1928 г. передовица в одной из китайских газет под заголовком "Значение Синьцзянского вопроса". Обращая внимание читателя на растущую вражду между Советским Союзом и Англией, газета подчёркивала, что для того, чтобы уничтожить Британскую империю Советам "в первую очередь необходимо прийти на помощь Индии, дать возможность стать ей независимой. Для этого необходима большевизация Индии. Такая работа, - отмечала газета, - должна идти через Афганистан и Персию. ...Однако, для того, чтобы попасть в Афганистан, сначала будет производиться опыт на участке Синьцзяна".⁷ С 1927 г. лидеры Гоминьдана начинают выступать с постоянными обвинениями в адрес СССР утверждая, что его руководство стремится перенести "пожар революции" на территорию провинции Синьцзян. Правда, обвиняя СССР в попытках экспорта революции, официальные лица Китая и китайская пресса не желали вспоминать о том, что именно с помощью Советского Союза и Коминтерна Чан Кайши победил милитаристов и начал объединять страну.

Планы Троцкого и его единомышленников остались нереализованными по многим причинам, но в первую очередь потому, что, наряду со сторонниками активного экспорта революции и в руководстве компартии, и в командовании армии молодого советского государства, всегда были люди, трезво оценивавшие обстановку, способные просчитать позитивные и негативные последствия такого "экспорта".

Осенью 1919 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР направили в Туркестан полномочную комиссию, которая должна была оказать помощь "...трудящимся края в ликвидации политической, экономической и культурной отсталости". ЦК РКП(б) дал комиссии чрезвычайно широкие полномочия. В комиссию вошли Ш.Л. Элиава (председатель), Г.И. Бокий, Ф.И. Голощёкий, В.В. Куйбышев, Я.Э. Рудзутак, М.В. Фрунзе.⁸ С этого времени и до июля 1920 г. значительная часть вопросов, связанных с межгосударственными отношениями, в том числе и с китайской провинцией Синьцзян, проходила через эту комиссию. С июля 1920 года и до начала 1922 г. эти вопросы рассматривались в Туркестанском бюро ЦК РКП(б), а с февраля 1922 года и до октября 1934 г. в Среднеазиатском бюро ЦК РКП(б). Значение, которое придавали Синьцзяну партийные и советские власти с первых лет своего существования и в Туркестане, и в Москве, можно проследить по эпизоду, связанному как раз с попыткой активизировать революционное движение на территории провинции и даже попытаться создать здесь советские республики.

На заседании политбюро ЦК РКП(б) 4 июня 1921 г. было рассмотрено "Предложение Я.Э. Рудзутака об образовании республик Кашгарской и Джунгарской".⁹ Предложение возникло после того как в ходе майско-июньской операции частей Красной Армии по разгрому отступивших на территорию Синьцзяна остатков колчаковских войск "... некоторые революционные группы и организации Синьцзяна, стремившиеся сбросить гнёт милитаристов, выдвинули идею создания отдельных Кашгарской и Джунгарской республик".¹⁰ На заседании политбюро против этого предложения категорически высказался Г.В. Чичерин. Члены политбюро, в том числе и В.И. Ленин, приняли решение "Согласиться с мнением Чичерина".¹¹ Однако, судя по дальнейшим событиям, идея переноса революции на территорию Синьцзяна продолжала жить. Это обстоятельство, в условиях ко-

гда Советская Россия настойчиво добивалась нормализации всесторонних отношений с Китаем, очень тревожило Чичерина и его сотрудников. Правда, после соответствующего решения политбюро основную роль в проведении этой идеи в жизнь взяли на себя работники Коминтерна, но совершенно ясно, что в тех условиях эта международная организация в своих действиях опиралась на официальные партийные и государственные органы РСФСР, а затем СССР. В ходе переговоров с синьцзянскими властями о втором этапе операции частей Красной Армии против белогвардейцев на территории провинции 13 июля 1921 г. Чичерин делает по этому поводу специальный запрос заместителю уполномоченного НКВД в Ташкенте Цукерману. Народного комиссара интересует: "Каковы наши отношения с населением этой области? Если тов. Рудзутак носился с недопустимой мыслью устроить из них советские республики, это значит, что какие-то связи у нас есть. Что нами сделано и делается, сообщите дополнительно".¹² Надо отдать должное сотрудникам НКВД и Внешторга в Синьцзяне, которые и в ходе указанных событий, и после них были категорически против искусственного привнесения революционных идей в Синьцзян. Это объяснялось тем, что они лучше и яснее представляли себе социально-политическую и экономическую обстановку в провинции и осознали всю утопичность организации в Синьцзяне социалистической революции. В докладе специальной объединённой миссии уполномоченного НКВД и Внешторга РСФСР, которая в сентябре-октябре 1921 г. вела переговоры с губернатором Кашгарии, направленном представителю Народного комиссариата иностранных дел в Туркестане Д.Ю. Гопнеру, особо указывается: "Восстание в Кашгарии вызвать легко, особенно исламистов. Войска мало. Комплектовано оно шпанкой да кобылкой. Командный состав сплошь дунганский, последние же заклётые враги китайцев. Недовольство в войсках огромно ... : Однако несколько легко вызвать взрыв, настолько же трудно будет направить социально-политическую стихию в соответствующее русло. Население Кашгарии отличается феноменальной темнотой... и ненавистью ко всему, что связано с "кяфирами". Оно ещё изживает патриархально-родовой период и едва задето социально-политическим расслоением в западном смысле, будучи поэтому также чуждо пресловутому "классовому сознанию". Не нужно быть пророком, дабы предсказать, что национально-революционный удар пантюркистов обрушится не только на китайцев, но и на нас". И далее члены комиссии делают вывод: "В настоящий момент наша ориентация должна быть не на мусульманские массы Кашгарии, а на их поработителей китайцев. Всякого рода опыты "революционизирования" кашгарльков мы должны временно оставить. Наше поведение в глазах китайцев должно быть в высшей степени лояльным".¹³ Такого же мнения в своей записке в НКВД придерживался и ответственный сотрудник для поручений представительства НКВД в Западном Китае - Эпштейн, отмечавший, что "... не следует увлекаться революционными возможностями в Синьцзяне, даже если бы они были, тем более, что их совсем нет. ... Никаких революционных организаций (исключая конечно "Уйгур") нет... . Ведь не обязаны же китайцы совершить революцию потому, что тов. Казанский (один из сторонников развития революционного движения в Синьцзяне - В.Б.) революционно настроен. И я, не менее тов. Казанского революционер, но мне всё же инструкция "ориентироваться на мандаринат" более по душе, чем производить в Синьцзяне революцию".¹⁴ О.Г. Баршак-представитель НКВД в столице Илийского округа Синьцзяна г. Кульдже, оценивая степень революционных настроений в Илийском округе, сообщал: "Положение бедноты в Илькрае поистине кошмарное, так как по своей забитости и по своему невежеству она не принимает никакого участия в политической жизни страны, и таким образом становится ... молчаливой жертвой жадного, дикого и колонизаторского китайского правительства". Далее Баршак делает вывод о том, что революционную пропаганду в Синьцзяне нужно вести таким образом, чтобы "... в результате её не

произошло немедленного падения китайской власти в Илькрае".¹⁵ В русле этих мнений и был дан ответ Цукермана на запрос Г.В. Чичерина. В своём письме Цукерман, в частности писал: "... если объективная ситуация в Синьцзяне революционна, ввиду противоречия интересов правящей горстки китайских колонизаторов и массы мусульманского населения, испытывающего на себе национальный и экономический гнёт, то субъективно положение в Синьцзяне ни в какой мере не революционно. Слишком аморфна общественность и ещё безнадёжно слабы антикитайские элементы... Неосновательны опасения тов. Гогнера, что "синьцзянские тезисы Рудзутака могут вновь высунуться из-за другого угла", так как рудзутаковские тезисы высунулись не из-за угла живой действительности, а из кабинета".¹⁶ Приведённые здесь оценки достаточно наглядно показывают, что при несомненной ориентации на доктрину "всемирной революции" в партийном руководстве и правительстве Советской России, а главное в среднем звене государственного аппарата вопреки революционным лозунгам приоритет отдавался трезвому расчёту. Весьма выгодное экономическое сотрудничество с Синьцзяном в этот момент было для советского руководства предпочтительнее реализации сомнительных планов разжигания мировой революции. Следует отметить, что это обстоятельство достаточно быстро поняли и учитывали в правящих кругах Китая. Когда 27 мая 1920 г. в Кульдже состоялось подписание первого соглашения о экономическом сотрудничестве между Советской Россией и Синьцзяном, получившим в исторической литературе название "Илийского протокола", центральное правительство Китая, несмотря на то, что между Китаем и Россией не было дипломатических отношений, не выразило по этому поводу какой-либо тревоги. Единственным государством, проявившим беспокойство в связи с предпринятыми РСФСР и синьцзянскими властями действиями, была Англия. Английская миссия в Пекине обращалась даже к китайскому правительству со специальным запросом по поводу заключённого 27 мая 1920 г. советско-синьцзянского соглашения. Однако, когда на одной из пресс-конференций заведующий отделением РОСТА в Китае Ходоров поинтересовался у китайских официальных лиц последствиями этого запроса, ему было заявлено, что Министерством иностранных дел Китая считает, что необходимость таких договоров совершенно неизбежна в условиях соседства двух стран, и что русские на границе Туркестана ведут себя лояльно.¹⁷

Вместе с тем, судя по документам Коминтерна, идея "революционизировать" Синьцзян продолжала не только существовать, но и оформлялась в конкретные действия. На территории среднеазиатских республик в 20-х годах по приблизительным данным проживало около 500.000 тысяч уйгуров, причём около половины из этого числа формально являлись китайскими подданными. По сведениям Коминтерна многие из них в гражданскую войну служили в Красной Армии, вступили в коммунистическую партию. В Алма-Ате при Семиреченском облгорком ВКП(б) действовала секция уйгурских коммунистов. В сентябре 1922 г. здесь были проведены 1-й областной съезд уйгурских коммунистов и 2-й областной съезд революционных союзов "Уйгур", которые избрали и отправили общую делегацию на IV конгресс Коминтерна. Всего же только в Семиреченской области существовало около 50 различных революционных организаций и комсекций, в которые "входило до 1500 партийных уйгур, (таранчей, дунган, кашгар)".¹⁸ Кроме того, в советских учебных заведениях училось несколько десятков человек разных национальностей, которые также прибыли из Синьцзяна. Через этих людей Коминтерном делались попытки установить связи с Синьцзяном, образовать там подпольные революционные организации, а затем создать революционную партию. Определённую помощь в этом деле Коминтерну пытались оказывать монгольские коммунисты, которые вели аналогичную работу с монгольским населением Синьцзяна.¹⁹ В 1923 г. была даже предпринята попытка провести "Съезд

революционеров Синьцзянской провинции Китая". Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) приняло по этому поводу специальное постановление и выделило "50 тыс. рублей... на расходы по проведению съезда", однако съезд так и не состоялся²⁰. Пожалуй, самой главной причиной в сдерживании "революционного энтузиазма" отдельных партийных деятелей явилось то, что и в Коминтерн и в ЦК ВКП(б) вновь были отправлены хорошо аргументированные и убедительные выступления "против кавалерийской атаки в этом деле" людей хорошо знавших Синьцзян и четко осознававших последствия необдуманных авантюристических действий. Показательным примером может служить докладная записка в адрес Коминтерна уполномоченного Монгольской народно-революционной партии в Синьцзяне С. Нацова. Рассматривая социально-экономическое и политическое положение в Синьцзяне, а также перспективы революционного движения в провинции, Нацов, будучи идейным коммунистом, не сомневается в необходимости революционной работы в Синьцзяне, но выступает категорически против форсирования этой работы и тем более создания на территории провинции в рассматриваемый период самостоятельного государства. В качестве основных аргументов в подтверждение тезиса о "недопустимости отрыва Синьцзянской провинции от Китайской Республики" Нацов выдвигает следующее: во-первых, "движение, отторгающее целостность Китая, даст предлог Антанте осуществить свою заветную мечту установление международного контроля над Китаем, а последнее означало бы полнейшее закабаление Китая международным капиталом". А во-вторых, считает Нацов, "преждевременное и неорганизованное выступление туземных народностей Синьцзяна, связано с рискованной необходимостью оказания с нашей стороны реальной вооружённой поддержки, могущей нанести некоторый ущерб в нашей дипломатической работе в общеазиатском масштабе: ибо международная дипломатия бесспорно воспользуется подобным случаем для антисоветской пропаганды среди китайской общественности"²¹. Референт Отдела Среднего Востока НКВД Немченко в своей докладной записке в Коминтерн, рассматривая те же вопросы, что и Нацов, приходит практически к таким же выводам. Он, в частности, убежден, в том, что "о каком бы то ни было восстании сейчас не может быть и речи. Борьба должна вестись в пределах тех возможностей, которые имеются в Китае"²². Подобные аналитические записки и, надо полагать, активное сопротивление практиков - дипломатов и торговых работников, которые, как уже отмечалось, были против форсирования революции в Синьцзяне, удержали советское политическое руководство от ряда необдуманных шагов в провинции. Более того, 17 февраля 1927 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление по организации революционной работы в Синьцзяне. Содержание этого постановления являлось ещё одним подтверждением взвешенного подхода руководства Советского Союза при принятии решений в отношении Синьцзяна. Ввиду важности документа мы приводим его здесь целиком:

"а) Воздержаться от отправки работников-уйгурцев Восточным отделом ИККИ без согласования персонально кандидатур со Среднеазиатским бюро ВКП(б);

б) Предложить ОГПУ принять меры к недопуску скупки оружия и переходу вооружённых уйгурцев через нашу границу в Синьцзян;

в) Предложить Среднеазиатскому бюро и Казкрайкому пересмотреть состав организаторов уйгурских секций, не допуская к работе лиц причастных к уйгурскому движению в Синьцзяне;

г) Поручить НКТоргу с привлечением среднеазиатских организаций наметить мероприятия по оживлению и усилению экономической связи Союза с Синьцзяном;

д) Считать совершенно вредным и недопустимым какую-либо деятельность или агитацию в направлении отторжения от Китая Синьцзяна или части этой провинции".²³

Постановление политбюро по существу означало признание того факта, что взаимоотношения с Синьцзяном, построенные на использовании выгод и преимуществ, которые можно было получить при сохранении целостности Китая и существующего в провинции политического и социально-экономического строя, предпочтительнее варианта, связанного с возможным получением тех же выгод, но через революционную войну с непрогнозируемым исходом. Следует подчеркнуть, что в отношениях с Синьцзяном такой курс полностью себя оправдал. Поверив в искренность и долговременность такой политической линии советского руководства, правительство Синьцзяна в свою очередь поддерживало добрососедские связи с Советским Союзом в самые сложные периоды советско-китайских отношений. Таких периодов в новейшей истории было достаточно, но, пожалуй, один из наиболее острых пришёл на конец 20-х-начало 30-х годов.

Национальная революция, в Китае сопровождалась гражданской войной и активным вмешательством в ход событий иностранных государств. Как известно, действенную помощь революционным силам Китая, которые возглавлял Гоминьдан, оказывал Советский Союз. Однако после переворота Чан Кайши 12 апреля 1927 г. и образования под его руководством Национального правительства в Нанкине, антисоветизм стал составной частью его внешней политики.

В этой обстановке все формы сотрудничества между двумя странами начали сворачиваться и ликвидироваться. Указание прекратить торгово-экономические отношения с Советским Союзом получили и власти Синьцзяна. Подобный сценарий развития событий прогнозировался советскими дипломатами. Вместе с тем сотрудники советских внешнеполитического и внешнеэкономического ведомств считали, что в отношениях Советского Союза и Синьцзяна, скорее всего, не произойдёт кардинальных изменений, и экономические связи в основном будут сохранены. Представитель НКВД в Ташкенте А. Знаменский писал по этому поводу Г.В. Чичерину и его заместителю Л.М. Карахану 6 июня 1928 г. "...представляется неоспоримым, что крупного перелома в положении по Западному Китаю и нашей в нём деятельности не произойдёт".²⁴ А в "информзаписке", подготовленной отделом Среднего Востока НКВД для своего руководства и датированной апрелем 1928 г., подчёркивалось, что руководители Синьцзяна уверены: "...Советский союз не имеет интересов вторжения в Западный Китай... наоборот, с советской стороны отмечалось прямое стремление сохранить целостность, спокойствие и неприкосновенность этой провинции Китайской Республики. Вот почему, при наличии ряда дополнительных условий, до момента получения Китаем устойчивой формы своего государственного порядка - администрация в Урумчи должна придерживаться ориентации на Советский Союз".²⁵ И А. Знаменский и его коллеги оказались правы. Требования нанкинских властей к провинциальному руководству Синьцзяна последним были не только откровенно игнорированы, но и публично осуждены. Такая жёсткая позиция правительства провинции объясняется не только известной традиционной самостоятельностью в вопросах взаимоотношений с Россией, но и осознанием губительных последствий для Синьцзяна и его населения разрыва экономических связей с советским государством. Генеральный консул СССР в Синьцзяне Гавро информировал Комиссариат иностранных дел о своём разговоре с дучжоном Ян Цзэнсином (губернатором провинции-В.Б.), в ходе которого последний сообщил ему: "Мною получена телеграмма... от правительства Гоминьдана, требующая разрыва с Советским правительством и удаления из провинции Синьцзян, Хэна-

ни, Шэньси, Ганьсу советских консулов и хозорганизаций". Однако далее, по словам советского консула, дучзюнь заявил, что никакие приказы, идущие вразрез с интересами Синьцзяна, он выполнять не будет. Более того, Ян Цзэнсинь подчеркнул, что правительство Синьцзяна не только не намерено выполнять указания центра о разрыве отношений с Советским Союзом, но более того, намеревается "... укрепить ещё больше нашу дружбу и отстранить всё, что может ей помешать". На вопрос советского дипломата, может ли он сообщить об этом заявлении советскому правительству, дучзюнь дважды подтвердил, что он просит заверить правительство Союза в том, что пока он будет в Синьцзяне, "... ни о каких разрывах наших отношений речи не может быть. Синьцзян настолько связан тесно экономически и географически с Советским Союзом, что надо быть очень недалёким для того, чтобы самому окружить себя неприятелями вместо друзей. Если этого не понимают гоминьдановцы и наши враги-англичане, которых я считаю инициаторами этого дела, то мне, во всяком случае, это понятно."²⁶ Резюмируя результаты этой беседы, консул подчёркивал: "По всему поведению дучзюня можно вывести, что он старается поддержать наши дружеские отношения и ни на какие изменения пока не пойдёт".²⁷ Выводы советского консула в Урумчи в значительной части также подтвердились дальнейшими событиями. Правительство Синьцзяна не только не выполнило требования центра о полном разрыве дипломатических и хозяйственных связей с СССР, но и в целях укрепления доверия между сторонами провело несколько неординарных акций. В аналитической записке о положении дел в Синьцзяне, направленной в НКВД, А. Знаменский по этому поводу писал: "Искренность стремлений китайских властей сохранить с нами дружеские отношения подтвердились значительной переменной действий в Синьцзяне всего административного аппарата. Это выразилось в том, что в Урумчи были освобождены три советских гражданина, задержанных в Алтае и препровождённых сюда в виду подозрений в шпионаже с их стороны.. В Кашгаре тоже по приказу дучзюня были освобождены арестованные там купцы. Но наиболее показательным жестом в нашу сторону было разрешение отпустить нам из казённых запасов в Илийском крае, в связи с недородом хлебов в Семиречье, одного или двух десятков тысяч пудов хлеба, несмотря на то, что у самих китайцев также имеют место продовольственные затруднения".²⁸ "Таким образом, это вмешательство южного правительства в политику Синьцзяна,- делает вывод Знаменский,- пока для нас дало только положительные результаты".²⁹ На позицию Синьцзяна в отношении Советского Союза не повлияло даже то, что 7 июля 1928 г. в результате междуусобной борьбы и заговора был убит губернатор провинции Ян Цзэнсинь, который находился на этой должности с 1912 г. и имел свою твёрдую точку зрения на вопрос советско-синьцзянских отношений. Вместо него был назначен бывший комиссар внутренних дел провинциального правительства Цзинь Шужэнь, человек в провинции сравнительно новый и ничем себя не проявивший. Однако и он сумел понять своеобразие сложившейся в советско-синьцзянских отношениях ситуации и не рискнул вносить какие-либо изменения в политическую линию, намеченную своим предшественником.

В свою очередь советское руководство предпринимало все возможные меры для сохранения существующих связей с Синьцзяном. Особенно сложной ситуация стала летом 1929 г., в период конфликта на КВЖД между Китаем и Советским Союзом и разрыва советско-китайских дипломатических отношений. 20 июля 1929 г., во все учреждения СССР в Синьцзяне ушла директива НКВД о "сохранении статус-кво" в отношениях с Синьцзяном.³⁰ Заведующий отделом Среднего Востока НКВД Цукерман в справке от 9 августа 1929 г. на имя заместителя комиссара по иностранным делам Л.М. Карахана, касаясь проблем взаимо-

отношений с Синьцзяном во вновь сложившихся условиях, подчёркивал: "От нашего консула в Урумчи, при специфическом положении Синьцзяна, ещё раз подтверждённом в момент разрыва советско-китайских отношений, и наших громадных хозяйственных интересах, требуется большая политическая гибкость, самостоятельность и умение разбираться в вопросах экономики".³¹ Усилия руководителей советского государства и провинции Синьцзян в деле сохранения взаимовыгодных отношений позволили не утратить их даже в самые критические моменты советско-китайского конфликта. В этот период в Синьцзяне продолжали действовать советские консульские и хозяйственные учреждения, а советским представителям было ещё раз официально заявлено, что "... во взаимоотношениях провинции с Советским союзом не вносится каких-либо изменений"³². Прибывший в разгар событий на КВЖД в Алма-Ату вновь назначенный синьцзянским правительством консул ... подчеркнул, что его назначение было сделано "в виду искреннего стремления Синьцзяна сохранить и развивать отношения с СССР, независимо от Нанкина".³³ Более того, сохранение отношений позволило сторонам перейти к обсуждению вопроса о заключении полномасштабного двухстороннего договора об экономических взаимоотношениях. Работа над текстом договора была закончена только к осени 1931 г., а сам он, получив название "Соглашение об экономических взаимоотношениях между синьцзянским провинциальным правительством и СССР", был подписан 1 октября того же года в Урумчи. Соглашение включало пункты, которые значительно расширяли возможности экономического сотрудничества сторон и упрощали его процедурную сторону. Отмечая значение подписанного соглашения, советские дипломаты указывали в докладной записке в НКИД: "Как известно, мы неоднократно ставили перед синьцзянским правительством необходимость урегулирования вышеназванных вопросов и нам никак не удавалось с ними договориться. Таким образом соглашение подписанное товарищем Славуцким, разрешает эти вопросы в благоприятном для нас смысле".³⁴ Следует отметить, что стороны договорились, при обмене нотами о подписании соглашения, не публиковать его текста. Советские делегаты вообще предлагали засекретить его. В докладной записке в адрес коллеги НКИД заведующий 2-м Восточным отделом Козловский и заведующий экономической частью Березов писали: " это соглашение, по мнению отделов, необходимо считать секретным. В разговорах с иностранными дипломатами отвергать торговое соглашение с Синьцзяном... если слухи об этом соглашении уже просочились, следует говорить, что имеет место чисто локальное соглашение по местным вопросам".³⁵ Это предложение было обусловлено рядом причин. Важнейшими из них были : желание синьцзянской стороны избежать лишних трений с центром, а советского руководства - уйти от обвинений в том, что оно подписывает соглашение с партнёрами, которые не являются самостоятельными торгово-договорными сторонами. Однако сохранить секретность не удалось, и гоминьдановское правительство очень скоро заявило о непризнании этого договора, что впрочем не повлияло на его реализацию.

Таким образом, в своеобразном противостоянии революционной идеи и политического прагматизма, которое достаточно наглядно можно проследить в советско-китайских отношениях на примере Синьцзяна, в рассматриваемый нами период победа осталась за прагматизмом. Это в свою очередь позволило Советскому Союзу не только сохранить весьма выгодные разносторонние отношения с Синьцзяном в самые сложные годы советско-китайских отношений, но даже продолжить их развитие. Основой этого сотрудничества явилась обусловленная объективными обстоятельствами взаимная экономическая заинтересованность сторон. Эти же мотивы сыграли ключевую роль в определении политической линии Советского Союза в отношении событий, развернувшихся в Синьцзяне в 1931-1934 годах и связанных с национально-освободительным восстанием мусульманских народов провинции против колониальной зависимости от Китая.

1. Гуревич Б.П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII-XIX // Вопросы истории. 1974. N 9. С 47.
2. Богословский В.А., Москалёв А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). М., 1984. С. 32.
3. Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Чокан Валиханов - востоковед Алма-Ата, 1985. С. 89.
4. Богословский В.А., Москалёв А.А. Ук. соч. С. 32.
5. Архив внешне политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0/100. Оп. 4. П. 102. Д. 5. Л. 49
6. Восточный синдром большевиков // Общая газета. N 47. 28 ноября- 4 декабря 1996.
7. АВП РФ. Ф. 100. Оп. 12. П. 17. Д. 33. Л. 9-10.
8. История гражданской войны в СССР. Т. 5. М., 1960. С. 257.
9. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп. 3. Д. 174. Л. 4.
10. Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока (1921-1927). М., 1968. С. 128-129.
11. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 174. Л. 4.
12. АВП РФ. Ф. 0/100. Оп. 4. П. 102. Д. 5. Л. 1.
13. Там же. Л. 48.
14. Там же. Л. 70.
15. Там же. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 15-29.
16. Там же. Ф. 8/08 (фонд Карахана). Оп. 3-а. П.101. Д. 1. Л. 9-11.
17. РЦХИДНИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.
18. Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 8. Л. 33.
19. Там же. Ф. 514. Оп. 1. Д. 27. Л. 3-4.
20. Там же. Д. 56. Л. 2.
21. Там же. Д. 48. Л. 123-124.
22. Там же. Л. 125.
23. ВКП(б), Коминтерн и Китай// Документы. Т. 2. 1926-1927. В 2-х частях. Ч.2. М., 1996. С. 619.
24. Там же. Ф. 8/08 (фонд Карахана). Оп. 11. П. 56. Д. 185. Л. 47.
25. Там же. Л. 51.
26. Там же. Д. 186. Л. 17-18.
27. Там же.
28. Там же. Д. 185. Л. 60-61.
29. Там же.
30. Там же. Оп. 12. П. 88. Д. 254. Л. 9.
31. Там же. Л.5.
32. Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20-30 годы). М., 1990. С. 156-157.
33. АВП РФ. 8/08 (фонд Карахана). Оп. 12. П. 88. Д. 254. Л. 3.
34. Там же. Оп. 14. П. 130. Д. 146. Л. 12.
35. Там же. Л. 12-13.

Документы, архивы

Некоторые архивные материалы о корейской войне (1950-1953)

© 1999

А. Волохова

В Архиве внешней политики России (АВПР) МИД РФ в фонде "Референтура по Корее" содержится немало количество документов о положении на Корейском полуострове в годы военного конфликта в Корее (1950-1953).

В данном обзоре будет охарактеризована часть таких документов - отчеты советского посольства в КНДР за 1949-1953 гг., содержащие интересные для историков сведения, которые могут существенно дополнить и уточнить сложившиеся представления о корейской войне.

Автор имел возможность ознакомиться с годовым отчетом за 1949 год, а также с несколькими квартальными и годовыми отчетами за 1951-1953 гг.

Все эти отчеты имеют одинаковую структуру: небольшое введение, пять разделов (внутреннее положение КНДР, экономическое положение, отношения КНДР с СССР и КНР, внешняя политика, положение в Южной Корее) и краткое заключение. В обзоре отражено, в основном, содержание разделов об отношениях КНДР с СССР и КНР и о внешней политике, где сосредоточены данные о ходе войны и процессе переговоров о перемирии в Корее.

В довоенном (за 1949 г.) отчете, подписанном Т.Штыковым, обращает на себя внимание раздел о положении в Южной Корее, в котором приводятся многочисленные высказывания Ли Сын Мана и других южнокорейских руководителей, свидетельствующие об их стремлении объединить Корею военным путем¹. Интересны и сведения о состоянии партизанского движения в Южной Корее, которое в 1949 году было довольно интенсивным. Размах партизанского движения на юге приводился Ким Ир Сенем в качестве одного из аргументов дабы убедить Сталина в необходимости военного наступления на юг с целью объединения Кореи. Однако в отчете Штыкова осторожно замечено, что приводимые в северокорейской печати цифры и факты о мощи партизанской борьбы "являются значительно преувеличенными"², и названы такие недостатки партизанских формирований как малочисленность, нехватка оружия, отсутствие координации в действиях и слабая поддержка со стороны населения. Штыков сообщал, что в конце 1949 года южнокорейские власти предприняли крупномасштабные акции по борьбе с партизанами. "Против партизан

Волохова Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ.

брошены крупные силы - 60.000 солдат южнокорейской армии и многочисленные полицейские и террористические отряды, перед которыми поставлена задача - к марту 1950 года полностью ликвидировать партизанские силы, действующие на территории Южной Кореи"³. Таким образом, к лету 1950 года партизанское движение на юге Кореи было существенно ослаблено.

В квартальных и годовом отчете за 1951 год, подписанных советским послом в КНДР и главным военным советником Корейской народной армии (КНА) В.Разуваевым, подробно характеризовались внутреннее положение Северной Кореи, ход военных действий и первый этап переговоров о заключении перемирия.

Борьба северокорейцев с "войсками ООН" названа Разуваевым "неравной с самого начала" и "еще более неравной в дальнейшем", хотя противник и не сумел добиться в 1951 году существенных успехов⁴.

В отчетах за 1951 год описывались события на фронтах со второй половины ноября 1950 года: контрнаступление частей китайских народных добровольцев (КНД) и КНА до середины января 1951 года, наступление "войск ООН" в конце января - марте, апрельское наступление КНД и КНА и оборонительные бои в мае - декабре. Как правило, Разуваев излагал фактическую сторону и довольно редко давал какие-либо оценки. Однако, говоря о приостановке апрельского наступления КНА и КНД Разуваев написал, что большинство комсостава КНА и КНД "не имеют умения и навыков готовить и проводить наступательную операцию с решительной целью - окружением оккупантов"⁵.

С превращением войны в позиционную острой проблемой для КНА стала проблема дезертирства, вызванного, как указывалось в отчетах, неверием в победу из-за превосходства американцев в авиации и плохими бытовыми условиями во фронтовых частях. "Как установлено проверкой Главного Политического управления КНА, во многих подразделениях переднего края (1,2,3 армии) по 2-3 месяца солдаты и сержанты не только не мылись в бане (бани отсутствуют в полках), но даже не умывались, не стригли волосы, не меняли белье. Отсюда - почти поголовная завшивленность личного состава подразделений первого эшелона. Пища в траншеи к солдатам доставляется обычно в холодном виде. Жидкой пищи солдаты, как правило, не получают. Чай или кипяток солдаты также не получают, не всегда имеют возможность пить даже холодную воду. Личный состав по 10-15 дней не получает табак, не имеет курительной бумаги. Эти явления американцы используют в своих пропагандистских целях"⁶.

В разделе годового отчета об экономическом положении КНДР в 1951 году оно было определено как очень тяжелое: страна была опустошена, огромная часть населения лишилась крова и продовольствия, так как государственные запасы хлеба были утрачены вследствие бомбардировок и эвакуации, было разрушено большинство промышленных предприятий⁷. Однако и в этих условиях КНДР продолжала поставлять в СССР свинцовую руду, получая из СССР горное оборудование, автомашины, бензин, медикаменты. В стоимостном выражении экспорт из КНДР составил 118 млн. рублей, а советский импорт в КНДР - 79 млн. рублей⁸.

Значительное место в отчетах за 1951 год занимала проблема корейско-китайских взаимоотношений. Приведя данные о большой экономической помощи КНДР со стороны КНР, Разуваев сделал такой вывод: "В целом можно заключить, что огромная помощь Китая Корею не привела к какому-либо серьезному изменению факторов влияния на внутреннюю политическую жизнь страны. В этой области корейцы почти не связаны с китайцами"⁹.

На отношения между корейскими и китайскими руководителями "серьезный отпечаток" наложили разногласия по вопросу о ведении военных

действий, возникшие в январе 1951 года. В тот момент, когда КНД и части КНА вышли на линию Сувон-Вончжю, командование КНД приняло решение приостановить наступление, тогда как командование КНА настаивало на его продолжении. Китайская сторона мотивировала свое решение тем, что дальнейшее наступление опасно, поскольку противник может перейти в контрнаступление, которого усталые и слабо оснащенные китайские части могут не выдержать. Обычно избегавший комментариев и оценок Разуваев в этой ситуации достаточно явно разделял точку зрения Ким Ир Сена, требовавшего продолжения наступления, хотя прямой критики командования КНД в отчете не содержалось¹⁰. "Позднее, - писал Разуваев, - китайское командование неоднократно воодушевляло корейцев сообщениями о запланированном наступлении, но в течение года оно так и не состоялось. Во время поездки в Пекин в июне 1951 года Ким Ир Сен был уведомлен о трудностях, с которыми сталкиваются китайцы, и об их намерениях в отношении урегулирования конфликта. Ким Ир Сен вернулся из Пекина с плохо скрытым разочарованием"¹¹.

В отчетах также отмечались "слабые контакты" между корейскими и китайскими руководителями, которые в основном ограничивались работой по координации военных действий, которую при штабе командующего КНД Пэн Дэуая выполнял министр внутренних дел КНДР Пак Ир У, тогда как сами командующие были мало связаны между собой. "В апреле Пэн Дэуай дважды был в районе Пхеньяна и не заехал к Ким Ир Сэну. Ким был задет, но заявил, что он как коммунист не может обращать внимания на это, и в мае первым нанес визит Пэн Дэуаю"¹².

Что касается переговоров о перемирии, то, по сообщению Разуваева, вначале предложения А.Я.Малика относительно их проведения были встречены руководством КНДР "с некоторой настороженностью", так как многие руководящие работники, хотя и хорошо понимали сложившуюся обстановку, но "тем не менее были подавлены сознанием того, что война, разорившая страну, не привела к конечной цели - к объединению Кореи в единое демократическое государство и что теперь они вынуждены мириться с восстановлением довоенного положения при значительно худших условиях"¹³. Однако через некоторое время эти настроения и у руководителей КНДР, и в северокорейском обществе изменились в пользу прекращения войны, так что "срывы в переговорах каждый раз стали восприниматься ими с тревогой и огорчением"¹⁴.

Не ставя под сомнение необходимость переговоров, Разуваев, насколько можно судить по отчету за III квартал 1951 года, полагал, что "они начались в обстановке, неблагоприятной для корейско-китайской стороны"¹⁵. К неблагоприятным факторам он относил захват американцами участков территории к северу от 38 параллели, безраздельное господство в воздухе американской авиации, отсутствие каких-либо наступательных операций КНА и КНД с апреля 1951 года и, наконец, наличие инициативы на фронтах в руках американской стороны, вследствие чего американцы на переговорах не соглашались на установление демаркационной линии по 38 параллели.

Разуваев также отметил различия, существовавшие между корейскими и китайскими руководителями в подходе к некоторым вопросам на переговорах, которыми занимался лично Мао Цзэдун, а непосредственно вели с китайской стороны заместители министра иностранных дел Ли Кэнун и У Сюцюань. Ким Ир Сен и другие корейские лидеры были настроены против каких-либо уступок территории севернее 38 параллели, поскольку это могло отразиться на престиже КНДР. Китайские же руководители считали необходимым пойти на некоторые уступки американцам в отношении проведения демаркационной линии по линии фронта. "Ким Ир Сен ответил Мао Цзэдуну

решительным возражением, но значительно позже, учтя позицию китайцев, был вынужден согласиться на указанную уступку, которая и привела к соглашению по второму пункту повестки дня переговоров¹⁶.

Вопрос об уступках, как сообщал Разуваев, был предрешен 18 августа 1951 года, когда Мао Цзэдун указал на три возможные варианта соглашения о демаркационной линии:

1) каждая сторона выбирает по своему усмотрению рубеж обороны в 5-10 км от 38 параллели, и от этого рубежа войска отходят на 10 км, образуя демилитаризованную зону;

2) обе стороны взаимно отводят войска от 38 параллели, а район, расположенный между линией фронта и 38 параллелью объявляют демилитаризованной зоной;

3) обе стороны в порядке уступки обмениваются равными территориями соответственно в Южной и Северной Корее (Ким Ир Сен высказался за то, чтобы сразу выдвинуть этот вариант)¹⁷.

Однако эти варианты не были поставлены на обсуждение. Мао Цзэдун полагал, что необходимо быть готовым к уступкам американской стороне, в чем его, в частности, убеждал глава китайской делегации на переговорах к Кэсоне Ли Кэун. 29 октября он сообщил Мао Цзэдуну: "Опыт ряда последних заседаний показывает, что противник не пойдет на уступки в основном вопросе. В результате мы пришли к выводу, что затягивать существующие разногласия совершенно нецелесообразно"¹⁸.

Излагая ход переговоров в конце 1951 года в отчете за IV квартал 1951 года, Разуваев критично высказался по поводу китайской позиции: "Следуя этим заключениям, которые были, возможно, и преждевременными, китайцы рекомендовали без всякого торга по ранее намеченным предложениям согласиться с определением демаркационной линии по линии фронта. При этом Ли Кэун рассчитывал или во всяком случае утверждал, что "если будет достигнута договоренность по второму пункту повестки дня, то решить остальные вопросы будет сравнительно легко; тогда не будет больших споров и по вопросу о военнопленных"... Последующий ход переговоров не оправдал, однако, этого прогноза¹⁹.

В течение ноября 1951 года американская сторона продолжала настаивать на обмене Кэсонского района на участок северокорейской территории, руководствуясь, помимо военно-стратегических, и политическими соображениями, поскольку это был единственный район Южной Кореи, контролируемый корейско-китайской стороной. В этом случае Южная Корея сохранила бы полностью свою территорию, тогда как Северная Корея уступила бы "значительные участки своей территории на восточном и центральном фронтах"²⁰.

Только 23 ноября на переговорах наконец было найдено компромиссное решение по вопросу о прохождении демаркационной линии, и стороны приступили к обсуждению 3-го пункта повестки дня - о контроле за соблюдением перемирия. Позиции участников переговоров снова сильно разошлись: корейско-китайская сторона предложила ограничить сферу контроля демилитаризованной зоной, а американская настаивала на распространении контроля на всю территорию как Северной, так и Южной Кореи. Корейско-китайская сторона увидела в американском предложении стремление "лишить КНДР возможности строить аэродромы и другие военные сооружения и изолировать ее от Китая и СССР"²¹.

Позиция китайско-корейской стороны была не совсем понятна, особенно по вопросу о строительстве аэродромов. Разуваев, например, писал следующее: "Корейское командование долгое время ожидало ввода в действие военно-воздушных сил и активизации боевых операций. На строительство аэродромов весной и летом 1951 года корейцы израсходовали огромные средств-

ва, но авиация на аэродромы посажена не была, вследствие чего аэродромы были постепенно разрушены американцами"²². Другим предметом разногласий стал состав наблюдательного органа, поскольку корейско-китайская сторона в числе трех или пяти государств, представители которых могли бы войти в него, называла СССР, против чего категорически возражали американцы.

В посольском отчете за IV квартал 1951 года особо подчеркивалось, что американцы стремятся к максимальному затягиванию переговоров, и с этой точки зрения интерпретировалась инициатива американской стороны, предложившей одновременно с обсуждением 3-го пункта повестки дня, приступить к обсуждению 4-го пункта - о военнопленных и обменяться их списками. "По-видимому это предложение, которое выдавалось как направленное на быстрое разрешение вопросов перемирия, в действительности преследовало прямо противоположную цель - не разрешая разногласий по одному вопросу, усилить их разногласиями по другому вопросу с тем, чтобы легче было оправдать затяжку, а, возможно, срыв переговоров"²³. Однако это представление было ошибочным, потому что для китайского, корейского и советского руководства проблема возвращения военнопленных не казалась важной, а для американской стороны она имела очень большое значение.

В середине декабря 1951 года корейско-китайская сторона согласилась на создание специального комитета для предварительного рассмотрения вопроса о военнопленных, и с этого времени он занял центральное место на переговорах в 1952 году и в первой половине 1953 года.

Отчет за IV квартал 1951 года Разуваев заканчивал пессимистической оценкой перспектив на заключение соглашения о перемирии в ближайшее время²⁴ и предупреждал о возможности нового американского наступления в условиях господства американской авиации в воздухе и отсутствия в течение почти года наступательных операций со стороны КНА и КНД. "В связи с этим, - писал он, - корейцы высказывают убеждение, что единственное средство форсировать заключение перемирия - это нанести ощутимый удар по американцам на фронте"²⁵.

В посольском отчете за I квартал 1952 года были подведены итоги обсуждения 3-го пункта повестки дня (остались нерешенными вопросы о нейтральных странах - наблюдателях за выполнением перемирия и о строительстве аэродромов) и указывалось, что вопрос об обмене военнопленными "приобрел решающее значение"²⁶. Корейско-китайская сторона выступала за обмен по принципу "всех на всех", а американская настаивала на добровольной репатриации, что, по мнению корейско-китайской стороны означало "насильственное задержание значительного числа военнопленных КНА и китайских добровольцев"²⁷.

Продолжая вязкие переговоры об обмене военнопленных, стороны достигли в феврале 1952 года соглашения о рекомендации заинтересованным правительствам созвать Политическую конференцию по корейскому вопросу в течение 90 дней после заключения перемирия. После этого вновь возникли существенные расхождения между корейскими и китайскими руководителями.

Ким Ир Сен и другие корейские лидеры высказывались за скорейшее заключение перемирия. "Так Ким Ир Сен при обсуждении с Нам Иром причин тупика в переговорах выразил мнение, что следовало бы предложить заключить перемирие, а все нерешенные вопросы передать на рассмотрение политической конференции. Ким Ир Сен считает затягивание переговоров невыгодным, так как американская авиация продолжает наносить КНДР серьезный ущерб. Он не видит целесообразности в продолжении споров о военнопленных, поскольку эти споры могут привести к еще большим потерям, а что касается военнопленных китайских добровольцев, то большинство из них, по

словам Ким Ир Сена, являются выходцами из бывшей чанкайшистской 9-й армии, политически неустойчивыми, по-видимому уже распропагандированными гоминьдановцами, и поэтому бороться за них нет особого смысла... Нам Иру дано указание выяснить позицию китайцев в этом вопросе и предложить от своего имени Ли Кэуну пойти на уступки в вопросе о военнопленных²⁸.

Китайские руководители придерживались иной точки зрения. Начав перевооружение китайской армии за счет поставок советского оружия, они опасались, что поток советских вооружений сократится или прервется с окончанием войны в Корее. Судьба же военнопленных из частей КНД их, видимо, не слишком беспокоила, тем более, если это были бывшие гоминьдановские солдаты и офицеры, которым командование НОАК не очень доверяло. Как писал Разуваев, «китайские товарищи считают, что торопливость может, напротив, привести к ослаблению позиций корейско-китайской стороны. Ли Кэунун заявляет, что если не мобилизовать мировое общественное мнение и не подготовиться к длительной борьбе, американцы не пойдут на уступки. Так же определят перспективы переговоров и товарищ Мао Цзэдун, давший Ли Кэуну, следующее указание: Только при условии последовательной, решительной позиции вы можете завоевать инициативу и вынудить их пойти на уступки. Для достижения этой цели в переговорах вы должны быть готовы к тому, чтобы бороться с ними в течение нескольких месяцев»²⁹.

В июне 1952 года американская авиация подвергла массированным бомбардировкам территорию КНДР. Наиболее чувствительный удар по без того ослабленной экономике страны был нанесен 23-24 июня, когда в результате налетов были разрушены 17 электростанций, в том числе Супхунская ГЭС, являвшаяся основным источником снабжения страны электроэнергией, так что все предприятия КНДР на длительное время остановились. Очень тяжелым было положение в сельском хозяйстве: все сельхозработы проводились под постоянными бомбардировками и обстрелами³⁰.

Корейское руководство, как сообщал Разуваев в отчете за II квартал 1952 года, рассчитывало в апреле и не позднее мая заключить с американцами перемирие и, исходя из этого, планировало хозяйственную и политическую работу на вторую половину 1952 года. «Перемирие не было заключено, и это вызвало известное разочарование корейского руководства. Ким Ир Сен предлагал китайским товарищам пойти на уступки в вопросе о военнопленных и добиться заключения перемирия, так как американская авиация продолжает наносить КНДР серьезный урон»³¹.

Указывая на усталость от войны и «рост настроений среди населения и руководства в пользу быстрее заключения перемирия», Разуваев писал также о снижении боевого духа в КНА, о самоуспокоенности и беспечности у состава войск на фронтах, о подавленном состоянии после массированных налетов американской авиации на Северную Корею не только населения, но и многих офицеров и генералов КНА³².

Однако в ходе переговоров никаких подвижек не происходило: по-прежнему оставались нерешенными вопросы о строительстве аэродромов, о нейтральных странах-наблюдателях и об условиях обмена военнопленных. Корейско-китайская сторона продолжала обвинять американцев в сознательном затягивании переговорного процесса, рассматривая активные действия американской авиации как признак утраты надежд на захват всей Кореи и стремление добить КНДР экономически, хотя, по мнению Разуваева, это определено было военное давление с целью заставить корейско-китайскую сторону пойти на уступки на переговорах.

Корейские руководители хотели уступить в вопросе о военнопленных, чтобы ускорить прекращение военных действий. "Ким Ир Сен не видел смысла в дальнейших спорах о количестве репатрируемых военнопленных. Однако после того, как товарищ Мао Цзэдун в беседе с Пак Ден Ай разъяснил, что обстановка определяется не одним корейским вопросом, Ким Ир Сен и другие корейские руководители полностью присоединились к мнению китайских друзей, направляющих работу по переговорам о перемирии"³³.

В отчете за первый квартал 1953 года посол СССР в КНДР С.Суздаlev вновь сделал упор на очень тяжелом экономическом положении Северной Кореи. "К обстоятельствам, в значительной степени снижавшим эффективность промышленных предприятий, следует отнести: продолжавшееся сильное воздействие американской авиации, незавершенность начатого еще в 1952 году перебазирования большого количества предприятий, невыполнение планов строительства новых предприятий..., слабость планирования..., слабость кадров..."³⁴. Суздаlev также отметил неудовлетворительную работу военной промышленности по причине недостатка собственного и импортного сырья, плохой организации труда, недооценки системы сдельной оплаты и многих технических неполадок. Относительно благополучно, как и в предыдущий период, дело обстояло только с добычей свинцовых и цинковых руд: здесь план был выполнен соответственно на 122% и на 170%³⁵.

Характеризуя внутреннее положение в КНДР в первые месяцы 1953 года посол назвал его напряженным: в связи с массовыми налетами американской авиации, а также отсутствием в течение длительного времени каких-либо изменений на фронте "в стране все более начинает ощущаться усталость от войны и необходимость передышки"³⁶.

Подробно излагаются в отчете перипетии нового раунда переговоров между корейско-китайской стороной и американцами, возобновившихся после довольно длительного перерыва из-за тупика в вопросе о репатриации военнопленных. После предложения американцев об обмене больными и ранеными военнопленными корейско-китайская сторона выступила за немедленное возобновление переговоров, соглашаясь на репатриацию всех тех военнопленных, которые на ней настаивали и на передачу остальных нейтральному государству, призванному обеспечить справедливое решение вопроса об их судьбе.

Определенный интерес в отчете Суздалева представляет его довольно критическая оценка некоторых сторон работы советского посольства в КНДР. "К недостатку в работе Посольства в этом отношении следует отнести то обстоятельство, что связи поддерживались и поддерживаются до настоящего времени главным образом с перешедшими из Советского Союза в корейские организации советскими корейцами. С местными же государственными и общественными деятелями связи недостаточны. В своей информационной работе (составление политических отчетов, справок, характеристик на общественных и государственных деятелей и др.). Посольство пользовалось исключительно материалами, получаемыми от советских специалистов и от советских корейцев, работающих в корейских органах... Корейские газеты и журналы почти не обрабатывались и не использовались в информационной работе Посольства. Однако большим затруднением в устранении отмеченных недостатков является незнание почти всеми оперативными работниками Посольства корейского языка. В результате этого работники Посольства лишены возможности работать самостоятельно с документами на корейском языке или вести беседы с местными корейцами, не знающими русского языка. Во всей своей работе они полностью зависят от переводчиков, работу которых они к тому же не в состоянии проверить"³⁷.

В следующем отчете - за II квартал 1953 года - Суздальев вновь писал о тяжелом положении КНДР, отметив опять невыполнение плановых заданий в военной промышленности и перевыполнение в горнодобывающей³⁸. "Внутриполитическое положение в стране во втором квартале 1953 г. продолжало оставаться напряженным, хотя под влиянием успешных переговоров о перемирии оно несколько смягчилось. Исполнилось три года войны в Корее. В течение этих трех лет КНДР понесла огромный материальный ущерб... Почти все города и поселки, все предприятия и другие сколько-нибудь значительные сооружения были разрушены и повреждены"³⁹. В отчете сообщалось о том, что несмотря на переговоры, американские авианалеты продолжались, и в мае 1953 года в результате бомбардировок были разрушены Сунанское и Дясанское водохранилища, продолжали подвергаться бомбардировкам уже и без того полностью разрушенные Пхеньян и другие города и деревни.

Продолжая тему предыдущего отчета о борьбе с фракционной группировкой в ТПК, Суздальев заметил, что по существу проводится чистка партии, которую "вряд ли следовало проводить в нынешних условиях"⁴⁰.

Во внешнеполитическом разделе отчета за второй квартал 1953 года подробно освещены ход переговоров в апреле-июне 1953 года, инцидент с "бегством" из лагерей в Южной Корее 26 тысяч военнопленных корейцев и последовавшая за ним новая затяжка с подписанием соглашения о перемирии.

А в отчете за III квартал 1953 года главным событием названо заключение соглашения о перемирии. В связи с прекращением войны и началом периода восстановления народного хозяйства КНДР Суздальев сделал несколько замечаний, касавшихся внутреннего положения в КНДР. "Следует отметить, - писал он, - что за время войны, когда Советский Союз, Китай и страны народной демократии оказывали КНДР огромную всестороннюю помощь, среди корейских работников очень сильно развились иждивенческие настроения"⁴¹. Недостатком в деятельности ТПК, по мнению Суздальева, было также значительное ослабление влияния ТПК в Южной Корее и слабая связь с организациями и членами ТПК, работающими там. "Проводимые в настоящее время корейскими товарищами мероприятия по усилению своего влияния на юге крайне недостаточны и не могут привести к каким-либо видимым результатам в ближайшее время. В основном эти мероприятия сводятся к подготовке работников для направления на юг и к распространению на юге Кореи некоторых периодических изданий, выходящих в Северной Корее. Главному же вопросу - повышению жизненного уровня населения уделяется еще недостаточно внимания"⁴².

Значительное место в этом отчете уделено вопросу о военнопленных из Южной Кореи. Суздальев прямо написал о том, что "корейские товарищи предпочли задержать у себя большое количество южнокорейских военнопленных, используя их на различных трудоемких работах в Северной Корее, и не считались с их желанием вернуться к своим семьям"⁴³.

Советский посол сообщал также, что по состоянию на 24 сентября 1953 года в Южную Корею были переданы 7861 военнопленный кореец и 4912 иностранцев, а под контроль индийского отряда - соответственно 335 и 24 человека. "В Северной Корее было задержано 13000 южнокорейских военнопленных. Кроме того, 42000 южан были призваны в Корейскую Народную Армию на Юге и остаются в КНА до настоящего времени. Принудительное задержание в Северной Корее такого значительного количества военнопленных, подлежащих репатриации, не вызывалось необходимостью. Большинство из них могло бы быть репатрировано своевременно и стать на Юге хорошими пропагандистами принципов демократического строя Северной Кореи. Естествен-

но, что среди этих военнопленных имеется много недовольных, изыскивающих возможность вернуться в Южную Корею”⁴⁴.

В данном обзоре нашла отражение только небольшая часть сведений, содержащихся в посольских отчетах о положении и событиях на Корейском полуострове в 1950-1953 гг. Материалы о внутреннем положении в Северной и Южной Корее, политике Трудовой партии Кореи, экономике КНДР в годы войны, ходе военных действий и переговоров о заключении перемирия, об отношениях КНДР с Советским Союзом и КНР делают эти отчеты важным источником для историков, изучающих этот период “холодной” войны.

1. Архив внешней политики России МИД РФ (АВПР), фонд “Референтура по Корее”, опись 6, папка 18, дело 4, л. 89-90, 102-103.
2. Там же, л. 130.
3. Там же, л. 136.
4. АВПР, фонд “Референтура по Корее”, опись 8, папка 35, дело 8, л. 2.
5. Там же, л. 20,
6. Там же, л. 35.
7. Там же, л. 193-247.
8. Там же, л. 304.
9. Там же, л. 353.
10. Там же, л. 354-355.
11. Там же, л. 355.
12. Там же, л. 356.
13. АВПР, фонд “Референтура по Корее”, опись 7, папка 26, дело 12, л. 14.
14. Там же.
15. Там же, л. 156.
16. АВПР, фонд “Референтура по Корее”, опись 8, папка 35, дело 8, л. 356.
17. АВПР, фонд “Референтура по Корее”, опись 8, папка 35, дело 10, л. 46.
18. Там же.
19. Там же, л. 47.
20. Там же.
21. Там же, л. 51.
22. АВПР, фонд “Референтура по Корее”, опись 8, папка 35, дело 8, л. 357.
23. АВПР, фонд “Референтура по Корее”, опись 8, папка 35, дело 10, л. 57.
24. Там же, л. 61.
25. Там же, л. 62.
26. Там же, л. 153.
27. Там же.
28. Там же, л. 157-158.
29. Там же, л. 158.
30. АВПР, фонд “Референтура по Корее”, опись 8, папка 36, дело 11, л. 6-7.
31. Там же, л. 19.
32. Там же, л. 21-22.
33. Там же, л. 66-67.
34. АВПР, фонд “Референтура по Корее”, опись 9, папка 46, дело 14, л. 40.
35. Там же, л. 43.
36. Там же, л. 69.
37. Там же, л. 89-90.
38. Там же, л. 120.
39. Там же, л. 144.
40. Там же, л. 151.
41. Там же, л. 209.
42. Там же, л. 214.
43. Там же, л. 213.
44. Там же, л. 214.

Русские в Китае

Харбин - продукт контактов стран-соседей

© 1999

Е.Таскина

В ПДВ, № 1, 1999 была опубликована статья Ли Мэн под названием "Харбин - продукт колониализма". Многие в этой статье побудило меня - прежде всего как человека прожившего в Харбине более четверти века - высказать иную точку зрения на некоторые вопросы, поднятые автором, а также указать на ряд допущенных в ней исследователем неточностей и ошибок¹.

Корректно ли с научно-исторической точки зрения считать Харбин "продуктом колониализма"? Думаю, что нет. По определению колониализм - это колониальная политика империалистических государств, направленная на эксплуатацию и угнетение народов колониальных и зависимых стран². Но ведь угнетения китайского населения со стороны России, как мне представляется, не было. Сложная историческая судьба Харбина, тесные деловые и культурные связи стран-соседей, научная и техническая деятельность российской диаспоры в этом регионе в первой половине XX столетия говорят о том, что этот город - где, кстати, проживали представители многих национальностей - является продуктом процессов иного рода. Обратимся к фактам.

Прежде всего, напомним, что появление русских в Маньчжурии, строительство КВЖД и его административного и экономического центра Харбина - все происходило по договорам между Россией и Китаем, не было колониальным захватом территории с применением военной силы. Благожелательные отношения между русскими и местным китайским населением имели место и при строительстве дороги, и в последующий период. Факты, подтверждающие это, описаны и в фундаментальных исторических отчетах первого десятилетия дороги и города³ и в более поздних исследованиях⁴. В них отмечалось: уважительное отношение со стороны строителей к местам захоронений, чтимых китайцами; запрет рыбного промысла в о.Далай-Нор и р.Уршунь, как оскорблявшего религиозные верования местного населения; материальная помощь администрации КВЖД в строительстве буддийского храма Цзилосы в Харбине, участие в его строительстве не только китайского, но и русского населения города, а также храма Конфуция⁵; изучение русскими учеными духовной и материальной культуры Китая, в т.ч. археологические и геологические изыскания с публикацией результатов научных исследований в периодических научных изданиях и ученых записках; специальная языковая политика - создание курсов китайского языка для русских и русского языка - для китайских специалистов, работавших на КВЖД; беспрепят-

ственное обучение китайских детей в русских школах и при соответствующей подготовке - в высших учебных заведениях; и т.д. На некоторых из этих моментов мы ниже остановимся подробнее.

В 20-х гг., когда в Китай и прежде всего в Харбин хлынула волна беженцев и эмигрантов из России, Китай бесспорно выступил в Азии как хозяин, принявший на свою землю сотни тысяч людей, покинувших родину - как это сделали в Европе Франция, Германия, Югославия и другие страны⁶. И Харбин постепенно становился культурным центром русской диаспоры на Дальнем Востоке, где возникает насыщенная музыкальная, театральная и научная жизнь. Особо плодотворной была деятельность синологических и краеведческих обществ.

Утверждение Ли Мэн, что русские не интересовались изучением древней культуры Китая ошибочно. Говоря о синологах, она называет лишь имя Шкуркина. Тем не менее, в краеведческой деятельности по изучению материальной и духовной культуры Китая только в Харбине принимали участие свыше 20 профессионалов и любителей⁷. Приехав на свою историческую родину, многие из молодых исследователей (В.Стариков, В.Таскин, А.Малявкин и др.) продолжили научную деятельность по теме Китая. Ю.Граузе, овладевший в Китае как китайским, так и японским языком, позже преподавал в Иерусалимском университете, перевел классический труд - "Книгу Перемен" (И цзин) на иврит. Ряд ученых (Б.Скворцов, В.Поносов, А.Баранов, А.Лукашкин, В.Жернаков) выехали в Австралию и США, где также продолжали работать по избранной специальности. Преподавали китайский язык в учебных заведениях Харбина, а также занимались переводами - ученые синологи И.Баранов, А.Хионин, Г.Авенариус и др.

Говоря о литературных произведениях русских писателей и поэтов, проживавших в Китае, нельзя не увидеть, что, конечно, в их прозе и поэзии преобладала "русская", "западная" тематика, однако многие авторы обращались и к "китайской" теме. Например, в одной только подборке проф. О.Бакич в канадском альманахе представлены опубликованные стихи о Китае 17 русских харбинских и шанхайских поэтов⁸.

Кроме В.Перелешина, упоминаемого Ли Мэн, китайскую поэзию переводили: С.Степанов, Я.Аракин, Н.Светлов, А.Серебренникова и др. Их переводы публиковались в периодической печати и издавались отдельными сборниками⁹. Действительно В.Перелешин своего сборника поэтических переводов в Китае не издал. Две книги переводов вышли только в его "бразильский период", чему Ли Мэн почему-то придает значение. Однако поэт-переводчик в "китайский период" переводы и стихи о Китае постоянно публиковал в журнале "Рубеж" и других харбинских изданиях¹⁰.

По мнению Ли Мэн в произведениях харбинских авторов китайцы изображены "ленивыми", "тупыми" и т.д., однако она не указывает конкретно, в каких произведениях она усмотрела это. В известной мне беллетристике (в произведениях Альфреда Хейдока, Ю.Крузенштерн-Петерца, Аллы Крон, Н.А.Байкова, В.С.Иванова и др.)¹¹, наоборот, нахожу и положительные персонажи и попытки проникнуть в духовную жизнь необъятного Китая. Но, отмечу попутно, подходит к литературе в таком плане, с "национальными" критериями - дело крайне неблагоприятное, более того - неправомерное, т.к. добро и зло, человек и природа, человек и общество - категории, которые стоят за рамками национальной принадлежности.

Одним из аргументов для своей негативной оценки русско-китайских отношений в раннем Харбине Ли Мэн использует широко цитируемые ею отрывки из опубликованных в США и Канаде мемуаров Е.Рачинской,

Ю.Крузенштерн-Петерец, В.Ушанова, где, якобы, китайцы представлены как “слуги”, “работники” у русских, что “унизительно” для национального достоинства. Она указывает также, что китайцы и русские в Харбине жили отдельно друг от друга.

Прежде всего, заметим, что любые мемуары, как известно, субъективны и делать выводы исторического плана лишь по воспоминаниям отдельных лиц нельзя. Для подобного рода заключений нужна широкая картина жизни того времени, опора на документальные источники, учет многих факторов, в т.ч. и экономических.

Говоря о контактах русского и китайского населения в первые десятилетия существования Харбина следует отметить один исторический факт: в начале века Маньчжурия, ныне Северо-Восток Китая, представляла собой пустынный необжитый край с редким населением, которое в начале строительства КВЖД стало активно увеличиваться за счет приезжих и, в первую очередь, вербованных рабочих из ближайших провинций (в основном, с Шаньдунского полуострова). Сюда же хлынула масса безработных из других регионов. Естественно, что культурный уровень этого населения с низкой грамотностью или вообще при ее отсутствии в те годы не был таким, как в Центральном и Южном Китае. Многие представители этого слоя населения, их родственники стремились найти любые средства существования, нанимаясь не только к русским специалистам, но и другим состоятельным людям - иностранцам и китайцам. В городе начала века работали разные средства передвижения - мачэ, арбы, рикши. Кстати, последние никогда не пользовались симпатией со стороны русского населения, тем более после появления в Харбине Советской Армии в 1945 г. Кто мог платить - пользовался транспортом, кто хотел заработать - изыскивал любое средство для того, чтобы прокормиться и прокормить семью.

С годами в Харбине появилось много богатых китайцев. С детства помню имена таких коммерсантов, основавших крупные магазины и предприятия перерабатывающей промышленности, как Тун Фалун, Кун Холи, Сан Хошин и др. Многие богатые китайцы держали доходные дома, сдавая их в наем. Наша семья, например, долгие годы жила в одном из таких домов в Модягоу, на углу улиц Пограничной и Сербской, где хозяином был китаец, и мы ежемесячно привозили ему плату за квартиру на Пристань, где он жил. Кстати, ошибочно утверждение, что в Харбине русские и китайцы жили отдельно. Да, Фуцзяцзян был чисто китайский район со времени начала строительства дороги, однако китайцы проживали и в самом городе, где вообще население было смешанным. Никаких ограничений никогда не было.

Хотя в взаимоотношениях русских и китайцев было уже написано достаточно много, например, в книге Г.Мелихова “Маньчжурия - далекая и близкая” этому вопросу посвящена целая глава, обратимся и мы к воспоминаниям, широко публикуемым во всех вестниках и журналах харбинского землячества в России и за рубежом.

Во-первых, та же Ю.Крузенштерн-Петерец, на которую ссылается Ли Мэн, в других своих воспоминаниях говорит: “Жили мы тогда с китайцами очень мирно и дружно”¹². Китаец Лютай, бывший студент и затем доцент Харбинского политехнического института, приводит много примеров культурных контактов китайцев и русских, свидетельствующих о “беззаветной чистой дружбе между русскими и китайцами, начатой еще нашими прадедами”¹³. Вот С.Минской вспоминает о своей матери и ее родителей: “Все пятеро детей родились в Китае... К своему русскому языку все знали китайский и английский... Мама не однажды вспоминала самым добрым словом Китай, ки-

*На снимке: Китайские учащиеся гимназии ХСМЛ разных классов.
В центре преподаватели, администрация гимназии.
Слева направо: С.К.Желиховская, М.М.Шабаланов,
г-н Хэйг, Чэн Хуннянь. Конец 30-х годов.*

тайцев, свое детство.” Мать Минского, отмечая жестокость хунхузов, называла их “страшными, безжалостными преступниками”, с которыми власти постоянно боролись. “Остальные китайцы очень трудолюбивый, беззлбный народ. Я дружила с ними”¹⁴. Таких примеров о взаимоотношениях китайцев и русских можно привести множество.

Еще о языковом общении. На упоминаемом Ли Мэн жаргоне китайцы и русские общались в быту, в повседневной жизни, главным образом, как продавцы и покупатели. Для официального общения в “полосе отчуждения” был русский, в период советско-китайского паритета на КВЖД - и русский, и китайский. Осуществляя разумную языковую политику, Управление КВЖД издавало учебники и словари китайского языка для русских, например, “Самоучитель китайского языка” Чэн Хунци. Известный синолог профессор А.П.Хионин издал “Русско-китайский словарь юридических, экономических, политических и других терминов” (Харбин, 1927), а также “Новейший китайско-русский словарь” (по графической системе) в 2-х томах (1928, 1930) и др.

Нельзя обойти молчанием и такой факт: китайская молодежь могла беспрепятственно учиться в русских школах. По данным Г.Мелихова, в Коммерческих училищах проходили обучение многие китайские юноши и девушки, из которых более половины были стипендиатами пекинского правительства¹⁵. Лично помню, какое большое количество китайских детей было в гимназии Христианского союза молодых людей, где я училась в конце 30-х - начале 40-х гг. (подтверждает это публикуемая фотография). Для поступления в ХПИ также не было препятствий. Для желающих получить высшее техническое образование китайцев там были организованы специальные Подготови-

тельные курсы русского языка, который был необходим для слушания лекций. Кстати, в последние годы, когда все обучение в ХПИ было переведено на китайский язык, такие подготовительные курсы, но уже китайского языка, были организованы для русских учащихся.

Еще о других неточностях в статье Ли Мэн.

Никогда нигде (даже в стихах А.Несмелова, как утверждает ли Мэн), не говорилось, что русские “придумали” название города Харбин. В печати лишь приводились разные версии происхождения корня этого слова.

Успенское (“Новое”) русское кладбище действительно снесено, хотя некоторые могилы и были перенесены в новое место. Остается фактом, что плитами из разбитых кладбищенских памятников частично уложена новая набережная на р.Сунгари.

Автор ошибается, утверждая, что бывшие русские харбинцы не проявляют интереса к современному Харбину. Естественно, когда Харбин их молодости фактически исчез, они испытывают чувство ностальгии по этому городу - к родным местам всегда тянутся нити воспоминаний. Однако публикация материалов не только о прошлом, но и новом Харбине постоянно присутствует во всех вестниках и журналах, выпускаемых ассоциацией “Харбин” в разных городах России и бывшими харбинцами за рубежом. Например, “Моя первая поездка в Харбин” Т.Верижской, “Как живешь, мой Харбин, ни хао!” Н.Лалетиной, “В гостях у старого друга. Пять дней в Харбине” Пешковых, “Я вернусь к тебе, Харбин” Г.Мыслина и много др.¹⁶. В 1998 г. в Новосибирске вышел альбом, составленный Г. и Т.Мыслиными, где запечатлены уникальные старинные здания Харбина начала века и уже новый современный город. В челябинском альманахе № 1, 1998 помещен снимок отреставрированного руководством города Харбина Софийского храма, где заложены (на радость харбинцам!) основы музея истории города. В свое время, когда отмечался юбилей ХПИ, ныне одного из крупнейших вузов Китая, и на торжества были приглашены в Харбин его выпускники разных лет из России и других стран, репортажи и туристские впечатления от поездки широко печатались во всех выходящих “малотиражках” харбинских землячеств.

С чем нельзя не согласиться с Ли Мэн, так это с ее суждением о необходимости более тесных контактов китайских и русских историков. Проводящиеся русскими и китайскими молодыми учеными исследования обнадеживают, как и проводимые международные конференции. Большую роль в этом вопросе призваны сыграть архивы в Китае, которые не всегда доступны российским исследователям.

Завершить мои размышления в ответ на статью Ли Мэн мне хотелось бы обращением к одному историческому факту: юбилейным торжествам, посвященным 50-летию Харбина, отмечавшемся в этом городе 28 мая 1948 г. Эту юбилейную дату старожилы Харбина китайской и русской национальности отмечали в Обществе китайско-советской дружбы. В харбинской газете “Русское слово” от 30 мая 1948 г. был помещен отчет об этом событии. Присутствовали мэр города, его заместитель, начальник департамента социального обеспечения, председатель совещательного комитета города, представители местной китайской и советской общественности, старожилы Харбина и представители прессы. От китайской стороны звучали слова о том, что Харбин обязан своим развитием русским техническим силам, что город может служить “символом дружбы двух народов, символом сближения двух культур”. Сегодня, размышляя об этом событии, бывший харбинец, журналист Олег Брасов пишет: “Исторические бури, пронесившиеся над Маньчжурским краем, над Харбином, над другими районами и городами Срединного государ-

ства не поколебали в конечном итоге согласия представителей двух наших народов. Их содружества на государственном уровне..."¹⁷.

Мне очень хочется присоединиться к этим словам! Ибо все-таки Харбин - не продукт колониализма, а результат плодотворных контактов двух народов, двух стран-соседей!

1. Ли Мэн, во время поездки в Москву, представилась как проживающая в США аспирантка Чикагского университета, исследователь русского литературного наследия Харбина.
2. См., например, Советский энциклопедический словарь, М., 1981.
3. Ли Мэн пишет, что Россия "заставила" Китай подписать договор о строительстве КВЖД в 1896 году, что представляется некорректным с научно-исторической точки зрения.
4. КВЖД. Исторический очерк. Т. 1 - 1896-1905, СПб, 1914; П.С.Тищенко. КВЖД. 1903-1913, Х., 1914; КВЖД. Исторический обзор. 1896-1923, Х., 1923.
5. И.Г.Баранов. Храмы Цзи-Ло-сы и Конфуция в Харбине. История постройки и краткое описание. В кн.: Известия Юридического факультета в Харбине, т. XII, X, 1938; Г.В.Мелихов. Маньчжурия - далекая и близкая, М., 1991.
6. Напоминаем, что когда сегодня говорят "русский Харбин" (как и "Русский Париж", "русский Берлин" и т.д.), то это не более, как фигуральное выражение, подразумевающее культурную жизнь русской диаспоры в данном регионе.
7. А.И.Баранов. Харбин как центр краеведческой работы русских в Маньчжурии, ч. 1. 1909-1928. В кн.: "Политехник" (Сидней), 1989, № 12.
8. "Россияне в Азии", Торонто, № 2, 1995.
9. Я.Аракин. Китайская поэзия. Харбин, 1926; А.Серебренникова. Цветы китайской поэзии, Тяньцзинь, 1938; Н.Светлов. К солнцу. Перевод поэмы Ай Цина, Шанхай, 1946.
10. В очерке "Русские поэты-переводчики на Дальнем Востоке" В.Перелешин так пишет о себе: "Мой первый перевод с китайского языка относится к 1935 году... Переводил я китайских поэтов и печатал свои переводы в харбинских журналах до 1948 года. Обычно это были миниатюры "ши", позднее также и "цы", и я перевел также и балладу "Мулань" и "Песню мандолины" Бай Цзюй-и - вещи довольно крупные. Часть этих переводов включена в мою антологию китайской классической поэзии "Стихи на веере" (Фр.-на Майне, 1970). Любовь к китайской поэзии осталась у меня и по сей день." (Письмо В.Перелешина из архива автора).
11. Альфред Хейдок. Звезды Маньчжурии. Х., 1934; Alla Crone. Legacy of Amber, USA, 1985 (также "Wind over Manchuria и др.); Н.А.Байков. Великий Ван, Харбин, 1936 и др.; Ю.Крузенштерн-Петерец. Доктор Шен. В кн. "Улыбка Псиши", Канада, 1969; Вс.Н.Иванов. Дочь маршала. М., 1992 и др.
12. "Политехник", Сидней, 1979, № 10.
13. "Политехник", Сидней, 1989, № 12.
14. Альманах "Рубеж", Владивосток, 1998, № 3.
15. Г.Мелихов. Цит., соч. С. 287.
16. "Харбинь", Новосибирск, 1993, № 5; 1998, № 1 и др.
17. "На сопках Маньчжурии", Новосибирск, №№ 1-3, 1993; 1994, № 4; 1996, №№ 36, 37; 1997, № 40, 1998, №№ 49, 53 и др.
18. "Политехник", Сидней, 1969-1989, №№ 4, 5, 7, 8, 10, 11, 12 и др.
19. "На сопках Маньчжурии", 1998, № 53.

Продолжая тему

© 1999

И.Курсанов

Хочу высказать свой взгляд г-же Ли Мэн, настаивающей на причислении русских, пришедших в Маньчжурию, к когорте "колонизаторов" (ПДВ, № 1-1999), совсем не потому, что я сам русский и только поэтому хочу поддержать точку зрения Л.Маркизова (ПДВ, № 4-1997), которую критикует, а где-то и вовсе отвергает китайский автор. Я хочу высказаться по существу самого содержания, самой сути ее статьи. Я думаю, ни одной из сторон в дискуссии не стоит подходить с крайних позиций.

Госпожа Ли справедливо пишет, что Россия "позднее других западных держав начала интересоваться китайскими делами" и тут же утверждает, что Россия использовала ослабление цинского Китая в японо-китайской войне и "з а х в а т и л а незамерзающий порт Порт-Артур на берегу Тихого океана", "з а с т а в и л а Китай подписать договор о постройке КВЖД..." (разрядка моя - И.К.).

Интерес России безусловно имел место, но в политической обстановке тех лет Россия Китаю была не менее, а, скорее, более необходима, чем Китай России перед лицом жесткой политики в Китае западных держав, в связи с агрессивной политикой Японии. Для спасения Китаю нужен был противовес и им в то время мог стать только "северный сосед". Именно в этих условиях Китай пошел на соглашение о строительстве КВЖД.

Ли Мэн возмущает, что охрана КВЖД осуществлялась русской Пограничной стражей, хотя по договору являлась обязанностью китайского правительства. Однако следует вспомнить, что на деле представляли собой китайские правительственные войска тех времен (вооружение, подготовка, дисциплина и т.д.) и станет ясно: они не смогли бы обеспечить охрану тысячекилометровой стройки.

Автор статьи негодует по поводу слов писателя Н.Байкова, что "русские осели здесь настолько плотно, что Маньчжурия стала приобретать чисто русский облик", но осели, как здесь же пишет Байков: "...вложив сюда свои капиталы, знания, труд". Это явно не характерно для "колонизаторов", которые, как правило, приходят, чтобы воспользоваться уже готовым, чтобы грабить, а не вкладывать.

Не обошел автор и большевиков, попытавшихся установить советскую власть в Харбине. Но ведь никто иной как В.И.Ленин уже в п е р в о м номере своей газеты "Искра" (в 1900 г.) протестует против расправы империалистов над безоружными китайцами. Обвинения Ленина в колониализме надуманны, Ленин их не заслужил.

Курсанов Игорь Васильевич, Челябинское отделение ассоциации "Харбин". Статья об-
суждена и одобрена на собрании актива отделения 6 мая 1999 года. Публикуется в со-
кращении.

Что касается приводимых в статье Ли Мэн примеров “презрительного отношения к китайцам” бывших харбинцев, то эти факты надо рассматривать не с национальной, а с социальной позиции. Люди, воспоминания которых приводит автор, по своему положению действительно, может быть, чувствовали себя “хозяевами”, что определялось не их принадлежностью к русской национальности, а, прежде всего, “толстым карманом”. Известно, что эксплуатация, мафия - явления вненациональные, богачи-китайцы были особенно изощрены в унижении своих “низших” соплеменников.

Я родился в обыкновенной русской семье и прожил в Китае 26 лет. Нам “Чжаны, Суны, Ли” не подавали чай, не приносили “за гроши на плечиках идеально выутюженные и подкрахмаленные летние платья и костюмы”, мы не жили в “шикарных европейских апартаментах”, возле нас не стояли полусогнутыми в почтительных позах готовые на все слути-китайцы. Мы, и это абсолютное большинство русских, вместе с Чжанами, Сунами, Ли трудились и были уверены, что наш труд является не только средством к существованию, но и нужен нашим народам, именно народам, а не отдельным личностям с “выхолненными руками хозяина”. Поэтому я считаю, что неудачно выбрала г-жа Ли, специалист по русской литературе Харбина, своих “свидетелей”, сделав их представителями всех русских харбинцев. Нельзя отбирать только черное. Можно было бы привести примеры того, сколько китайцев спасли русские врачи, сколько сирот было подобрано и размещено в русских приютах, насколько четко и слаженно, без кризисов и потрясений, китайцы и русские совместно работали на сотнях предприятий. КВЖД, позднее КЧЖД. Харбин был не “продуктом колониализма”, а продуктом совместного упорного труда, отлаженным механизмом, по гудкам проходящих поездов которого люди сверяли часы.

Русские, которых автор считает “колонизаторами”, не пичкали насильно китайцев иноземной для них культурой, как это делали японцы (1932-1945 гг.), насильно заставляя всех, без исключения, изучать японский язык (в том числе и русских, кстати, в ущерб изучению китайского языка) и поклоняться богине Аматерасу.

В заключение хочу сказать, что мои чувства и мое отношение к китайцам всегда были и остаются истинно дружественными. Прожив долгую жизнь и повидав многое, я остаюсь убежденным, что с китайским народом у нас общее будущее, основанное на взаимной уважении.

Культура

Классик новой китайской литературы в России

© 1999

В.Сорокин

Исполнилось сто лет со дня рождения Лао Шэ (Шу Шэюя) - замечательного писателя, по праву именуемого "классиком новой китайской литературы". В Китае этот юбилей отмечался широко: состоялись торжественные заседания с участием виднейших общественных деятелей и мастеров культуры, в театрах шли его пьесы, телевидение показывало сериалы по его романам, публиковались воспоминания о писателе, исследования о его творчестве. Важное место среди этих мероприятий занял состоявшийся в начале февраля в Пекине Международный симпозиум "Лао Шэ и XX век", организованный Союзом китайских писателей, "Обществом изучения Лао Шэ" и другими коллективами. В симпозиуме приняли участие около 120 литературоведов, в том числе 20 ученых из России, Словакии, Японии, Франции, Германии, США, Сингапура. Была и представительница Тайваня, где до недавнего времени имя Лао Шэ не упоминалось по политическим причинам.

Многообразной была тематика докладов, выступлений и дискуссий на симпозиуме. Обсуждению подверглись и проблемы общего значения - место Лао Шэ в литературе и духовной жизни Китая середины века, его связей с национальной традицией и мировой культурой, отражения исторических судеб Китая и национального характера китайцев в его произведениях различных периодов, жанрового и стилистического своеобразия произведений писателя. Немало было и сообщений на более узкие, но не менее важные темы - анализ отдельных произведений Лао Шэ, сопоставление его творческих особенностей и эстетических концепций с творчеством других китайских и зарубежных писателей, новые материалы к жизнеописанию художника. В подтверждение сказанному назовем темы лишь нескольких докладов: "Сплав восточной и западной эстетик в произведениях Лао Шэ", "Трагедия Лао Шэ", "Особенности юмора Лао Шэ", "Лао Шэ и новелла эпохи Тан", "Образ Хуню (из романа "Рикша)", "Лао Шэ в Циньхуандао".

Как говорили выступавшие, творческий путь Лао Шэ, начавшийся публикацией в 1926 г. романа "Философия Лао Чжана", охватывает четыре десятилетия - и каких десятилетия! - истории Китая. В его книгах нашли предельно честное, проникнутое сочувствием и любовью отображение и "судьбы родного народа при реакционных правителях начала века", его стремление к

социальному и духовному освобождению, героическое сопротивление империалистической агрессии, первые, трудные шаги на пути строительства новой жизни. Неустанный труженик, он проявил свой талант в самых разных жанрах - был автором многочисленных романов, рассказов, пьес для разговорного и музыкального театра, стихов, публицистических и литературоведческих эссе. Но все эти творения объединяются глубоким проникновением в действительность, окрашенным в гуманистические тона патриотизмом и неподражаемым владением живым народным языком - языком пекинских улиц и переулков, школ и увеселительных заведений. С Пекином связана почти вся жизнь Лао Шэ, там происходит действие большинства его произведений. Он появился на свет в северо-восточном углу столицы в семье солдата маньчжурских знаменных войск; его жизнь трагически закончилась в водах находившегося неподалеку озера, ныне не существующего. Смерть Лао Шэ была мужественным актом протеста против начинавшегося разгула хунвэйбиновщины, воплощением древнекитайского принципа "достойного мужа можно лишить жизни, но нельзя унижить".

Говорилось, естественно, и о том, что Лао Шэ, проведший около десяти лет в странах Европы, Азии и Америки, впитал в себя богатства мировой культуры и, будучи писателем глубоко национальным, ратовал за сближение и взаимопонимание между народами, между цивилизациями. И его творчество находило и продолжает находить отклик во многих странах мира - он является наиболее переводимым китайским писателем уходящего века. Об этом рассказывали многие иностранные участники симпозиума. Этому было посвящено и мое выступление, текст которого публикуется ниже.

Новая китайская литература, как всеми признано, родилась в конце 10-х гг. XX в. на волне стремления к обновлению в политике, идеологии и культуре, охватившего значительную часть китайского общества, особенно молодежи. От традиционной многовековой литературы, богатой и многообразной, она отличалась не только языком (в основном разговорным вместо преимущественно письменного), но и выбором героев, жизненных явлений, средств их изображения. Явным было влияние на нее новых для Китая идейных и художественных течений, главным образом западноевропейских и российских. В Китае новая литература с самого начала воцарилась в сердцах молодого поколения и более просвещенной части поколения среднего, западные китаеведы подольше присматривались, прежде чем воздать ей должное.

В революционной России "литературная революция" в Китае быстрее встретила сочувствие и признание. Но драматические потрясения в обеих странах, неразвитость, спорадичность культурных связей между ними привели к тому, что реальные результаты этого признания появились не сразу. В 1929 г. появились две первые книги переводов рассказов и небольших повестей представителей новой литературы - прежде всего Лу Синя, а также Юй Дафу, Чжан Цзыпина, Чжан Вэньтяня и др. С начала 30-х гг. в нашей научной и художественной периодике, в "Литературной энциклопедии" стало появляться больше материалов о современной китайской литературе, вышли переводы крупноформатной прозы Мао Дуня, Тянь Цзюня (Сяо Цзюня), стихов Эми Сяо (Сяо Саня), проживавшего тогда в СССР, рассказы и очерки некоторых других авторов. Но при этом почти все внимание уделялось левому, связанному с компартией крылу литераторов, все же остальные либо оставались в тени (когда их общественная позиция представлялась неясной или противоречивой), либо отвергались как классово и идейно чуждые. Крут если не изучаемых и переводимых, то упоминаемых в позитивном плане писателей

расширился после провозглашения в 1936 г. единого фронта борьбы против японской агрессии.

Когда русские читатели впервые узнали имя Лао Шэ?

Справочная литература подсказывает ответ: в 1934 г. Но это касается лишь тех русских читателей, которые проживали тогда в Дунбэе, ибо короткие сведения о раннем творчестве Лао Шэ содержались в книжке харбинского китаевода И.Баранова "Современная китайская художественная литература", на территории самой России (СССР) не распространявшейся. Широкая же русская аудитория услышала это имя после начала антияпонской войны китайского народа и создания в марте 1938 г. "Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства по отпору врагу", фактическим руководителем которой стал Лао Шэ.

В течение нескольких лет, вплоть до начала Великой Отечественной войны, советская печать (журналы "Знамя", "Литературный критик", "Театр" и особенно "Интернациональная литература") довольно регулярно печатали статьи и сообщения об участии китайских писателей и работников театра в героической борьбе народа против агрессии, написанные Эми Сяо, А.Стронг, советскими китаеводами В.Роговым, В.Рудманом, В.Лосьевым и др. И в каждом материале говорилось о роли Лао Шэ и руководимой им Ассоциации в этой патриотической деятельности, упоминались названия некоторых его новых произведений. Печатались также подписанные им приветственные письма и телеграммы советским писателям. Перечисляя писателей, "приложивших много усилий для развития антияпонской литературы и искусства", Эми Сяо отнес его к "писателям старого поколения"¹. Но такое определение может быть оправданным разве лишь в контексте "новой китайской литературы", которая сама была двадцати лет от роду; на самом деле Лао Шэ тогда едва исполнилось сорок лет.

Война против фашизма практически разрушила литературные связи нашей страны. Тем не менее в 1944 г. удалось издать сборник переводов рассказов китайских писателей последних лет и в их числе рассказа Лао Шэ "Сердца людей едины", ("Жэнь тун цы синь"), озаглавленного переводчицей Л.Позднеевой "В захваченном городе"². К переводу была приложена краткая справка о писателе, написанная редактором сборника В.Роговым. Так состоялась первая настоящая встреча. Следующей пришлось ждать десять лет.

Нет, имя Лао Шэ как одного из видных современных писателей не было забыто, оно упоминалось в статьях О.Фишман, Н.Федоренко, Л.Эйдлина, появившихся на рубеже 40-х и 50-х гг. Сообщалось о том, что писатель вернулся на родину из США и включился в строительство новой культуры. Создавая привлекательный в идейном плане образ Лао Шэ, в одной из статей Н.Федоренко привел слова из выступления Лао Шэ от 23 мая 1950 г. о том, что если раньше Пекин сравнивали с Римом эпохи Возрождения, теперь он должен стать китайской Москвой. Рассказывалось об успехе его новых пьес "Фан Чжэньчжу" и "Лунсьюгоу". Но перевод "Лунсьюгоу" вышел лишь в 1954 г. И переводчик "Лунсьюгоу" А.Тишков, и другие китаисты, в особенности Н.Федоренко, много писали о пьесе, подчеркивая, что она основана на подлинном событии - реконструкции народной властью одной из пекинских окраин, событии, которое оправдывает ее оптимистический финал. Но конкретные суждения критиков свидетельствуют о том, что ее художественную силу они видят в изображении трагических судеб обитателей дворика. Н.Федоренко выделяет "знание писателем жизни простых людей, знание быта пекинских предместий и чудесный пекинский говор. В сочетании с умением строить напряженный сюжет и лепить характеры получилось произведе-

ние увлекательное, правдивое и впечатляющее". Особой заслугой писателя он считает создание образа рабочего Чжао с его "цельной натурой, чутким и мужественным сердцем", который олицетворяет пробуждающееся сознание народа.

Меньший отклик встретила "Фан Чжэньчжу" - "пьеса, посвященная судьбе китайской актрисы, которая в новом обществе обретает свое гражданское право, человеческое достоинство и подлинную радость творчества", как ее характеризуют Н.Федоренко³. Ссылаясь на свои встречи с Лао Шэ, исследователь поясняет, что тот не просто знает театр и быт актеров, но и сам обладает незаурядными актерскими способностями. (О том, что в основе пьесы лежит написанный в США роман "Сказители" ему, очевидно, известно не было.) А встречался Н.Федоренко с писателем и в годы антияпонской войны, и после образования КНР. В книге "Китайские записи" (1955 г.) не без юмора рассказывается о некоторых особенностях манеры держаться Лао Шэ, автор передает - так, как они ему запомнились - высказывания писателя о своем творчестве, о своих полных или неполных удачах, о связи жизни с литературой, о своих чаяниях, не всем из которых суждено было сбыться. Любопытны, например, слова Лао Шэ о том, что он никогда не наблюдает за человеком специально для того, чтобы "вставить его в книжку" - художественный образ должен включать в себя более широкий круг жизненных впечатлений.

В том же 1954 г. появился (с предисловием А.Тишкова) сборник переводов Лао Шэ середины 30-х гг., включающий восемь произведений. Два из них привлекли особое внимание: "Серп луны" и "Черный и Белый Ли". Первый - своими выдающимися художественными достоинствами, трагически окрашенным лиризмом, психологической остротой, неафишированным сочувствием автора судьбе своей "падшей" героини, музыкальным ритмом композиции. А рассказ о том, как один из братьев, член нелегальной левой организации, старался уберечь другого, но тот в конце концов пожертвовал собой ради его спасения, был расценен как "свидетельство сдвигов в сознании писателя". По утверждению Н.Федоренко, Лао Шэ в те годы считал общее направление пролетарской литературы верным, но "многие произведения пролетарских писателей не удовлетворяли его по содержанию и по форме". Рассказ же о двух братьях он считает возможным рассматривать как пример "влияния пролетарской революционной литературы" на Лао Шэ. Но надо сказать, что вопрос о взаимоотношениях Лао Шэ и левого литературного движения наши китаеведы подробно не разбирали. Немало добрых слов у них заслужил и ряд других ранних рассказов: "Разящее копье", "У храма Дабэйсы", "Своего рода треугольник". К сожалению, пока что не переведена повесть "Моя жизнь" - одно из самых сильных творений художника.

Важное событие произошло в 1956 г.: в переводе Е.Рождественской появился - под заглавием "Рикша" - роман "Лото Сянцзы" (вариант 1955 г.). Наши читатели уже слышали о том, какое место занимает он в творчестве Лао Шэ, а теперь смогли увидеть его воочию. Во вступительной статье В.Петров так характеризует роман: "Писатель рассказывает историю "маленького человека" - бесхитростную историю одного из сотен тысяч пекинских бедняков. В этом рассказе нет острых коллизий, надуманных усложнений сюжета, нет дешевой занимательности. Повествование разворачивается неторопливо и внешне бесстрастно. Однако Лао Шэ передает будничную правду жизни с такой глубиной, с такой впечатляющей художественной силой, что роман не может никого оставить равнодушным к судьбе его героя".

Сянцзы, продолжает В.Петров, во многом похож на своих собратьев по ремеслу, но хочет быть другим и ведет себя по иному. Не потому, что считает

табак, вино и женщин злом, а потому, что одержим мечтой о собственной колыске. Исследователь находит в герое поддерживающее его чувство внутреннего благородства, сознание своей силы и мастерства и это утешает его в трудную минуту. Однако он приходит к выводу, что в трагическом единоборстве с окружающей жестокой действительностью "маленький человек" потерпел поражение. Преследуемый нищетой, обманом, несправедливостью, Сянцзы опускается, утрачивает самоуважение, болезнь подтачивает его силы. Лишь в редкие моменты возвращается к нему радость жизни...

В то же время исследователь полагает, что Лао Шэ "утверждал своим романом веру в добрые качества человека. Общество обошлось с Сянцзы безжалостно и, казалось бы, убедило его во всемогуществе зла. Но в его сердце теплится тяга к добру... Ему не чуждо чувство сострадания, он готов простить даже обманувшую его Хуню... Создавая образ Сянцзы, писатель хотел, чтобы соотечественники видели в его герое не рабочую скотинку, а человека, пусть сломленного в единоборстве с обществом, но достойного сочувствия, понимания и поддержки".

В социологическом плане исследователь видит в Сянцзы "типичного представителя мелкособственнической крестьянской психологии. Сянцзы заботится только о себе. Чувство коллективизма в нем только-только просыпается и должно пройти достаточно времени, прежде чем Сянцзы поймет, что только действуя организованно он сможет реально постоять за свои права и обрести уверенность в завтрашнем дне". Видимо, ощущая несбыточность такой надежды, Петров пишет о том, что Лао Шэ не знал, как вывести своего героя на путь борьбы. "Ему самому тоже нужно было время, чтобы понять, что только ниспровержение общественного строя может принести свободу таким беднякам, как Сянцзы".

А. Антиповский отмечает, что значительное место в идейной структуре романа занимают женские образы - Хуню, Сяо Фуцзы⁴. Он приходит к выводу, что "смерть воспринимается как единственное средство избавления китайской женщины от ее бесправного и беспросветного положения"⁵.

"Лето Сянцзы" возглавил двухтомное "Собрание сочинений" Лао Шэ, вышедшее в 1957 г. под общей редакцией Н.Федоренко. В первый том вошли также переведенные ранее новеллы. Второй том почти целиком заняла после-революционная драматургия: кроме "Лунсюйгоу" туда вошли "Фан Чжэньчжу", "Весенние цветы, осенние плоды" и "Этому не бывать" ("Си ван Чанъань"). Последние расценивались как пример активного включения писателя в процесс классовой борьбы на начальном этапе строительства нового общества, как отражение попыток буржуазии и разных авантюристов помешать успешному ходу социалистического строительства. О том, что "Этому не бывать" вызвала критические отзывы прессы и что после этого Лао Шэ обратился к жанру легких комедий, к историческим и сказочным сюжетам, было сказано позже. Но переводы продолжали выходить. Военное издательство выпустило перевод "документальной повести" о войне в Корее "Высота безымянная" (явно из идеологических соображений). Благодаря имени автора оказались опубликованными также пьесы "Счастье всей семьи" и "Продавщицы". Но лучшая вещь этого периода "Чайная" была помещена в сильно урезанном виде. Лишь позднее, после полной публикации, она была охарактеризована как "шедевр драматургии". "В крошечном пространстве пекинской чайной Лао Шэ воссоздает три переломных этапа в истории китайского общества конца XIX - начала XX в. Воссоздает через судьбы посетителей чайной, через изменения в царящей в ней атмосфере, в манере их поведения, в тоне и даже

лексиконе их речей. Эта казалось бы сугубо китайская и даже пекинская пьеса привлекает в хорошем исполнении и зрителей в других странах"⁶.

Годы шли, а подавляющая часть дореволюционного творчества Лао Шэ оставалась известной нашему читателю лишь понаслышке. Главная причина, как помнится, состояла в том, что существовало неписаное правило: уделять внимание тем произведениям писателей старшего поколения, которые переизданы в КНР. А тут было заявление Лао Шэ о том, что он не станет больше переиздавать "Записки о Кошачьем городе", нашедшие в начале 30-х гг.

Но вот в начале 60-х гг., когда ситуация начала меняться, А. Антиповский пишет диссертацию "Раннее творчество Лао Шэ", а в 1967 г. издает ее. Она дает представление о содержании, основных идейных и, в меньшей степени, художественных особенностях произведений Лао Шэ довоенных лет. В романе "Философия Лао Чжана", отмечает Антиповский, автор акцентирует проблему денег, их влияния на экономику, политику и духовный мир человека. "Изображая действительность как сторонний наблюдатель", пишет он, Лао Шэ показывает "столкновение лиц, отстаивающих гуманные принципы, со своими противниками, которое заканчивается победой бесчеловечной морали". А "философия" Лао Чжана "очень проста: религия, служба в ямыне, "учительская" деятельность - все средства хороши, лишь бы они делали деньги"⁷.

В "Чжао Цзыюэ" писатель "рисует заурядного, типичного для своего времени человека", но рисует его гротескно. Претендуя на лидерство, подражая всему европейскому, чтобы "не отстать от века", герой лишь обнаруживает свою "несобранность и ограниченность, неспособность ни к какому серьезному делу". Мысли Антиповского продолжает М. Шнейдер, автор предисловия к появившемуся в 1979 г. переводу "Чжао Цзыюэ" (переводчик В. Семенов озаглавил его "Мудрец сказал..."): "В романе раскрывается картина жизни студентов - повес, бездельника, любителей вина, азартных игр и женщин. А чего стоит убийственная ирония художника по поводу квасного патриотизма студентов и особенно "революционной деятельности" самого Чжао Цзыюэ!"⁸.

Подметил исследователь и то, что героям романа близка разоблаченная Лу Синем в гениальной повести об А-Кью "философия моральных побед". Мол, мы тут наслаждаемся всем иностранным, а они, иностранцы, там трудятся день и ночь. "Не значит ли это, что они фактически наши рабы?" Конечно, в таком самоутешении есть доля шутки, но есть и нежелание понять положение дел в полукOLONиальной стране и тем более что-либо предпринять для его изменения. Правда, в романе есть персонаж (Ли Цзинчунь), который правильно понимает ситуацию и зовет бороться за ее изменение. Но он избирает путь индивидуального террора и гибнет после неудавшегося покушения на начальника военного округа. Так, может быть, правильнее другой путь, о котором говорил Ли Цзинчунь - учиться самим, учить народ и пробуждать в нем патриотизм? Прямого ответа в романе нет. А есть студенты, избивающие преподавателей и готовые избить самого ректора за то лишь, что он "незнатного происхождения".

Роман "Двое Ма" Антиповский называет лучшим из созданных в Лондоне и полагает, что писатель исходил в нем из убеждения в неизбежности следования Китая по буржуазному пути. Изображая находящихся в Англии китайцев различных поколений и социальных групп, Лао Шэ показывает их отношение к различным сторонам буржуазной действительности, одновременно показывая лживость тамошней морали, с патристических позиций отвергая тезис о цивилизаторской миссии европейского капитализма в Китае.

Справедливость этих суждений наш читатель может проверить теперь, когда роман появился в переводе В.Семанова ("Двое в Лондоне").

Несомненной заслугой Антиповского является своего рода "реабилитация" "Записок о Кошачьем городе" как "замечательного образца сатирического воспроизведения действительности в китайской литературе". Отодвигая в сторону прежние оценки наших авторов (основанные на высказываниях самого писателя), Антиповский подробно излагает содержание романа и показывает, насколько мнимая фантастика романа соответствует тогдашней китайской действительности. Говорит он и о том, что незнакомство писателя с программой китайской компартии и его разочарование деятельностью социал-демократии в Европе отразилось на изображении левого движения в романе. Но грянула "культурная революция", а с ней сообщения о гибели писателя. В августе 1966 г. роман приобрел острую актуальность, перевод В.Семанова был опубликован (редчайший случай!) в самом знаменитом в ту пору журнале "Новый мир", а затем много раз переиздавался. В откликах подчас звучали слишком прямые ассоциации с "культурной революцией", но затем появились и взвешенные оценки. Так, в 1977 г., говоря об эпизоде "библиотечной революции", в результате которой в библиотеке не осталось книг, а стали квартировать солдаты, В.Семанов рассматривает его одновременно как сатиру на культурную политику чанкайшистов и "зорким предвидением, выросшим из наблюдений писателя над левацкими тенденциями... именно за такие эпизоды, естественные для настоящего сатирика, разного рода демагоги впоследствии и стали травить писателя. На деле же Лао Шэ стремился помочь родине устранить деспотические порядки, а заодно и возможность их повторения. Он, конечно, не хотел, чтобы его прогнозы оправдались, но это все-таки случилось - в виде гонений на невинных, забвения интересов трудящихся и других подобных явлений". Коммунистическую теорию автор "Записок: называет "прекрасным средством исцеления общества" и говорит о "других странах, где это средство применяется правильно".

Почти одновременно с книгой Антиповского вышел (в переводе Е.Рождественской) "Развод" (1933) с послесловием не-китаевода Кириллова. Сопоставление суждений этих двух авторов показывает, что они единодушно расценивают роман как обличение мещанского мирка мелкого чиновничества, духовной пустоты, корыстности, мелочности интересов его обитателей. Хотя слово "развод" не раз звучит в их устах, действительно менять свой образ жизни, совершать решительные поступки они не могут и не хотят. Положительными чертами, по мнению Антиповского, наделен Лао Ли - человек из деревни, то есть из народа, хотя и он страдает интеллигентской нерешительностью. Кириллов не видит в нем принципиальных отличий от сослуживцев, а потому полагает финал книги - отъезд Лао Ли в деревню - "странным и неоправданным". Но и он считает, что во второй половине романа - после эпизода с арестом сына Чжан Дагэ - Лао Шэ сатирик уступает место Лао Шэ психологу, а мысль о необходимости "развода" с окружающей действительностью звучит отчетливее. Что касается романа "История Нью Тяньцзы", то он у нас не переводился и подробно не анализировался.

Творчество Лао Шэ периода антияпонской войны почти неизвестно российскому читателю, но исследовано нашей наукой (книга О.Болотиной "Лао Шэ. Творчество военных лет", 1983). Прежде всего следует отметить сравнительно полное освещение деятельности Литературной ассоциации и Лао Шэ как ее руководителя. Он предстает душой литературы Сопrotивления, ее активнейшим создателем, всемерно способствовавшим расширением ее аудитории. Далее следует подробный анализ рассказов и повестей Лао

Шэ, созданных в 1937-1943 гг. на "мирные" и "военные" темы. Автор отмечает общность социально-критической направленности этих двух линий, противопоставление подлинных героев и просто порядочных людей мнимым, осуждение политики гоминьдана. Заметим, что не все суждения исследовательницы вызывают согласие - так, завышенной выглядит оценка сказки "Маленький деревянный человечек", где я ощущаю противоречие между замыслом и исполнением. Наряду с новеллистикой кратко говорится и о ряде разговорных - в отличие от традиционных музыкальных - драм военных лет.

Роман "Огненное погребение" Болотина рассматривает как единственное крупное произведение тех лет, созданное в героико-романтическом ключе, как страстный призыв к борьбе - при том, что оно написано уже в поздний период войны. Это свидетельство неизменности душевных устремлений писателя, неотделимых от его гражданских позиций. Бросается в глаза четкость деления персонажей на "своих" и "чужих", способных к самопожертвованию героев и пособников оккупантов. Писатель показал, что к этому печальному итогу приводят разные пути - у одних аполитичность, надежда укрыться в своей скорлупе, в "чистой науке", у других - жажда власти, стремление показать себя сильной личностью. При этом роман нельзя характеризовать - как это делали некоторые китаеведы на Западе - просто как "патриотическую пропаганду": в нем отражена и общая политическо-психологическая неподготовленность страны к борьбе с сильным врагом, и слабость ее вооруженных сил. С другой стороны, важным представляются указания на классовые истоки нравственных основ патриотизма. Болотина анализирует непростую композицию романа с ее частыми нарушениями хронологической последовательности эпизодов, не всегда, по ее мнению, дающими должный художественный эффект. Отмечает она и соответствующий героико-романтическому и одновременно трагическому содержанию возвышенный стиль романа, хотя и несколько перегруженный авторскими прямыми высказываниями, сопоставляет приемы изображения героических персонажей с поэтикой традиционной китайской эпопеи.

О.Болотина впервые познакомила наших читателей с самым крупным по объему произведением Лао Шэ - трехтомным романом "Четыре поколения одной семьи, созданном в конце 40-х годов. Изображая жизнь обитателей пекинского переулка в годы японской оккупации, писатель показывает, как в их судьбы вторгаются события общекитайского и даже мирового значения, как меняются характеры людей вместе с драматическими изменениями внешних обстоятельств. Хочется надеяться, что это выдающееся творение писателя выйдет в русском переводе - хотя бы в авторском сокращенном варианте.

"Под пурпурными стягами" - название опубликованного посмертно неоконченного романа. В нем Лао Шэ, маньчжур по национальности, захотел рассказать о жизни своих соплеменников в Пекине начала века, вписать еще одну главу в создававшуюся им почти всю творческую жизнь сагу о "Северной столице". Переводчик Д.Воскресенский прав, когда говорит, что перед нами не исторический роман, а "скорее художественная автобиография или семейная хроника". Прожив столетия в Китае, усвоив китайский язык и образ жизни, маньчжуры сохранили в определенной степени национальные традиции, обычаи, черты характера. О них-то и рассказывает - с еще более возросшим мастерством, вернее сказать, совершенством, Лао Шэ. Менее язвительной стала авторская усмешка, больше доброты в его по-прежнему остром взоре. Однако в 1962 г. произошло очередное ужесточение государственной политики в сфере идеологии и культуры. Лао Шэ утратил надежду на

публикацию романа и перестал работать над ним, написав явно меньшую часть книги. Очень жаль.

Полвека знакомства с богатейшим и необыкновенно многосторонним творчеством Лао Шэ (при том, что ряд его аспектов еще остается малоизученным), с его кипучей общественной деятельностью, с его достойно прожитой и трагически оборвавшейся жизнью доказали россиянам, что перед ними - один из крупнейших представителей китайской литературы XX века, реалист, гуманист, патриот, замечательный художник слова, отобразивший в произведениях самых разных жанров важнейшие этапы в жизни родной страны, создавший незабываемые образы современников. Работа наших китаеведов по переводу произведений Лао Шэ и исследованию его творчества расширяет представление россиян о нашем восточном соседе, о жизни китайского народа и о его культуре; думается также, что ее можно рассматривать и как вклад в изучение истории современной китайской литературы. В последнее время в разных странах растет интерес к Лао Шэ, множится число переводов его произведений на языки мира. Это означает, что творчество писателя приобрело большой международный резонанс и помогает китайской культуре занять достойное место в культуре мировой.

-
1. См. "Китай". Сборник статей. Изд. АН СССР, М.-Л., 1940. С. 314.
 2. Китайские рассказы. М., 1944. С. 28-37.
 3. Федоренко Н.Т. Китайская литература. М., 1956. С. 602.
 4. Антиповский А.А. Раннее творчество Лао Шэ. М., 1967. С. 175.
 5. Там же. С. 177.
 6. Лао Шэ. Избранные произведения. Вступ. статья В.Ф.Сорокина. М., 1991. С. 16.
 7. Антиповский А.А. Указ. соч. С. 35.
 8. Осень в горах. Восточный альманах. Выпуск седьмой: М., 1979. С. 95.

Научная жизнь

Профессор Гао Ман Почетный доктор Института Дальнего Востока РАН

11 июня в ИДВ РАН состоялось вручение профессору Гао Ману диплома Почетного доктора Института Дальнего Востока (звание было присвоено Ученым советом института 5 марта 1994 года) и члена Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии.

Профессор Гао Ман удостоен этого звания за большие заслуги в углублении взаимопонимания и дружбы между народами России и Китая, а также за выдающийся личный вклад в укрепление российско-китайского культурного сотрудничества, популяризацию русской литературы.

* * *

Свое выступление на церемонии вручения ему диплома Почетного доктора ИДВ РАН профессор Гао Ман посвятил культурным связям Китая и России. В частности он отметил роль русской литературы, говоря словами Лу Синя, как учителя и друга китайского народа. В Китае пристально следят за ее развитием. В начале этого года издательство "Куньлунь" приступило к изданию серии "Новая русская литература". "В нее вошли произведения писателей разных поколений, которые в настоящее время еще активно творят на литературном поприще". В обращении составителя этой серии говорится: "Русская литература последнего десятилетия воистину представляет собой новую многокрасочную картину. В ходе социальных потрясений и новые, и старые писатели продолжают активно творить, хотя некоторые из них лишились прежнего стабильного статуса". Несмотря на все сложности ее сегодняшнего развития, сказал Гао Ман, новая русская литература не стоит на месте и китайские читатели верят в ее будущее.

Что касается китайских литераторов, то они, как и прежде, черпают в сегодняшней русской литературе все полезное, обогащая собственное творчество.

Кроме русской литературы огромное влияние в Китае оказали русские кино, музыка, живопись. Колоссальное впечатление на китайского зрителя произвел в 30-е годы фильм Эйзенштейна "Броненосец "Потемкин". В 50-е годы на китайском экране шли многие советские фильмы, такие как "Белые ночи", "Идиот", "Война и мир", "Мать", "Хождение по мукам".

"Во время моего приезда в Россию в 1983 г. - вспомнил Гао Ман, - мне довелось встретиться с автором сценария фильма "Сельская учительница" Марией Смирновой. Вспоминая свое пребывание в Китае, она сказала, что никогда не думала, что получит из Китая такое множество писем от учительниц, которые после просмотра этого кинофильма решили посвятить свою жизнь священному делу просвещения и воспитания детей в деревнях".

Огромной популярностью среди прочих пользовался и фильм "А зори здесь тихие". Писатель Борис Васильев, по повести которого он поставлен,

мог лично в этом убедиться во время пребывания в Китае, расспрашивая зрителей. Русская песня, продолжал Гао Ман, особенно старинные народные песни, всегда пользовались в Китае любовью. И сегодня здесь есть специализирующиеся на исполнении русских песен самодеятельные хоры, вроде пекинского хора "Калинка". Среди хоров есть госслужащие, рабочие, работники предприятий и студенты. В последние годы китайцам полюбились произведения русской симфонической музыки. В дни празднования 200-летия со дня рождения А.С.Пушкина были исполнены произведения Чайковского, Кюи, Глазунова, Рахманинова, Глиэра, Свиридова на тему стихотворений великого поэта, которые были восторженно восприняты слушателями.

Говоря о музыке Чайковского, нельзя не вспомнить о его прославленных на весь мир балетах "Лебединое озеро" и "Спящая красавица". Балет для китайского народа - явление новое. Как искусство и как культура балет пустит корни на китайской земле лишь в середине этого века, расцвел и в последние годы принес свои плоды.

В начале 50-х годов в Пекине и других городах выступала Галина Уланова, она и подняла занавес перед балетным искусством нового Китая. Эта великая балерина стала кумиром нашей публики. Китайские артисты балета никогда не забудут просветительскую роль русского балета и силу примера его артистов.

Говоря об изобразительном искусстве, Гао Ман в своем выступлении отметил, что после образования КНР советское изобразительное искусство начало оказывать систематическое влияние на Китай. Была приглашена группа советских художников и скульпторов в качестве преподавателей и открыты курсы в Пекине и Ханчжоу. Тогда уже были посланы группы студентов в российские художественные институты. Они потом стали в Китае костяком художников масляной живописи.

Если за первое десятилетие нового Китая здесь были проведены только две крупномасштабные выставки советской живописи, то в 80-х годах связи между Китаем и Россией в области изобразительного искусства расцвели. Выставка живописи Репина и его современников, выставка русского изобразительного искусства последнего столетия, выставка живописи Левитана и современных ему русских художников, выставка современной русской масляной живописи - все они предоставили возможность увидеть подлинные шедевры русской живописи.

Потенциал русской культуры неистощим, сказал Гао Ман, ее влияние глубоко. Она связана с ростом своей нации и одновременно способствует культурному развитию других наций. Распространение русской культуры в Китае расширило кругозор китайского народа, укрепило его уверенность в собственном крутом подъеме.

В дни приближающегося 50-летия КНР, сказал в заключение Гао Ман, ретроспективный взгляд на историю китайско-российских отношений показывает, что культурные обмены помогали взаимопониманию и взаимоуважению между народами наших стран. В мае этого года в Пекине в Доме Всекитайского собрания народных представителей торжественно было отмечено двухсотлетие со дня рождения великого русского поэта А.С.Пушкина. Министр культуры КНР Сунь Цзячжэн выступил с речью, заместитель председателя ОКРД Чэнь Хаосу прочитала свое стихотворение, посвященное Пушкину. На этом собрании была показана и моя серия картин о Пушкине. К этому времени также были выпущены полное собрание сочинений поэта, комплект почтовых открыток, показывающих жизнь Пушкина, сборник "Пушкин и я", в который вошли статьи 113 авторов. Все это говорит о том уважении и доброй памяти китайского народа к великой русской культуре. Я верю, что в будущем столетии русская культура получит новое развитие, и культурные обмены между нашими странами принесут новые прекрасные плоды.

Рецензии

Коалиционная политика. Свидетельства очевидцев. (Рэнрицу сэйдзи. Додзидай-но кэнсё). Под ред. Дз. Ямагути. Токио, 1997. 260 с.

Коалиционное правление в Японии не имеет исторического опыта, если не считать небольшого периода первых послевоенных лет, и является еще не освоенной формой режима. Практика коалиционного правления ведет начало с лета 1993 г., когда пресеклось 38-летнее единоличное нахождение у власти Либерально-демократической партии (ЛДП). Первые два из коалиционных правительств (кабинет М.Хосокава, август 1993 - апрель 1994; кабинет Ц.Хата, апрель-июнь 1994) формировались без ЛДП. Однако либерал-демократы быстро вернулись к власти в составе коалиционного правительства совместно с Социалистической партией Японии (СПЯ) и Новой партией Сакигакаэ. Правительство этой необычной коалиции бывших непримиримых противников первоначально возглавил социалист (кабинет Т.Мураяма, июнь 1994 - январь 1996 г.). Затем его главой стал либерал-демократ Р.Хасимото, причем с ноября 1996 г. последний формировал свой кабинет без участия партнеров по коалиции, но при их внеправительственной поддержке до июня 1998 г. Еще один кабинет либерал-демократов во главе с К.Обути, сформированный в июле 1998 г., действовал как однопартийный всего в течение полугода. С января 1999 г. в него включен представитель Либеральной партии, появилась новая правящая коалиция, названная в Японии "консервативно-консервативной". Во власть включились в лице Либеральной партии прежние единомышленники либерал-демократов, покинувшие в 1993 г. правящую тогда партию.

Объект исследования рецензируемой книги - начальный, четырехлетний опыт коалиционного правления, сопровождавшийся быстротекущей, непрерывной перегруппировкой политических сил. Работа выполнена по свежим следам собы-

тий группой университетских профессоров, политологов: Дзиро Ямагути, Тосимицу Синкава (оба из университета Хоккайдо), Фусао Усиро (университет Нагоя), Мицутоси Ито (университет Рицумэйкан), Минору Цубо (университет Васэда). Коллектив ученых пользовался поддержкой Института исследований политики жизненной экономики, именующего себя "частным мозговым центром, работающим с позиций потребителей, демократии и либерализма".

Своей целью японские ученые поставили "беспристрастно определить место поворота к коалиционному правлению в послевоенной политике", "не становясь просто на сторону консервативной партии в ее борьбе за власть и не предаваясь сожалениям по поводу развала реформистских партий". Тем не менее они делают оговорку о том, что авторские оценки отдельных политиков и партий отнюдь не идентичны (с. 10).

Поставленная цель исследования достигается многогранным, комплексным анализом. Рассматриваются различные аспекты практики коалиционного правления в сравнении с предшествовавшим однопартийным, выявляются конкретные достижения и неудачи коалиционных кабинетов в решении актуальных, неотложных проблем. Авторы работы пытаются обнажить корни возникающих межпартийных коллизий, перемены внутри отдельных партий, нередкие принимающие драматический для их судеб характер.

Естественно, в рамках краткой рецензии можно затронуть лишь некоторые эпизоды этого интересного исследования, которое начинается характеристикой "системы 1955 года", то есть длительной полосы однопартийного режима, предшествовавшего переходу к коалиционному правлению. Дз.Ямагути, автор первой

главы, рассматривает "систему 1955 года", во-первых, как "следствие международной структуры холодной войны". "Главными моментами противоречий между двумя большими партиями системы 1955 года (имеются в виду ЛДП и СПЯ - А.С.) были внешнеполитический курс и экономическая система. Но данная схема противоречий не была связана с выбором национальной политики. Скорее, напротив, обе стороны идентифицировали свое место с двумя внешними авторитарными силами, США и Советским Союзом. Собственное значение они аргументировали либо "антикоммунизмом", либо выступлением "против монополий, в защиту конституции". Обе партии не соперничали в выдвижении комплексной политики, строящейся на собственных идеалах. Конечно, высшие руководители, считающиеся с веяниями времени, как это было с "высоким экономическим ростом" при кабинете Икэда, выдвигали новые направления развития. Но на практике это было ни чем иным, как экономической политикой, определяемой под руководством бюрократии... В Японии социализм у СПЯ выражался в протесте против политики ЛДП, ее замыслов по пересмотру конституции. А ЛДП не задумывалась над вопросами путей осуществления ее либеральных идеалов в реальном экономическом обществе. Например, до какой степени допустимы административное, бюрократическое руководство, регулирование экономической деятельности" (с. 15).

Во-вторых, "система 1955 года" отличалась от обычной демократии западного типа, предполагающей периодическую сменяемость власти. Своеобразие Японии состоит в том, что ЛДП, став единственным держателем власти, умело распределяя государственные ресурсы, смогла в течение долгого времени сохранять базу собственной поддержки. Дз. Ямагути считает, что непрерывное правление ЛДП было тесно связано и с процедурой парламентских выборов по "средним", то есть многомандатным округам. "В результате выдвижения нескольких кандидатов правящей ЛДП в одном избирательном округе их соперничество между собой, в конечном счете, определялось не принципами и политикой, а соревнованием вокруг предоставления выгод" (с. 17).

В-третьих, при бессменном правлении ЛДП обычной практикой стал лоббизм так называемых "парламентских

кланов", проталкивающих ведомственные, корпоративные и прочие особые интересы. Это привело к образованию "железного треугольника", под которым понимается тесное сращивание политиков правящей партии, бюрократии и предпринимательских кругов. "Железный треугольник" и сопутствующие ему методы "конвоирования судов" (имеются в виду протекционизм, разностороннее государственное регулирование - А.С.), долгое время, включая 1970-е годы, "несмотря на встречающиеся трудности, функционировали, обеспечивая стабильность посредством взаимодействия трех сил" (с. 19).

Можно упрекнуть Дз. Ямагути в некотором сгущении красок, в частности, выразившемся в принижении внутривнутриполитических факторов, определявших противостояние между ЛДП и СПЯ, но названные им три характерные черты "системы 1955 года" отражают ее наиболее существенные стороны.

Эта система, доказывают авторы книги, вошла в противоречие с изменившимися внутренними и международными реальностями. Отчетливо выявилась невозможность при сохранении прежнего однопартийного правления успешного решения многих насущных, неотложных задач и, тем более, осуществления глубоких структурных перемен. Примечательно, что Дз. Ямагути не согласен с высказываниями, по которым главной причиной отстранения ЛДП от власти явился раскол в ее рядах. "Действительно, спусковой крючок политических перемен нажат вследствие внутренних раздоров в Кэйсэйкай (крупнейшая фракция парламентариев ЛДП, во главе которой стояли К.Танака, а позже Н.Такэсита - А.С.), борьбой за власть в ЛДП. Но сколько бы Одава и другие политики ни призывали к какой-то реформе, их действия остались бы бурей в стакане воды при отсутствии настроений в пользу реформ. Причина этих перемен в том, что система 1955 года зашла в тупик, а народ желает преобразований." (с. 23).

Дз. Ямагути стремится дать ответ, разрушена ли в ходе последующих событий "система 1955 года" или она тем не менее сохранилась. Он обращает внимание на следующие явления, наблюдавшиеся за четыре года коалиционного правления.

Во внешнеполитическом плане перемены выразились в том, что США "на оп-

ределенное время отвернулись от ЛДП, начали работать с правлением реформистских партий", не меняя главной предпосылки - неизменности японо-американской системы безопасности, которая после холодной войны "приобрела еще большее значение в американской стратегии". В свою очередь, внутри Японии создалась обстановка "почти полного отсутствия сил, выступающих против такой политики, за исключением коммунистической партии". "Перед мощной реальностью необходимости тесных отношений с США споры вокруг образа японского государства и внешнеполитического курса совершенно заглохли". Вместе с тем автор замечает, что акцент на военные отношения в японо-американском союзе порождает сомнения, сможет ли такой подход "стать вкладом в безопасность Восточной Азии и самой Японии". Дз. Ямагути склоняется к мысли о необходимости взять курс "на активные усилия к созиданию мира в Восточной Азии, основываясь на конституционных принципах" (с. 53).

Касаясь перемен в расстановке политических сил, Дз. Ямагути фактически аргументирует высказанное им мнение, что "политическая реформа и драма реорганизации политических кругов имели громкое начало и бесславный конец" (с. 13). В частности, он фиксировал отдаление осуществления замыслов формирования в Японии двухпартийной системы. Это можно было видеть на фактах "ослабления центростремительных сил и падения имиджа Партии новых рубежей, амбициозно претендовавшей на место равнозначного соперника ЛДП, и возникших внутри этой партии дискуссий вокруг идеи "консервативно-консервативной коалиции". Последнее, как предвидел Дз. Ямагути, нужно было "лишь для выживания части политиков", объединившихся в Партию новых рубежей (с. 54). Действительно, в декабре 1997 г. ПНР развалилась, а один из ее осколков, нынешняя Либеральная партия, пошла на мировую сделку с правящей теперь ЛДП.

Не достигнута и главная цель реорганизации политических кругов, усматривавшаяся в том, чтобы обеспечить принципиальное партийное соперничество на основе их идеалов и политики. "Политические силы без ЛДП не смогли выдвинуть противостоящие ей четкие принципы, а ЛДП возвратилась к власти на полпути к пересмотру собственных" (с. 54).

Тем не менее коалиционное правление ускорило смену поколений внутри ЛДП, стали более заметными различия в понимании ее деятелями политического курса. В этом, полагает Дз. Ямагути, "можно видеть зародыши последующих перемен" (с. 55).

В книге подробно рассматриваются обстоятельства и результаты политической реформы, центральным моментом которой стал пересмотр порядка выборов ключевой в парламенте палаты представителей. Весной 1994 г. при кабинете М. Хосокава прежние выборы депутатов этой палаты по многомандатным округам, традиционно обеспечивавшие многопартийный состав парламента, были заменены на параллельную систему выборов 300 депутатов по одномандатным округам и 200 - на пропорциональных выборах по партийным спискам.

Компромиссный по существу пересмотр избирательной системы в той конкретной обстановке в наибольшей степени отвечал интересам ЛДП и представлял серьезную угрозу парламентским позициями и даже самому существованию прочих партий, не исключая и СПЯ, самой крупной из них.

Почему же противники ЛДП голосовали за решение, противоречащее их собственным ближайшим интересам? В книге, особенно во второй ее главе, представлен достаточный материал для ответа на этот вопрос. Причина в том, что в японских политических кругах возникла эйфория по поводу возможности путем изменения порядка выборов построить систему двух крупных политических партий, которая, как ожидалось, не просто обеспечит сменяемость власти, но, ввиду усиления партийного соперничества, побудит власть к смелым шагам в необходимых общественных преобразованиях. Эта эйфория не миновала даже профсоюзные круги.

Ф. Усиро, автор второй главы, особое внимание концентрирует на деятельности И. Одзава, приступившего к разработке концепции двухпартийной системы, находясь еще в составе ЛДП. И. Одзава характеризуется как неутомимый проводник этой концепции в жизнь. Однако объективности ради следовало бы более откровенно сказать, о каких двух крупных партиях по их мировоззрению, политической ориентации мечтал И. Одзава. Ведь он не скрывал своей цели прежде

всего нанести удар по СПЯ, даже ее уничтожить, заявляя об этом публично. В 1991 г. И.Одзава дал интервью, в котором заявил: "Реально говоря, следует разрушить Социалистическую партию, первую среди оппозиции. Иного, как малые избирательные округа, для этого не придумаешь"¹. В таком случае стало бы очевидным, допускал ли Одзава, как утверждает Ф. Усиро, лишь простые "промахи", "ошибки", когда настойчиво стремился добиться изоляции социалистов в первом коалиционном правительстве, вел дело к созданию за их спиной и без их участия "второй крупной партии". Но сейчас, когда И. Одзава вернулся к союзу с ЛДП, реализовав уже иные взгляды, концепцию "консервативно-консервативной" коалиции, дискутировать на эту тему нет смысла. Да и в самой книге есть достаточно свидетельств, всесторонне показывающих лицо этого неоконсервативного политика.

Нельзя однако не согласиться с мнением Ф. Усиро о том, что совершенствование демократии определяется не одним простым фактом внесения изменений в избирательную систему. "Какое время потребуется, чтобы стали возможными демократические игры по типу малых избирательных округов, зависит от того, смогут ли политические партии, особенно оппозиционные, достичь понимания надлежащей роли и приобрести стратегические способности в качестве действующих лиц этих новых игр" (с. 94). Пока же изменение порядка парламентских выборов работало на пользу ЛДП, опирающейся на те влиятельные связи, которые были приобретены еще в годы ее монопольного правления.

Самым заметным событием в нынешней Японии можно считать исчезновение СПЯ, резкое общее идеологическое, политическое и организационное ослабление социал-демократического течения. К исследованию процесса и причин этого явления, пик которого парадоксально пришелся на момент выхода социалистов из состояния "вечной оппозиции", обращаются практически все авторы книги. Этому посвящена и специальная глава, автор которой Т. Синкава предваряет анализ событий недавнего времени глубоким экскурсом в их предысторию.

Т. Синкава полагает, что СПЯ попала в "западню" на пути превращения из партии протеста, руководимой принципами "марксизма" и "конституционного па-

цифизма", в "реалистическую партию". Движение в таком направлении происходило под непосредственным воздействием крупных перемен в профсоюзном движении, отошедшем от прежней "левизны". Запаздывание в движении не к мнимому, а к адекватному пониманию реальности помешало подготовить партию к участию в коалиционном правлении на первых ролях. Приняв же участие в правящей коалиции совместно с сильными либерал-демократами, СПЯ "одним махом" отказалась от "конституционного пацифизма", создав впечатление беспринципного поворота к внешнеполитическому и оборонному курсу своего бывшего противника в благодарность за его согласие, чтобы правительство возглавил социалист Т. Мураяма. На утрату политического влияния СПЯ работала и провалившаяся попытка перестроиться в новую, широкую "демократическо-либеральную партию", тем более что она сопровождалась вслед за предшествовавшим переходом от "марксизма" к "социал-демократии" западно-европейского типа еще одним шагом, отказом практически от всего социалистического (с. 132-133).

Констатируя слабость нынешней Социал-демократической партии, преемницы СПЯ, Т. Синкава считает, что в Японии объективные условия для деятельности социал-демократии отнюдь не исчезли и не сократились. Открываются возможности развертывания политики "новой социал-демократии" в связи с возрастающим значением проблем благосостояния в демографически стареющем обществе, экологии, феминизма и т.д. Имеется перспектива "определенной востребованности и традиционной социал-демократии" для защиты интересов трудящихся при нынешнем пересмотре многих аспектов трудовых отношений в неоконсервативном духе (с. 133).

Практически не изучавшейся у нас стороне японской жизни, рассмотрению отношений режима и политической оппозиции с гражданскими движениями, посвящена глава, написанная М. Цубо. Вступление Японии в 1990-е годы ознаменовалось новым этапом развития местных и национальных гражданских движений, до того времени носивших преимущественно протестный характер. Не случайно, более употребительным стал термин "гражданская деятельность", означающий самостоятельное конструктивное

участие отдельных граждан и групп в уличном, поселковом строительстве, в сферах благосостояния, защиты среды, образования, в прочей добровольческой деятельности. В то время, как при коалиционном правлении политические партии были озабочены проблемой собственного выживания, а потому упускали из виду многие насущные вопросы повседневной жизни, граждане вырабатывали свое представление о современном обществе, в котором они надеются играть большую, чем прежде, роль, создавали сети плюралистических организаций, приспособленных к выполнению разнообразных практических задач.

М. Цубо, в частности, подробно рассказывает о процессе разработки при коалиционном правлении нескольких законопроектов, включая и закон о содействии организациям гражданской деятельности, то есть некоммерческим, добровольческим организациям (принят парламентом после издания рецензируемой книги). Позитивные сдвиги в этом направлении объясняются как повышением прозрачности процесса принятия политических решений с отменой монопольного господства одной партии, так и, особенно, активным взаимодействием организаций гражданской деятельности со всеми, правящими и оппозиционными, партиями (разработка собственных предложений, давление на парламентариев, требование от них поправок в депутатские и прави-

тельственные законопроекты и т.п.). Коалиционная форма правления, считает М. Цубо, способствует повышению гражданской активности. Партии ближе узнают методы работы гражданских организаций, а последние получают возможность расширить отношения с партиями, правительством и его ведомствами, предприятиями и предпринимательскими организациями и т.д.

Участвуя в коалиционном правлении, политическая партия нередко сталкивается с дилеммой: сохранение правящей коалиции или собственная самостоятельность? Перекос партии как в одну, так и в противоположную сторону чреват развалом коалиции, утерей правящего положения, внутрипартийными раздорами, вплоть до непоправимого ущерба имиджу, авторитету партии. К этой важной проблеме на конкретных примерах привлекает внимание М. Ито, детально рассматривая в специальной главе механизм принятия политических решений при коалиционном правлении.

Ознакомление с богатым содержанием коллективной работы японских ученых представляется полезным для углубления нашего понимания существа нынешних перемен в политической жизни соседней Японии. В ней найдут немало интересного, поучительного и специалисты, занимающиеся изучением сложных политических процессов в России и на другом постсоветском пространстве.

© 1999

*А.Сенаторов,
кандидат исторических наук*

В.А.Шин. Китай и корейские государства во второй половине XX столетия. М: Изд-во МГУ, 1998. 184 с.

В монографии кандидата исторических наук В.А.Шина рассматривается эволюция внешней политики Китайской Народной Республики на Корейском полуострове за последние пятьдесят лет, подробно характеризуются основные этапы этой политики, а главное - анализируются причины перемен в ней на протяжении полувека, начиная с 1949 г.

Выбор широких хронологических рамок исследования во многом помогает автору показать, с одной стороны, преемственность и последовательность китайской политики, а с другой - акцентировать внимание на поступательном и достаточно динамичном характере этой политики, реалистически учитывающей как изменения в Северной и Южной Корее, так и в международной обстановке на Дальнем Востоке и в мире в целом.

Корейский полуостров с существующими на нем разделенными и враждебными друг другу государствами, по-видимому, останется одной из потенциально конфликтных зон в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в начале XXI века. Российской Федерации отнюдь не безразлично, что будет происходить на ее дальневосточных рубежах, и любые конфликтные ситуации не выгодны для России, поглощенной своими внутренними проблемами и занятой разработкой наиболее адекватной ее возможностям политики на дальневосточном направлении. Об этом убедительно сказано у В.А.Шина во Введении к книге (с. 4-5). Можно было бы только добавить, что Китай является одним из ключевых субъектов в урегулировании положения на Корейском полуострове, так что без основательного знания исторической подоплеку китайской политики и современной позиции Пекина по корейскому вопросу сколько-нибудь существенное продвижение вперед в решении корейской проблемы представляется маловероятным.

Тема китайско-корейских отноше-

ний во второй половине XX века хотя и нашла свое отражение в отечественной литературе, но, в общем, была разработана до появления монографии В.А.Шина довольно фрагментарно. В соответствующем разделе приложенной к книге обширной библиографии В.А.Шин перечисляет 107 публикаций на русском языке (это в основном российские авторы), в которых затрагиваются вопросы китайской политики в отношении Северной и Южной Кореи. Однако лишь немногие из этих книг и статей посвящены специально теме китайско-корейских отношений в те или иные периоды второй половины XX века (книги Ю.Ванина и Ю.Ванина с коллективом авторов, диссертация Ю.Огнева, статьи Л.Забровской, В.Петровского, В.Ткаченко, Ю.Цыганова).

В.А.Шин избрал комплексный подход к исследуемому периоду китайско-корейских отношений на протяжении пяти десятилетий, и ему понадобилась обширная база данных, которая обстоятельно охарактеризована автором, включая и информационные ресурсы Интернет по проблематике диссертации (с. 13-14).

Вместе с тем, на взгляд рецензента, В.А.Шин, пожалуй, уделил непропорционально много места материалам по истории корейской войны 1950-1953 гг. Причины, начало, ход войны, длительные переговоры о перемирии сами по себе небыли интересны и до сих пор являются предметом споров историков, однако все это не имеет столь уж непосредственного отношения к теме всей работы.

Постепенно становящиеся доступными в последние годы архивные документы о корейской войне, в которой и советская, и китайская стороны играли большую роль, пока не нашли достаточно полного отражения, анализа и оценки в отечественной литературе, и В.А.Шину было объективно невозможно использовать их в полной мере, так что он прав, когда пишет о том, что эта проблема яв-

ляется предметом отдельного всестороннего исследования.

Корейская война была по сути своей локальным вооруженным конфликтом в жестком противоборстве двух лагерей, возглавляемых СССР и США, поэтому трудно согласиться с утверждением автора, что она была гражданской войной или гражданским конфликтом и из "малой войны" в 1949 г. превратилась в "большую войну" в 1950 г. (с. 18, 134).

Достаточно спорным представляется положение В.А.Шина о том, что ради противостояния США в Корее Пекин был вынужден фактически пожертвовать перспективой окончательного решения вопроса объединения Китая и освобождения Тайваня. В той обстановке, которая существовала в начале 50-х годов, КНР не обладала военно-политическим потенциалом для решения этой проблемы.

Вызывает возражение и тезис В.А.Шина о том, что "неудачная попытка силового объединения Кореи привела к осознанию необратимости национального раскола..." (с. 135). Термин "необратимость", даже если иметь в виду то обстоятельство, что раскол единой Кореи на Северную и Южную уже продолжается более полувека, все же представляется здесь не вполне уместным. Видимо, правильнее было бы сказать об усугублении раскола или пролонгировании разделения Кореи на два государства на длительное время.

Книга четко построена в композиционном отношении. От подробного анализа межпартийных и межгосударственных отношений между КПК и ТПК, КНР и КНДР и начального процесса развития китайско-южнокорейских связей (I и II главы книги) автор логично переходит к характеристике изменений во внешнеполитической доктрине КНР к концу 80-х гг. и соответственно к анализу нового этапа политики Пекина на Корейском полуострове.

На большом и интересном фактическом материале показаны В.А.Шиним зигзаги в китайско-северокорейских отношениях в 60-е и 70-е годы, убедительно сформулированы их основные причины и факторы, определявшие политику Китая.

Заслуживает самого пристального внимания метод рассмотрения позиции Пхеньяна в период американско-китайского сближения и влияния китайской политики на сдвиги в отношениях между двумя корейскими государствами (шаги по началу межкорейского диалога).

Качественно новый этап в политике КНР на Корейском полуострове В.А.Шин формально датирует 1992 г. (установление китайско-южнокорейских дипломатических отношений) и особо подчеркивает стремление КНР на этом этапе к деидеологизации и сбалансированности отношений с двумя корейскими государствами (с. 138-139). Однако еще раньше, в II главе, В.А.Шин показал, что жесткие идеологические установки, по крайней мере с середины 80-х гг., уже не играли существенной роли во внешней политике Пекина, что обусловило, в частности, существенный прогресс в китайско-южнокорейских торгово-экономических и неправительственных связях (с. 71-79).

В книге неоднократно употребляется вошедший в научный и политический лексикон термин "деидеологизация внешней политики", который применительно к последней представляется в общем достаточно неудачным. Любая политика не может не базироваться на определенных идеях и представлениях, так что правильнее было бы говорить не о "деидеологизации", а об изменении идей и концепций, лежащих в основе политики, в данном случае политики пекинского руководства.

Следует отметить, что имевший место существенный пересмотр оценки современной эпохи, выдвижение концепции многополюсности, новая оценка положения в мире и на Дальнем Востоке коренным образом повлияли на внешнюю политику КНР в целом и на ее стратегические установки и тактические действия на Корейском полуострове, что очень подробно прослежено в рецензируемой книге (с. 84-85).

Обобщение большого фактического материала позволило В.А.Шину прийти к обоснованному выводу о характерных особенностях политики Пекина на Корейском полуострове: сохранение дружест-

венных отношений с Пхеньяном, расширение сотрудничества с Сеулом, соблюдение своих национальных интересов в отношениях с США и Японией.

Проведенный в книге анализ полувекового периода развития китайско-корейских отношений мог бы послужить, с точки зрения рецензента, серьезным основанием для вариантных прогнозов поведения Пекина в случае развития ситуации на Корейском полуострове по тому или иному сценарию. Хотелось бы, чтобы автор продолжил работу по этой проблематике и в следующей своей книге уделит некоторое внимание и прогнозированию китайской политики на Корейском

полуострове, что было бы небезынтересно и для ученых, и для практических работников.

Заключение В.А.Шина о важности постоянного и детального изучения стратегии и тактики Пекина на Корейском полуострове для определения долгосрочных российских интересов в Дальневосточном регионе, а также о возможности использования отдельных элементов китайского опыта в отношениях с двумя корейскими государствами заслуживает самого серьезного внимания со стороны специалистов, занимающихся вопросами российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

© 1999

*А. Волохова,
кандидат исторических наук*

Памяти Сандже Данциковича Дылыкова (1912-1999)

5 июня 1999 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался старейший сотрудник Института востоковедения РАН, выдающийся ученый-монголовед, доктор исторических наук Сандже Данцикович Дылыков.

С.Д.Дылыков родился 15 мая 1912 г. в с.Харашибирь Забайкальской обл. (ныне Республика Бурятия) в семье крестьянина. В 1932 г. окончил Восточный факультет Дальневосточного университета по специальности история Китая и два года работал в Ленинградском Восточном Институте. В 1934 г. стал аспирантом кабинета Монголии Института востоковедения АН СССР. После окончания в 1938 г. аспирантуры - научный сотрудник Института.

В 1941-1950 гг. С.Д.Дылыков - в рядах Советской Армии, служил на Дальнем Востоке. За военные заслуги подполковник С.Д.Дылыков награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной звезды и медалями. После демобилизации в июле 1950 г. он возвращается в Институт востоковедения. До 1953 г. С.Д.Дылыков - ученый секретарь Института. В 1955-1979 гг. руководил сектором Монголии ИВ АН СССР. Именно тогда в полной мере раскрылся талант С.Д.Дылыкова как видного востоковеда, одного из крупнейших российских монголоведов широкого профиля, специалиста в области истории и культуры монгольского народа, национально-освободительного движения на Востоке, истории и современного положения буддийской церкви.

Его монография "Демократическое движение монгольского народа в Китае" (1953 г.) явилась новым словом в изучении Монголии. Эту тему он впоследствии развил в своей докторской диссертации, защищенной в 1971 г.

С.Д.Дылыков - один из основных авторов крупных обобщающих трудов, подготовленных совместно с монгольскими учеными, - "История Монгольской Народной Республики" (1954, 1967, 1983 гг.), "История советско-монгольских отношений" (1981 г.), автор многочисленных статей, докладов, выступлений по кардинальным вопросам истории и историографии Монголии и буддизма. Непреходящее значение для изучения политических, социально-экономических и культурных отношений в Монголии и Центральной Азии, истории китайско-монгольских отношений имеют подготовленные им публикации текстов и исследования важнейших памятников монгольского феодального права 17-18 вв. "Халха джирум" (1965 г.) "Их цааз" (1981 г.) и кодекса маньчжурских законов для монголов "Цзааджин бичиг" (1998 г.).

С.Д.Дылыков - видный общественный деятель. В течение долгих лет он являлся вице-президентом всемирного братства буддистов, избирался в состав правлений обществ дружбы с Монголией и другими странами, был вице-президентом постоянного комитета Международного конгресса монголоведов.

За большие научные достижения, вклад в подготовку кадров и развитие дружественных отношений России и Монголии С.Д.Дылыков был избран иностранным профессором Академии наук Монголии, награжден монгольским орденом "Полярная звезда" и отечественным "Знак почета", удостоен почетного звания "Заслуженный деятель науки Республики Бурятия".

После ухода в 1982 г. на пенсию С.Д.Дылыков продолжал плодотворно трудиться. Свой последний труд - "Цзааджин бичиг" - он подготовил к изданию уже будучи тяжело больным. Он оставил в рукописи 400 страниц своих мемуаров.

С.Д.Дылыков был талантливым, прекрасным человеком. Мягкий и деликатный, доброжелательный, жизнелюбивый, он умел зажигать своим оптимизмом людей, вселять в них уверенность в своих силах, поддерживать и помогать им. Светлая память о нем навсегда сохранится в сердцах всех, кто его знал.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.06.99 г. Подписано к печати 16.07.99 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл. кр.-отт. 11,2 тыс. Уч.-издл. 14,6 Бум. л. 5,0
Тираж 851 экз. Зак 2473.

Оригинал-макет © 1999 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в типографии "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6.

**ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН,
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ КИТАЕВЕДОВ,
ОБЩЕСТВО РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ**

**в 1999-2000 гг.
проводят циклы лекций**

**1."РОССИЯ И СТРАНЫ ЗАРУБЕЖНОГО
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА"**

2."КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ"

Примерная тематика лекций:

Цикл 1

1. Российско-китайское стратегическое партнерство: реалии и перспективы.
2. История КНР в лицах видных деятелей науки, культуры и политики.
3. КНР 50 лет: опыт и уроки.
4. Тайвань: история и современность
5. Корейский полуостров и интересы России.
6. Особенности обстановки в АТР и интересы России.
7. Российско-японские отношения: вчера, сегодня, завтра.
8. КНР на пути реформ и открытости.
9. Тайны восточных единоборств.

Цикл 2

1. Китайская цивилизация и причины ее живучести.
2. Основные категории китайской философии.
3. Религии Китая.
4. Классическая китайская литература.
5. История каллиграфии в Китае.
6. Традиционная китайская живопись.
7. Китайское современное киноискусство.
8. Китайская традиционная медицина: реальность и вымыслы.
9. Традиционное китайское театральное искусство.
10. Особенности китайской архитектуры.
11. Декоративно-прикладное искусство Китая.
12. Роль личности в истории Китая.

*Лекции будут проводиться с октября 1999 года бесплатно
для всех желающих два раза в месяц в Китайском зале ИДВ РАН по адресу:
Москва, Нахимовский проспект 32, Институт Дальнего Востока РАН.*

Для уточнения дат и тем лекций контактный телефон:124-07-04;124-01-17.